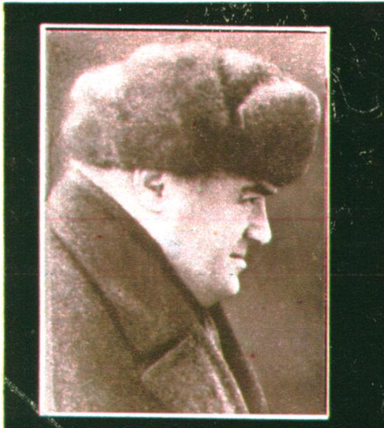
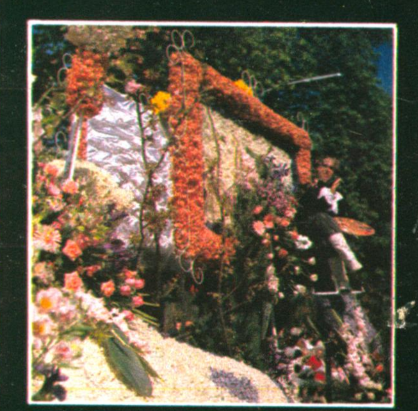
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 49 ДЕКАБРЬ 1987

ЖИВОЕ ДЕРЕВО ИСКУССТВА

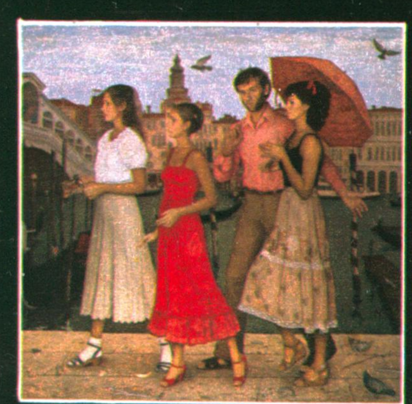

СЕРГЕЙ КОРОЛЕВ: У ИСТОКОВ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

ЦВЕТОЧНЫЙ КОВЕР ИЗ НИДЕРЛАНДОВ

РАССКАЗ ВЛАДИМИРА КРУПИНА

ОБ УДАЧАХ ИСТИННЫХ И МНИМЫХ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (3150)

5—12 ДЕКАБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Художник-кузнец из города Ленинакана Гамлет Айрапетян. (См. в номере статью «Впаяны древности в почву»). Фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 251-89-83; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 13.11.87. Подписано к печати 01.12.87. А 00468. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2700. Заказ № 1519.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

НЕ ПЛАЧЬ, СО

Встреча через 46 лет...

Яков Петрович Шевляков: «Без вести не пропадал».

На память о встрече в ЦК ВЛКСМ.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. И. Мироненко вручает комсомольскую награду З. В. Галутину.

Девушки из группы «Поиск».

Николай БЫКОВ,
фото Анатолия БОЧИНИНА

Снова строй, и снова перекличка. Один за другим откликаются солдаты, бывшие солдаты Великой Отечественной войны:

— Афонин!
— Я.
— Большаков!
— Я.
— Верещак!
— Я.

Седые, грузные, лица в морщинах.

Идет церемония вручения боевых наград тем, кто не смог получить их тогда, на фронтах 1941—1945 годов: на войне как на войне... «Кому память, кому слава, кому темная вода...» Темная вода — это забвение. И забвение выпало кому-то — тяжелейшая из доль... Но вот же они, живые герои, и вот их слава! Она настигла их! Бывших солдат собрали вместе в столице осенним утром девушки из группы «Поиск». Комсомольцы-добровольцы задались целью отыскать среди еще живых тех, кто так и не получил тогда, в траншеях,

блиндажах, на стылых опушках Подмосковья, орден или медаль из рук командиров. Одних разметали последующие бои, других отправили в медсанбат, наградные листы на третьих слишком медленно преодолевали путь от представления до указа... Война не ждала, и солдаты не ждали...

Группа «Поиск» при Московском торгово-экономическом техникуме нашла уже 1021 ветерана. Группу и несколько старых солдат на торжественную церемонию вручения пригласили в ЦК ВЛКСМ. Среди тех, кого нашел «Поиск», более ста семидесяти Ивановых — солдат с фамилией, на которой вся Россия держится! Были, рассказали девушки, и Теркины! А два обнаруженных солдата получили еще по одной «Славе» и стали, таким образом, полными кавалерами этого самого фронтового ордена... И еще случай: установили, что награжден Георгий Ефимович Огородников посмертно, а Георгий Ефимович жив! На Алтае проживает. Игорь Павлович Долженков окончил войну Героем Советского Союза, жил трудно и долго, до самого 1980 года... Но вот пришла ему еще одна награда — самый первый из многих его орденов.

— Долженков!

И шаг вперед делает сын героя, Андрей Игоревич Долженков, он со слезами принимает орден молодого отца — эхо страшного сорок первого. Орденская книжка снайпера Героя Советского Союза Василия Ивановича Талалаева вручена его сестре Лидии. Дочь Валентина приняла орден Красного Знамени, которым был награжден, да не знал этого, отец — Василий Александрович Смельский...

Много бывает встреч в ЦК ВЛКСМ. Эта особенная. Встреча поколений. Главное — сегодня вместе. Вместе — это главное для комсомольцев 1941 года и нашего, 1987-го...

Как бывает в жизни? А вот так: Тимофей Данилович Афонин сам из Волгограда, живет в славном городе на улице имени 51-й гвардейской стрелковой дивизии. Его улица, его дивизия — воевал в ней, был одним из многих комбатов. Ветераны дивизии обычно собирались по красным датам в городе на Волге, да не знал об этом Тимофей Данилович. Не знал, пока его, затерявшегося после тяжелого ранения, не нашла группа «Поиск»...

— Я плачу,— с трудом говорит Тимофей Данилович.— Знаю, Москва слезам не верит... Поверьте, дорогие внучата, слезам солдата! Тогда мы их не проливали. Били врага, били оккупантов. А теперь вот слезы... Дорого ваше молодое внимание к нам, живым свидетелям войны...

— Я благодаря ребятам из «Поиска»,— рассказал бывший старший сержант Семен Константинович Большаков,— вчера встретился со знаменем нашего 950-го стрелкового полка. И поцеловал старенькое полотнище. Второй раз в жизни, а первый раз тогда, под Москвой, когда мы, кто остался в роте автоматчиков, поклялись не отступать... А как получилось? Нехорошо получилось — полегли в контратаках наши командиры. Первыми вставали, первыми и полегли... Я был помкомвзвода... Я знал, что встать надо. И встал. И поднял живых, и мы встретили фрицев, погнали их, да так, что ворвались в деревеньку, удержали ее... А с нами был наш комполка и моих оставшихся четырнадцать автоматчиков. Комполка советуется: что делать будем? Поделили с ним автоматчиков и ударили с флангов! Это было под Москвой, 26 декабря 1941 года...

— Спасибо всем, всем девушкам из техникума! — сказал, справляясь с волнением, Яков Петрович Шевляков.— Со Светланой Дорофеевой мы подружились, очень она внимательная!.. Конечно, тогда нам было не до наград... Нам была нужна одна Победа, одна на всех...

Жесткие черты лица у старого солдата. Как из камня высечен... Наводчик орудия. Потом пулеметчик... И отступал, и наступал. Под Москвой. И в руинах Сталинграда. Лежал в госпитале под Калачом, и тот госпиталь, всех, кто мог держать оружие, бросили в бой... Донбасс, Днепр... Воевал в Белоруссии под началом маршала Рокоссовского — этим обстоятельством очень горд.

— Под Москвой ранило. В Сталинграде ранило. В Белоруссии ранило...

Страшен короткий рассказ, но Яков Петрович закончил его с улыбкой:

— Вышел из войны инвалидом... Для однополчан и для родных, для жены Марии Васильевны меня объявили без вести пропавшим («...кому темная вода»). Много лет кочевал по госпиталям. Не сразу, но домой, в Москву, вернулся... И вот нашелся я для Светланы! Это она и ее подруги. Спасибо! И за награду тоже...

Ну, а под благодарные дедовские взгляды, смущаясь, краснея, получили памятные награды комсомола юные бойцы «Поиска», неутомимые следопыты Светлана Дорофеева, Наташа Крутова, Марина Сурдина, Наташа Тимонькина, Ира Бодунова, Женя Филькова, Нурия Рахманова и другие девушки, а также их вдохновитель и организатор, он же ветеран войны Зиновий Вениаминович Галутин.

Как в начале мероприятия, так и в заключение его выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Мироненко. Он говорил о благородстве и о долге, о патриотизме и о таком свойстве времени, как быстротечность. Надо спешить с поиском тех, кто обделен до сих пор вниманием:

— Давайте торопиться!

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

В № 47 нашего журнала опубликован материал Д. Бирюкова «От Балтики до Байкала», в котором со ссылкой на исследования редакции журнала «ЭКО» в Новосибирске говорилось следующее: «По данным опроса, 30% населения города за перестройку, 50% относятся к ней нейтрально и 20% — против».

Приведенные в статье данные вызвали недоумение и возмущение жителей Новосибирска. Проверка показала, что Д. Бирюковым допущено грубое нарушение журналистской этики. В сущности, проявив профессиональную некомпетентность, Д. Бирюков придумал данные, которыми он оперировал в статье. Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР и журнал «ЭКО» не проводили подобных исследований в Новосибирске. Последний опрос был сделан в 1986 году в Алтайском крае и анализировал совсем другой вопрос — отношение к труду на некоторых предприятиях края.

Редакция приносит читателям «Огонька» свои извинения за допущенную ошибку. Д. Бирюков проявил недопустимую для советского журналиста недобросовестность, фальсификацию действительности. Искажение фактических данных является грубейшим нарушением важнейшей традиции советской печати — сообщать правдивую информацию. Лишь неуклонное соблюдение этого принципа позволяет печати повышать свою роль в деле перестройки.

Решением партийного бюро парторганизации редакции Д. Бирюкову объявлен выговор с занесением в учетную карточку, редколлегии журнала предложено рассмотреть вопрос о целесообразности его дальнейшей работы в качестве редактора международного отдела. Обращено внимание ведущего номер заместителя главного редактора журнала т. Николаева В. Д. на безответственность, приведшую к грубой ошибке на страницах журнала.

■

Есть люди, которые излучают свет и тепло, хотя на первый взгляд вроде бы и нет ничего в них особенного — ни сложностей, ни загадок. А возле такого человека легко и надежно. И всякое слово свое, и всякое дело хочется говорить и делать искренне, от души. Вот такой человек и есть моя жена Любовь Алексеевна.

Спустя сорок лет после войны ампутировали у меня обе ноги, да к тому же с конца 1944-го не было культи левого предплечья, а на правой не все пальцы: шесть раз был ранен на фронте, три года в госпиталях. Ампутация такая, что протезированию не подлежит, прикован к постели на всю жизнь. А ведь я не так уж стар — 63 года. Первая жена умерла двадцать лет назад, детей не было. Сколько бы мне пришлось находиться в Новокузнецком филиале института протезирования, одному богу известно, если бы не Люба. Она выходила меня, вернула веру. Сколько надо мужества, терпения повседневного — постоянно врачи и «Скорая помощь», одни хлопоты, а она на одиннадцать лет моложе меня. Теперь у нас квартира, купили мебель. А главное, она все умеет сделать так, чтобы ни единым словом не обидеть.

Пишу вам потому, что знать надо не только о героях, но и о самых обыкновенных людях, которые приходят в трагические минуты на помощь, таких, как моя жена Любовь Алексеевна.

Н. ДУРЯГИН
Тайга, Кемеровской области.

■

Говоря о перестройке, мы делаем акцент, как правило, на экономическую сторону преобразований. В нашей лаборатории (я физик-вычислитель) разворачиваются иной раз такие жаркие споры между «товарниками» и «кавалеристами», какие не часто возникают даже на научных семинарах.

Я все же считаю, что центр тяжести наших обсуждений должен быть перемещен на вопросы этики и морали. Мне кажется, что наибольшие потери в период застоя мы понесли именно в этих сферах общественной жизни. Ослепленные страстью экономических реформ, мы перестали задумываться над сущностью жизни, вероятно, с тридцатых годов. В людях подспудно сложился идеал сытой жизни как предела стремлений и желаний. Наивное толкование взаимоотношения материального и духовного, выражавшееся в популярной идее, что человека сперва надо накормить, а потом уж рассуждать об этике, принесло много бед.

Я ни в коем случае не против сытой жизни. Но хочется спросить: «А сытая жизнь зачем?» И вот тут начинаются трудности. С детства нам внушали, что надо жить для людей. Идеал этот, не подкрепленный убедительным философским обоснованием, быстро померк в нашем сознании. Стоит ли жить для воров, хапуг, карьеристов? Не лучше ли жить для семьи, детей? Пустота, образованная отсутствием последовательного этического мировоззрения, заполнялась разнообразными формами мировоззрения эгоистически-пессимистического.

Нельзя упустить время. Своеобразие эпохи, в которую мы живем, состоит в том, что нужно спешно вовлекать огромные массы людей в духовную работу. Слишком велика сегодня ответственность нас, простых смертных, операторов АЭС и диспетчеров железнодорожных станций.

А. КУЛИКОВСКИЙ
Москва.

■

На карте Синегорье — маленькая точка. У нас леспромхоз, зеленое золото идет в закрома страны. И, поверьте, его немало. Кадровая политика, социальная политика — явления взаимосвязанные. Какой же будет толк от леспромхоза, где не хватает рабочих рук? А как же их будет хватать, если в селе фактически не работает клуб!

Нет, фильмы изредка показывают, но какие! По третьей категории, как отвечают нам работники культуры. Наши дети никогда не увидят «Иди и смотри», «Письма мертвого человека», «Покаяние», «Легко ли быть молодым?» и другие. А как воспитывать молодежь на слащавых мелодрамах? Даже смотреть вторую программу ТВ, которую принимает райцентр, мы не можем. Разве сложно установить дополнительный ретранслятор?

Два года перестройки показали, что очень много у нас потенциальных возможностей делать жизнь лучше. Почему же в Синегорье люди должны жить по третьей категории?

И. КОГУРОВ
с. Синегорье, Кировской области.

ВЕРНЫЕ ЛЮДИ НАЙДУТСЯ ВСЕГДА ●
ДАВАЙТЕ ИГРАТЬ В ЗООЛОТО! ●
К ЕСЕНИНУ — СТРОГО ПО ПРОПУСКУ ●

■

Как быть, если все-таки дочка мясника, внучка академика или красавица из далекого Кологрива хотят купить нечто эдакое дорогое и западное, а другому позарез для больного потребовалась, скажем, черная икра? Опять идти на поклон с черного хода и с громадной переплатой?

Предлагаю открыть сеть государственных коммерческих магазинов, где бы самый хороший западный товар (а не с парижской барахолки) и наш тоже стоил бы «бешеных денег» для любителей поменьше съесть, а получше вырядиться или для тех, кто предпочитает высокое качество предлагаемому количеству. Только цены должны быть гибкие. Пример. Партия австрийских сапог разошлась по цене 200 рублей за пару, через неделю те же сапоги продаются уже по 240. Если женские костюмы «от Зайцева» по цене 250 рублей берут в течение квартала неохотно, нужна быстрая ревизия, и пусть товар уходит в продажу в самый обычный магазин по обычным ценам.

Кто и зачем тогда будет искать услужливого спекулянта, а если таковой еще все-таки останется и начнет сбивать цены, тут-то и не отстать коммерческому магазину, не забюрократиться, не проторговаться.

В. СОТНИКОВ
Подольск, Московской области.

■

Сейчас под маркой демократии некоторые настолько распоясались, что даже отношение к святая святых — государственным символам нашей Родины пытаются, с позволения сказать, «переосмыслить». В печати появились статьи, а на телеэкране манекенщицы, которые стараются доказать, что изображать серп и молот, а то и ордена на ткани вполне возможно. Когда разрабатывался наш герб, то, как мне известно, считали, что плуг пахаря-мужика, молот молотобойца-рабочего — это значит, что Красная Армия борется за то, чтобы звезда правды светила пахарю-мужику и молотобойцу-рабочему, чтобы для них были воля и доля, отдых и хлеб... Она есть звезда счастья всех бедняков, крестьян и рабочих.

Ежегодно я, ветеран педагогического труда, провожу беседу о государственных символах нашей Родины с учениками. Стараюсь воспитать у них чувство гордости к гербу и флагу Родины, рассказываю, как фашисты выжигали звезды на теле партизан и солдат. Не могу спокойно смотреть на молодежь, на брюках и рубахах которой пятиконечная наша звезда. За нее отдана не одна жизнь.

В. ЮДИНА
Симферополь.

■

Из «Огонька» узнал я о существовании Фонда помощи зоопаркам и, несмотря на свои преклонные годы, очень этим заинтересовался. У меня предложение: постарайтесь теперь «пробить» зоолото в интересах того же фонда по типу пресловутого спортлото, хотя последнее меня вовсе не привлекает. Думаю, что и покупают люди эти спорт-бумажки в общем-то не из любви к большому спорту, а просто из желания поиграть в удачу. То, что средства спортлото идут только на большой, а не на массовый спорт,— достаточно очевидно: стоит лишь посмотреть вокруг на запущенные районные стадионы, где практически нет никакой физкультурной работы... Финансировать же социально абсурдный, с моей точки зрения, большой спорт я не считаю нужным, а монополию на лото очень бы хотел у них отобрать. Представляя себе, как привлекательно смогут выглядеть карточки зоолото с рисунками зверей и птиц, выражаю уверенность, что счет № 703 будет быстро расти. Сами посудите, кто из родителей, бабушек и дедушек (это я о себе) откажет ребенку в покупке столь интересной серии картинок животных, да еще в сочетании с лотереей.

В этом есть только одна опасность: могут помешать околоспортивные «дяди», ибо зоолото вытеснит (не сомневаюсь) лото спортивное.

А. СОСНИН,
ветеран Великой Отечественной войны
Ленинград.

■

Отец мой был парторгом на строительстве Горьковского автозавода и станкозавода в Челябинске. Затем первым секретарем Кыштымского райкома партии. В конце октября 1937 года его арестовали. Мать работала на заводе. После ареста отца была исключена из партии и уволена «за потерю бдительности».

Хорошо помню маленький чемодан с вещами для матери и два узелка на тот случай, если за нами придут. Обреченность жила в нашем голодном доме. Однажды на телеге подъехал возчик с завода и сказал матери: «Собирайся, поедешь к нам, пропадешь с ребятней». Семья Устинова была человек шесть, да нас трое.

Весной переехали в другой город, где жила сестра мамы. Помню, весь класс вступал в комсомол. Подал заявление и я. Когда биографию рассказывал, не скрыл, что отец арестован. После моего рассказа директор школы (фамилию не буду приводить, где-то его дети и внуки) говорит: «Нельзя его принимать, сын врага народа. В классе двадцать двоек по контрольной по математике. Может, это его работа?» Встал комсорг школы Миша Жаринов (учился на класс старше меня, погиб на Кубани в 1943 году) и сказал, что в двойках я не виноват, показываю себя хорошо и надо принять. Потом голосовали и большинством приняли. Директор высказал мнение, что райком поправит.

Бюро райкома комсомола вел первый секретарь Жестовский, раненый пограничник. Жестовский спросил, что я сам получил по контрольной. «Посредственно»,— отвечаю. «Лучше надо учиться, товарищ Клячко»,— поучительно заметил он. А потом спокойно предложил принять меня в комсомол. Плакал я потихоньку очень долго и поклялся, что докажу преданность делом, не пожалею себя.

Началась война. В разных частях и в разных передрягах пришлось быть. Не отставал от других, а то и впереди шел, хотя особо героического не совершил. Вступил в партию, и, хотя, рассказывая биографию, я не скрывал правду об отце, там, на фронте, ни одной руки против не поднялось.

В 1946 году демобилизовался, окончил институт и работал на одном заводе всю жизнь. В трудных 1951, 1952 годах чувствовал и знал, что сгущаются надо мной тучи. И немалые. Но директор завода (а завод в то время был закрытым) Семеновых Иван Михайлович в обиду не давал. Работал сначала мастером, потом начальником участка. В 1955 году, когда уже было проще во многом, стал начальником ПТО, затем начальником цеха, главным инженером, директором завода. В общей сложности проработал там 15 лет, а после — 20 лет генеральным директором объединения в Москве. Когда стало давать о себе знать пережитое, попросился на другую работу.

В 1956 году состоялся XX съезд КПСС. Многое было расставлено по своим местам. Через год получил я документы о том, что отец реабилитирован и восстановлен в партии посмертно. Мать тоже восстановлена в членах партии с сохранением стажа с 1924 года.

Все это было. Но ни разу в жизни моей не случалось так, чтобы в трудную минуту не оказались рядом добрые, настоящие, мужественные люди, в которых я чувствовал опору. И я, в свою очередь, старался лучше работать и отдавать этим людям всего себя.

Сегодня многое стало явным. Сказана скрывавшаяся долгие годы правда о культе личности Сталина, о понесенных страной потерях. Но, несмотря на неизмеримые эти потери, мы шли вперед и только вперед. Ибо нельзя подавить волю, честность и трудолюбие нашего народа. Но мы должны знать и помнить имена тех, кто помог выстоять,— школьника Миши Жаринова, секретаря комсомола Жестовского и многих других. И моего отца тоже.

Л. И. КЛЯЧКО,
лауреат Государственной премии СССР,
главный редактор журнала «Цветные металлы»

■

Живу я одна, родители умерли десять лет назад. Сейчас мне 28, разошлась с мужем, когда сыну было полтора года, алименты не получаю. Работаю машинисткой, зарплата 80 рублей. В школе, а мой сын учится в первом классе, мне оказали материальную помощь в 25 рублей, за что могу сказать только спасибо. И вдруг потребовали с меня чек: что, мол, купила я ребенку на эти деньги. Разве это не унизительно? Когда сыну надо было пальто, я сэкономила и купила, а сейчас мне нужны были деньги на молоко, хлеб, на конфеты в конце концов. Я берегу деньги и стараюсь заработать, чтобы у сына было все не хуже, чем у других. Может быть, напрасно обижаюсь, педагогам лучше знать, тем более, говорят, что не только в нашей школе такой порядок, так всюду. И тем не менее вот так материальную помощь от них получать не хочу.

О. ТОЛСТЫХ
Курск.

■

В селе Константиново на Рязанщине в первых числах октября, как известно, проводятся праздники поэзии, посвященные дню рождения Сергея Есенина. Мы почти всегда бываем на этих праздниках и в этот раз тоже решили с детьми посетить Константиново, походить по высокому берегу Оки, полюбоваться безбрежными окскими лугами, воспетыми поэтом. Была суббота, сына отпросили из школы после 3-го урока, сели в машину... И вот, не доезжая трех километров до Константинова, видим пост ГАИ (только что открытый). Инспектор заявил нам, что дальше можно ехать только по спецпропускам или в туристическом автобусе. На обочине стояло полсотни автомобилей и толпились кучки растерянных любителей поэзии.

Большинство из остановленных потопало эти 3 км пешком, а моей жене повезло. После ее бурных возмущенных слов был остановлен автобус, и ее с детьми (дочери 4 года) посадили в него. Мне же пришлось ждать их на обочине, на праздник я не попал. В толпе моих товарищей по несчастью говорили, что праздник поэзии соизволил посетить чиновник крупного масштаба. В селе стоял целый автобус с милицией, вдоль дороги, начиная от пос. Рыбное, на каждом перекрестке милиционеры. Кругом милицейские машины. Это что — защита от нас? Но кого же нужно защищать?

А мимо нас на больших скоростях (дорога-то пустая) мчались «Волги» со спецпропусками... Мои еле добрели назад. Жена по очереди с сыном несли дочку на руках.

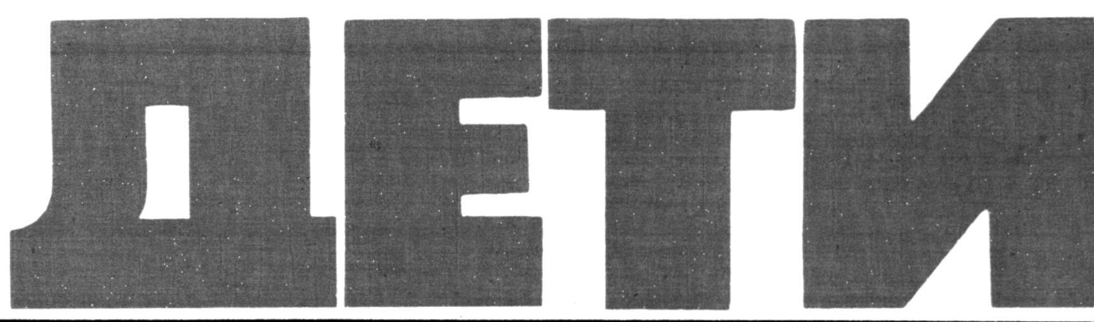
Понятно еще было бы, если Константиново решили уберечь от выхлопов машин и прочих автомобильных вредностей. Но ведь лимузинов с пропусками — в большинстве из них восседало по одному или по двое седоков — были десятки и десятки! Неужели должность — более уважительная причина, чем мои маленькие дети и отсутствие возможности добыть этот самый пропуск? Кстати, где его выдают — в ГАИ? В Союзе писателей? В управлении дорожного хозяйства? И кому их выдают?

От имени моих земляков, а также москвичей, ленинградцев и всех остальных, оставшихся на обочине

П. А. ПАПАНОВ
и его семья
Рязань.

Наш адрес:
101456, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

Александр РАДОВ

КАК ОНИ СТАНУТ ЖИТЬ, КА

Неладно что-то в детском королевстве. Особенно в тех его графствах, где обитают школьники и пэтэушники, техникумовцы и студенты. Таковых набирается целая Франция. А объединяет многих из них печальнейшее обстоятельство: молодых людей любовно, с самыми наилучшими побуждениями приковали к... учебе! И хоть ты умри! А в результате — ни учебы, ни жизни!

В последней фразе — социальный диагноз (ниже его расшифрую), но от него легко перейти к медицинскому. Исключений, конечно, немало, но в целом больны. Или точнее так: нездоровы. Пораженность учащихся всех видов школ — от начальной до высшей — хроническими недугами (разного, естественно, «достоинства») составляет и 70, и 80, и 10 процентов. Из-за «благоприобретенных» в школе и ПТУ хронических заболеваний очень многие подростки непригодны и к самым массовым профессиям. Потерь для страны не счесть.

Однако и это не все. Вся учащаяся рать есть средоточие главных на сегодня молодежных патологий. Когда готовил эти заметки, прошелся по всей милицейской иерархии, покопался в архивах судов, встретился с учеными-криминологами, и предстало перед глазами море извращенных страстей, куда втянуты тысячи и тысячи «мальчишек как мальчишек» и «девчонок как девчонок».

Велик соблазн их самих во всем обвинить: такие-де разэтакие! Но будем честны: это мы, взрослые, навязали им такую жизнь. В ней, этой жизни, нет слишком многого из того, что требует и растущий организм, и формирующаяся личность — развивающих игр и содержательного общения, коллективного творчества и всамделишного труда... Из-за этого пускается на ветер не только настоящее, но и будущее: зарываются таланты, отодвигаются когда-нибудь «на потом» призвания. Ни руки, ни головы не готовятся к длинной и трудной жизни...

«Да, я бездельница! — с яростным вызовом начинает письмо в редакцию восемнадцатилетняя Дина С. из Чебоксар и продолжает: — Но вы сами нас бездельниками растите, а потом обзываете! Вот я, например, проучилась в школе, а потом в училище в общей сложности 12 лет и все 12 лет не работаю. За эти годы я не научилась ровно ничему. Я тепличный цветок, который вот-вот выставят на мороз. Я этого очень боюсь, потому что я лентяйка и ничего не умею делать».

Но бояться надо и нам ее — эту честную девочку, кончающую медицинское училище. Нам ведь попадать в ее руки и руки ее коллег. А какие они профессионалы? В книге публициста и ученого доктора экономических наук Отто Лациса нахожу ссылку на три экспертных испытания. Они не самого последнего времени, однако нисколечко, к сожалению, не устарели. Итак: «В ходе одной из проверок лишь двадцать процентов учителей физики и математики старших классов смогли решить задачи по своим предметам, предлагаемые абитуриентам на вступительных экзаменах. При испытании двухсот пятидесяти врачей с двух-трехлетним стажем — выпускников семи медицинских институтов РСФСР — **ни один** не смог правильно ответить на все элементарные вопросы по специальности, которые должен знать каждый врач. По семнадцати критериям были оценены более тысячи ленинградских инженеров-проектировщиков. Из них лишь четверть оказались всесторонне подготовленными, а две пятых — по всем статьям ниже среднего, в том числе пятая часть руководителей групп».

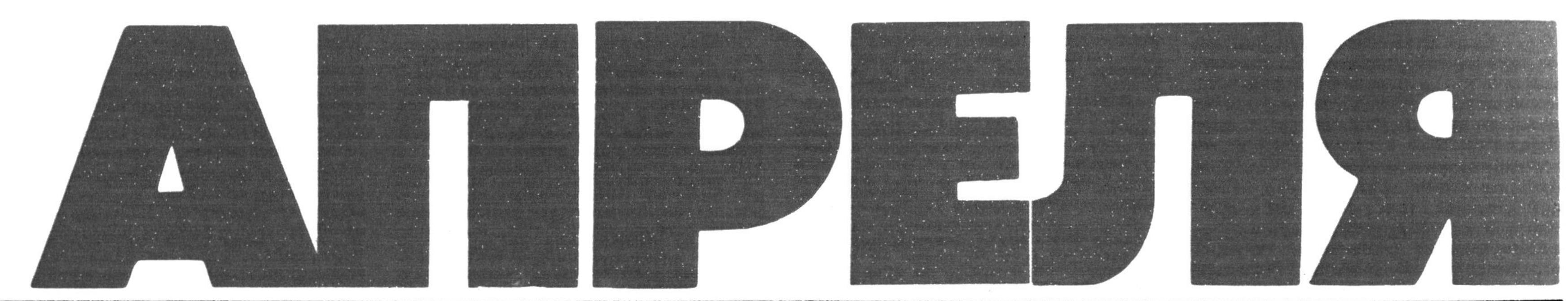
От известного нашего социолога ленинградского профессора Владимира Александровича Ядова узнаю: к высшему уровню мастерства наши рабочие выходят на 5—7 лет позже, чем, к примеру, в Швеции. Во многом потому, что путь ко всеобщей умелости начинается там со школы. Об этом узнаю из письма московской писательницы Натальи Ильиной: «В Швеции здание школы и ремонтируется и убирается самими школьниками. И мальчиков и девочек обязательно учат там шить, готовить, водить машину, работать на простейших станках, ремонтировать бытовые электроприборы, регулировать уличное движение и многому еще. Там не воспевают «неумелые мужские руки», неспособные пришить пуговицу. Изготовленные ребятами вещи поступают в комиссионные магазины. Половину выручки получает школьник, другая половина идет на школьные нужды. Но это мы не заимствуем — нас больше АББА интересует. Увы!»

«Что-то надо делать!» — пишут и пишут в редакции родители, учителя, сами ребята, пребывающие в недоумении, а кто-то — в ужасе. Одни — от принявших гигантский масштаб псевдострастей и псевдоувлечений молодежи, другие — от полной немощи школы всех ступеней в решении всех этих и прочих проблем. На что же надеяться? «Реформа школы? — переспрашивает в письме Борис Борисович Пашко из Бреста и решительно отвечает: — Нет, реформа всей их жизни!» А потом обосновывает. Его аргументацию не могу не привести:

«В прошлом труд, постоянная помощь ближним, каждодневные жизненные обязанности — все это входило и в кровь, и в клеточки мозга ребенка, потом подростка, и... становился человек! Тяготы послевоенных лет оборачивались — повсеместно и для всех — трудом. А сейчас? Балдеж и никаких идеалов. Сытые, одетые, как правило, физически сильные — и ничего в голове, ничего в обязанностях, никакой нагрузки и на извилины (хотя телом и акселераты, но для большинства из них учение — враг номер один!). Так что же будет дальше? Уходят потихоньку из жизни люди довоенного поколения, невелика прослойка послевоенных, и в жизнь начинают входить питомцы шестидесятых годов. Но посмотрите: они ж неразвитые социально, не испытанные горестями, не закаленные трудом. А ведь это мы сами превратили их в инфантильных, равнодушных ко всему, полных неумех...»

И превратили во многом из наилучших побуждений — чтоб они подольше не сталкивались с этой тяжкой, грубой жизнью. Успеют-де, нахлебаются! Да и малы еще, чтоб брать на себя наши взрослые заботы. Да и что они могут? Нет, пусть учатся, без них как-нибудь управимся!

Фото В. ЛАРИОНОВА.

КИМИ МЫ ИХ ВЫРАСТИМ?

Так и случился этот роковой парадокс: пожалев, многих из них погубили. Разве не очевидно теперь, как же правы были Макаренко и вслед за ним Сухомлинский, очень и очень предостерегавшие: счастливая детская жизнь не есть беззаботная. А впрочем, еще Александр Герцен вывел замечательную формулу: «Ничто в свете не очищает, не облагораживает так отроческий возраст, не хранит его, как сильно возбужденный общественный интерес». Вот чего так недостает и детям, и отрокам, и юношам, и молодым людям, и именно поэтому так много в их жизни, в них самих лишнего...

В эти наши бурные дни им слишком недостает прямой причастности к перестройке, понимания: без них не справятся. Но мы их держим, к сожалению, в резерве и даже в обозе, в то время как в государстве не хватает наших, то есть взрослых людей — и рук, и мозгов. Так почему ж не призвать десяти-, пятнадцати-, двадцатилетних? У меня и сомнений нет, что справятся не только с чем-нибудь простеньким, но и сложным — интеллектуальным, творческим. Современная психофизиология доказывает: молодые люди и в особенности подростки в пять, десять, двадцать раз быстрее взрослых осваивают любую сложную профессию, новую технику и технологию, перерабатывают информацию, приобретают автоматизм при исполнении каких-либо функций. Уже одно это позволяет увидеть в молодом поколении страны ее сверхресурс, суперпроизводительную силу. А пока, как афористически точно пишет читатель Г. Постнов из Липецка, «энергия молодежи, не реализуясь в общественно значимых сферах, выплескивается в формах непредсказуемых и по большей части извращенных. Общество дорого платит за то, что не предусмотрело широкое пространство для социального творчества юных поколений».

Он прав: только социальное творчество, то есть право творить новые человеческие отношения, в том числе производственные, позволит наконец-то повернуть «улицу» от псевдострастей и псевдоувлечений, преимущественно разрушительных, к невероятно интригующему созиданию нового мира вне себя и благодаря этому внутри...

ВОЗРАСТ ГРАЖДАНИНА

К Василию Васильевичу Воронину, следователю Московского городского следственного управления, пришел разбираться с убийством несовершеннолетними своего дружка-приятеля, а застал у него мать, принесшую заявление: «Прошу моего четырнадцатилетнего сына Диму Я. арестовать, так как его поведение невыносимо для меня и моей бабушки. Боюсь, что, находясь на свободе, он совершит более тяжкое преступление или сделает что-нибудь над собой».

— Ну вот какая может быть надежда на семью! — в сердцах бросает Воронин, когда остаемся с ним наедине.— Если б вы знали, сколько таких случаев...

Его непосредственный начальник Николай Григорьевич Храмов, заведующий отделом преступности несовершеннолетних, сообщает мне для начала: их основная «клиентура» — пэтэушники. Тому есть объяснение, но к нему обращусь позже. Что касается школьников, и они доставляют хлопоты. Более всего — или слишком обделенные судьбой, либо, напротив, заласканные, во всем перекормленные. Но вот что тревожит Храмова сильнее всего: попадающие в их ведение подростки, то есть совершившие что-то страшное, не ощутили на себе никакого влияния школы или ПТУ, зато улица поработала на славу. Вызванные на следствие или на суд представители школы, равно как и ПТУ, обычно отрекаются от своих попавших в беду питомцев, намекая: их дело — учить наукам или ремеслу, а воспитывают пусть в семье, в комсомоле, в домоуправлении...

Все это узнаваемо. И сам много раз наблюдал — школа ни за что не хочет становиться интегратором разрозненных на сегодня, даже конфликтующих институтов воспитания. Впрочем, и все педагогические ведомства, включая школу и профессионально-техническую, и высшую, видят в воспитании задачу побочную да и не очень обязательную, а все свои усилия плюс финансовые средства подчиняют одной только учебе, понимаемой к тому же слишком узко — лишь в плане словесно-книжных занятий. О последствиях такого толкования учебы ярко пишет читатель Е. Машин из Саратовской области: «Образование без воспитания — это палка о двух концах. Образованный герой — хорошо, образованный дезертир—плохо. Образованный труженик — золото, образованный лодырь — дерьмо. А уж образованный бюрократ, образованный демагог, образованный жулик, образованный враг, наконец,— ой-ой-ой! Уж лучше б они вообще не умели ни читать, ни считать, ни писать».

Нет, здесь нельзя обманываться: наипервейшая забота всех нас, имеющих касательство к детям,— производство нравственных людей. Сто тридцать лет назад именно с этим вышел к русскому обществу великий хирург наш, герой Севастополя, ставший позже педагогическим мыслителем и реформатором школы Николай Иванович Пирогов. Страстно, без устали доказывал: нет ничего практичнее для общества, как воспитание истинных людей, способных жить по правде и по совести, готовых к самопознанию и самопожертвованию... Все остальное, то есть приобщение к знаниям, подготовка к профессии, должно быть потом...

Кто-нибудь непременно воскликнет: «Легко сказать — подготовка истинных людей!» Очень нелегко! Да ведь пути известны. Если б, к примеру, не когда-нибудь в XXI веке, а уже в ближайшем году ввели госприемку для школы (тут опять имею в виду все виды школ), потребовав от нее прежде всего не отметок в аттестатах (дипломах) и не только перечня проведенных общественных мероприятий, а обязательно и стопроцентно нравственных людей, то она немедленно, да не дожидаясь ни общей теории воспитания, ни частных методик, взялась коренным образом себя перестраивать и все необходимое для этого нашла бы: и материальные средства, и кадры, и наилучшие решения. В этом нет у меня сомнений. Ага, заключила б она, налицо родительский брак в воспитании? Так возьмемся всерьез за семью, но если же взятки гладки с нее, поможем детей определить в интернат, который поспорит и с пушкинским Лицеем... Есть дурное влияние улицы, соседних дворов, подворотен? Так подчиним их себе, соперничая, навязав свой стиль жизни... Пробелы в мужском воспитании? Так отыщем неравнодушных к детям, человечески самобытных мужчин, а потом, умолив распрощаться с профессией и податься в учителя, закроем глаза на «непрофильное» образование, хотя тут же организуем для них педагогический «ликбез»...

Превращение школы в воспитывающую потребует сломать ее обособленность от жизни, изолированность от взрослого труда. Но для этого надо совершенно иначе увидеть собственного питомца, поставив его совсем на другую ступень, то есть поверив в способность детей уже теперь — в десять, тринадцать, пятнадцать — быть и полноценными работниками, и оригинальными мыслителями.

Удивительнейший парадокс: им надо готовиться жить в гораздо более демократическом, чем сегодня, обществе, а их погрузили в мир сплошных регламентаций. Здесь им заказан настоящий труд. Не разрешено и не обеспечено материальными возможностями право на безудержное творчество. Не гарантирована возможность реального, то есть с решающим голосом и с возможностью действенной критики, участия в управлении по крайней мере делами своей школы. Наталья Ильина, на которую уже ссылался, пишет: «Мы без конца разлагаем своих детей примитивной музыкой и бесцветными песнями, вещизмом и обезьянними «загранишными» отбросами. А потом удивляемся: «Ах, какая молодежь пошла!» А они, по существу, маленькие безработные, лишенные по закону права на труд. Закон старательно заботится об их неприкаянности, об избавлении от трудовой деятельности, без которой человек перестает быть человеком. Очень жаль, что перестройка мышления возможна лишь при наличии такового».

Вывод неутешительный: воспитывающая школа сегодня не состоится уже хотя бы потому, что невозможен в наши дни полноценный, хотя и посильный труд для всех классов, а не только для выпускного. Ведь только с 15 лет учащийся может работать в течение всего учебного года. Это на условиях индивидуального найма. А по школьной программе даже для старшеклассников предусмотрено 6 часов в неделю. Казалось бы, уже неплохо. Но здесь есть подвох — 4 часа отводятся на «учебный» труд и только 2 — на настоящий, то есть связанный с выпуском товарной продукции.

Можно, конечно, эти излишне щадящие регламентации, напрочь перечеркивающие всю полноту влияния труда на ребят, обойти. Много лет это делает истинный педагог Карманов, создатель и бессменный директор школьного завода «Чайка». Он сделал по-своему: час из шести выделил под «учебный». Только это позволяет ему обойтись четырьмя тысячами приписанных к заводу старшеклассников из более чем тридцати школ, обеспечивая и непрерывность всех производственных процессов, и выполнение всех планов. Хотя сам-то он давно бы предпочел одну школу, чтоб наконец-то практически состоялось единство в труде, учебе, самоуправлении. Самое парадоксальное — под боком есть такая: интернат № 24, много-много лет считавшийся «диким». Еще бы: закрываемые под замок дети, лишенные попечения родителей, буквально дичали от полной неприкаянности и безделья. А Карманов обещал не только занятие дать детям, не только преобразить забытый богом интернат, но и превратить его в воспитывающий. Где только и перед кем не просил — не дали, не приведя ни одного разумного довода. Многое, очень многое не дали совершить Карманову за четверть века его беспримерного подвижничества. А вместо почестей и наград — три инфаркта, бесчисленное множество выговоров и с десяток проектов приказа о снятии с должности.

Вспомнил о нем еще и потому, что снова с ним беда. Опять пытаются снять, заслав в течение только последних двух месяцев четырнадцать (!) комиссий. Это после того, как он наотрез отказался пожертвовать заводом. Вторым туром он отказался от перспективы пышного выпроваживания на пенсию. «Ах, раз так,— сказали ему в собственном Министерстве местной промышленности РСФСР, куда нынче причислена «Чайка»,— тогда держись!..» Он-то держится, во всем драматизме испытав беспринципность отношения инстанций к производительному труду детей...

Но даже Карманову не удалось организовать для детей полноценное производство именно в том возрасте, когда труд, по свидетельству покойного профессора Д. Б. Эльконина, становится «ведущей деятельностью», которая воистину незаменима для полноценного и всестороннего развития личности. Зато удалось это Василию Александровичу Сухомлинскому, чьи феноменальные успехи в создании именно школы-хозяйства напрочь забыли как официальные авторитеты педагогики, так и многие публицисты, склонные считать и всем объяснять, что педагогика сотрудничества держалась у Сухомлинского исключительно на психологических отношениях. Вот в подтверждение выстраданные на собственном опыте слова Василия Александровича: «Чтобы воспитать зрелость, **взрослость** мыслей и чувств, мы заботимся об утверждении хозяйственных, материальных отношений не только между школьниками и взрослыми тружениками, но и внутри школьного коллектива. Трудовой коллектив — это, образно говоря, колыбель гражданственности».

Во всей нынешней педагогике сыщем разве большего гуманиста,

каким был Сухомлинский? А ведь это он писал и все делал, чтобы это осуществилось: «...Каждая капля пота, пролитого в детстве, стоит многих дней трудового напряжения в зрелом возрасте».

Для каждого школьного возраста он организовал трудный труд, с одной стороны, требующий себя преодолевать, а с другой — идущий впереди развития ребенка и тянущий его за собой. И здесь не побоялся дать малым детям настоящую сельскохозяйственную технику, но в особом, то есть детском варианте. Эти «варианты» и проектировали, и изготавливали сами. Вот ведь что интересно: не довольствовались одним видом примитивного труда, который подсунули шефы, действующие в отношении детей по принципу: на тебе, боже, что нам негоже! Вот почему из полутора миллионов рабочих мест, организованных предприятиями для подшефных школ, добрая половина, как уверяет даже Минпрос, в этих отношениях очень покладистый, времен царя Гороха. А Сухомлинский строил свое многоотраслевое хозяйство так, чтоб каждый вид труда открывал для детей новый, ими еще не познанный мир, а с другой стороны, был непременно доходным для школы, чтоб осуществлялись все коллективные мечты, а ему, директору, не приходилось всюду ходить попрошайничать, вымаливая и на ремонт школы, и на экскурсии детей. Нет, в Павлышской школе, где работали и учились гордые люди, такое не было заведено, зато теперь, после смерти Сухомлинского, все вернулось на круги своя: школа есть, а хозяйства, по сути, нет...

«Хорошо,— непременно скажет оппонент,— а как это сказалось на учебе?» Вопрос, как видим, построенный на концепции обучающей школы, где предлагается все отмести, что может хоть как-то угрожать учебе. Об эту концепцию, выжившую несмотря ни на что, разбилось множество социальных нововведений, обещавших обогатить школьную жизнь, а значит, ослабить диктат над детьми, особенно подростками улицы. Но вот, однако, парадокс, выявленный Сухомлинским: без труда учеба неполноценна. Больше того. «Интеллектуальная жизнь,— писал он,— становится воспитательной силой, когда в школе господствует дух труда». Удивительно, но спустя пятнадцать лет в своем трагически оборвавшемся зыбковском эксперименте, проведенном в той же Кировоградчине, к этому же придет и Михаил Петрович Щетинин, успевший убедиться: духовная школа, где подлинный культ знаний,— она обязательно трудовая. Только в школе-хозяйстве дети все успевают, зато в школе, призванной только учить, не могут справиться даже с этим, а уж со всем остальным тем более...

Этот великий парадокс, оказавшийся не по зубам всей нашей Академии педнаук, раскрыл Карл Маркс. В первом томе «Капитала» Маркс рассказывает, как английским парламентом была назначена комиссия во главе с известным экономистом Н. У. Сениором, которой поручалось обследовать условия детского труда на фабриках. Она, конечно же, обнаружила чудовищную эксплуатацию детей, но побочно открыла поразительную закономерность, которую Маркс характеризовал так:

«Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя они учатся вдвое меньше, чем школьники, регулярно посещающие школу днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше».

«Дело объясняется просто,— цитировал Маркс отчет комиссии.— Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система, при которой труд чередуется с учебой в школе, превращает каждое из этих двух занятий в отдых и освежение после другого, и, следовательно, она более подходяща для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый и возбужденный приходит с своей работы».

«Дальнейшие доказательства,— опять продолжал сам Маркс,— можно найти в речи Сениора, произнесенной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 году. Он указывает здесь между прочим и на то обстоятельство, что односторонний непроизводительный и продолжительный школьный день детей в старших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесплодно, но и прямо во вред детям расточает их время, здоровье и энергию».

После этого разве не абсурдно считать, что чем больше учат, тем больше знаний? Однако эта арифметическая логика продолжает побеждать в спорах о новой школе. Раз-де НТР резко увеличивает объем информации, значит, должно быть все больше и больше уроков. Это как бы консервирует трагическую однобокость школы и всей школьной жизни, а вслед за этим — уродливую однобокость даже не развития, а вырастания. Ведь почему дети, с одной стороны, хронически больны, а с другой — их очень тянет разгуляться, попробовать остренькое, каждый раз новое, выйти «стенка на стенку»... Их к этому толкает более всего одно обстоятельство, добросовестно зафиксированное НИИ физиологии детей и подростков: от 84 до 94 процентов из всего времени своего бодрствования школьники проводят неподвижно, во вред и себе, и обществу, расточая «время, здоровье и энергию».

Маркс оставил нам одну великую педагогическую загадку, которую так описал А. В. Луначарский: «Идея Маркса, как известно, сводилась к тому, что **правильно** поставленное заводское ученичество есть самая идеальная форма народного образования».

14 лет, начиная с 1920 по 1934 год, идея соединения высокоорганизованного производства с высшей школой давала самые блестящие результаты. Узнал об этом вначале из сибирского журнала «ЭКО», возглавляемого академиком А. Г. Аганбегяном, а потом в живых подробностях мне рассказал о своей альма-матер ее выпускник, старейший русский инженер-электротехник Александр Георгиевич Малков. Эта необычная и по тем, а еще больше по нынешним временам фирма именовалась аббревиатурой ГЭМИКШ, которая так расшифровывалась: Государственный электромашиностроительный институт имени Я. Ф. Каган-Шабшая. Его основал и им бессменно руководил, пока не согласился на коварное для собственного детища выдвижение (совсем как у Карманова), человек ярчайший и ни в чем пор недооцененный — Яков Каган-Шабшай, проживший до 1939 года.

Созданный им институт был необычен не только тем, что вместо пяти лет подготовка инженеров высшей квалификации длилась от 2 лет и 4 месяцев до 3 лет, но и тем, что это делалось в условиях реального производства. Его режим был таков: 4 дня в неделю — работа на заводе в реальных должностях, а еще два дня — по 10 часов занятий, которые захватывали еще и 2 рабочих дня и продолжались 3—4 часа в день. Современные нам экономисты сравнили, и оказалось, что общая учебная нагрузка составляла там 3100 часов (из них 1000 часов — лабораторно-практических занятий), что всего на 200—300 часов меньше, чем в сегодняшнем МЭИ. Но курсы читались концентрированно, без школярства, всеми силами побуждалось самостоятельное добывание знаний. Более всего этому способствовал труд, организованный очень умно и в органическом сочетании с учебой. Год с небольшим студенты (да не практикантами, а тем более не экскурсантами, а работниками) исполняли различные функции, затем постепенно поднимаясь по служебной лестнице. И все было и в работе, и в учебе реальным — курсовые работы и дипломная, задания руководства и в том числе исследовательские.

И оказывалось: когда получали диплом, цены им не было. Они превосходили, причем не только и не столько практическим опытом, но и теоретическими знаниями, выпускников классических вузов, где существовала одна только учеба, хотя и длившаяся в два раза дольше. Сужу об этом по столь авторитетному для меня свидетельству академика М. А. Лаврентьева: «В итоге на головных электротехнических заводах руководящие посты заняли шабшаевцы, а шпильрейновцы (Шпильрейн заведовал кафедрой электротехники в МВТУ) оказались на два-три этажа ниже». Этого и не простили Каган-Шабшаю и его детищу, выпускники которого составили потом гордость отечественной электротехнической промышленности...

Разве это не путь подготовки профессионалов, которые не только все, что надо, знают и все умеют? Близкая к этой модель завода-втуза компромиссна: там 6 лет обучения, и все потому, что кафедры не позволили ничего, даже явно не нужного сократить. Но самое-то главное — там нет специально «спланированной карьеры»: чаще всего здесь студенты продолжают до выпуска работать в должности, на которой начали первый курс.

В глазах А. Г. Малкова эффект этой формы так велик, что он предлагает: «Использовать половину времени 10-миллионной армии всех студентов страны для их работы в соответствии с профилем образования на предприятиях и учреждениях, без увеличения при этом существующего срока обучения». Процедурно ему это так видится: одна неделя учебы в аудиториях и одна неделя на предприятии при поочередной работе двух студентов на одном рабочем месте. А еще настаивает, чтобы не было размагничивающих каникул, а вместо них существовал нормальный отпуск по месту работы.

ГЕЙ ТЫ, СИЛИЩА МОЛОДЕЦКАЯ!..

а тут триллионы! — невероятно обрадовавшись, совсем по-мальчишечьи воскликнул человек куда как солидный: профессор и ректор Белгородского технологического института Иван Иванович Мирошниченко. Вел себя так — ну словно клад отыскал! А впрочем, так и было: и ему, и нам, сидящим рядом, вдруг открылись немыслимые, просто неисчислимые сокровища. Куда там графу Монте-Кристо...

Еще год с лишним назад мы собрались в Белгороде, чтоб в кругу руководителей, связанных напрямую с молодежью, всерьез обсудить, как включить молодых в перестройку и ускорение. Самокритично согласились: молодое поколение, младший возраст страны очень и очень недооценены. Во многих отношениях, но более всего в роли творца, созидателя, делателя, как прежде говаривали на Руси. Уже позже Евгений Королев, знаменитый молодежный лидер, в рекордные сроки возведший с товарищами лучший в стране молодежный жилой комплекс («Комсомольский» города Свердловска), так сформулирует мысль в газете: «Настаивать на том, что комсомол юн, малоопытен, категоричен и потому должен сидеть в тылу, в резерве, в обозе, дальше нельзя. Молодежь должна быть в авангарде, в разведке. Как показали события последних лет, сорок миллионов в резерве — это не по-хозяйски, неразумно. Даже для такой большой и богатой страны, как наша».

Все верно: застой и продержался так долго, что смог не только отодвинуть и загнать в угол многих представителей молодых, лишая их всякой возможности быть молодежью кипящей, бурлящей, ищущей.

Какие триллионы насчитал Иван Иванович? Для расчетов, которые он производил мгновенно — не зря все же профессор! — цифры мы поставляли все вместе, припоминая бывшие некогда или теперь еще существующие образцы. К примеру: работая всего по пять часов в неделю на московском школьном заводе «Чайка», о котором речь уже шла, семи-десятиклассники в год производят продукции на 500—600 рублей на одного человека, а значит, за четыре года почти окупают затраты государства на их среднее образование; в тех сельских школах страны, где удалось-таки создать собственное хозяйство да нисколечко ни в ущерб учебе,— объем производства на одного школьника при круглогодичной занятости — до 1—1,5 тысячи рублей; в городских школах, где выпал счастливый шанс открыть собственный завод, выработка на одного поднимается и до трех тысяч, а завод при ПТУ и эти показатели может утраивать. Сотрудничая во внедренческой фирме «Факел», существовавшей пятнадцать лет назад в новосибирском Академгородке, даже студент всего за полгода давал отдачи на шесть тысяч рублей, целиком покрывая затраты страны на его высшее образование... Ну а самый впечатляющий пример да из самых первых рук привел сам Иван Иванович: студенты его технологического института, выполняя по договорам предпроектные обследования готовящихся к реконструкции промышленных предприятий, зарабатывают для вуза по 20 тысяч на одного человека в год. И при этом нисколечко не надрываются, а, напротив, устраивают для себя полезнейший профессиональный экзамен, а кроме того, прилично пополняют свой кошелек, у многих семейный...

Что ж в итоге мы насчитали? Совершенно реально от каждого учащегося страны (начиная с первоклашки и кончая аспирантом) ждать отдачу, равную примерно тысяче рублей. Это если в среднем, при большом, естественно, разнобое — от 50 рублей первоклассника до 10—15 тысяч, заработанных для страны аспирантом. Что же получится чохом? Пятьдесят пять миллиардов! Не сгодится разве такая добавочка стране? Еще как! И в том числе для модернизации всей государственной системы образования, очень поизносившейся. Надо ли скрывать, что по сравнению с мировым уровнем наши школы всех ступеней больно бедны и скромны! И уж совершенно не владеют они тем, что можно было бы назвать «инфраструктурой воспитания»,— все для труда, все для творчества, все для спорта, все для занятий прекрасным, все для развлечений. Только при этом условии и школа, и ПТУ, и техникум, и вуз превратятся в то, что можно было бы назвать «Наш дом» и ради чего можно оставить улицу, забыть всякие благоглупости...

Есть еще одно обстоятельство, которое вспомнилось в связи с колоритнейшей фигурой. Знакомьтесь: Антон Семенович Калабалин. Назван в честь Макаренко и почти крестник его. Дело в том, что отец сорокапятилетнего Антона — небезызвестный Семен Карабанов, герой «Педагогической поэмы». На миру он был Калабалин. Продолжая дело Учителя, сам стал педагогом божьей милостью. И задачей жизни считал доказать всем, что система Макаренко, опробованная вначале на «криминальных» детях да в специальных учебных заведениях, годится для всех детей и в том числе для благополучнейших питомцев благополучных семей. Он подтвердил это с блеском. Вот один только пример: перевоспитал педагогически запущенного сынка тогдашнего президента республиканской Академии педнаук. Сделал это именно «по Макаренко», хотя папаша систему эту со всех трибун отрицал, отводя ей очень узкое применение. Так вот: сын Антон, воспитанный и отцом, и матерью, знаменитой Черниговкой, живущей и ныне — имею в виду Галину Константиновну Калабалину,— на шкуре своей и на судьбе понял: какое ж это замечательное дело — коллективистское воспитание, построенное на двух принципах: Доверие и Труд! И когда, окончив педвуз, стал директором шко-

лы, первое, с чего начал,— создал школьный завод. А когда его сделали директором строительного СПТУ в подмосковном Калининграде, то Антон стал прикидывать: как же можно создать тут воспитывающий коллектив? А нет ничего лучше, если силами ребят, готовящихся в строители, начать строить дома! Что и организовал, пробив прежде недостающие для такой миссии строительные специальности в его училище. И каждый год стали брать на подряд большой жилой дом. Вели дело и командовали рублем сами ребята, а во главе стоял полномочный совет командиров, который иногда решал и вопреки воле Калабалина. Надо ли говорить, что в те годы легко управлялись в училище со всеми отбившимися от рук, а после того, как Калабалину «помогли» уйти с директоров, еще и в душу плюнув,— «лихих» подростков снова тут полно, а что делать с ними — неведомо... Несколько лет был Калабалин вне сферы детского воспитания, а этой зимой получил наконец подмосковный детский дом. Подшефные его совсем малы, но все равно — взялся для них за труд. А как иначе? Иначе болтовня, а не воспитание...

Тот давний теперь уже опыт — почти единственный для тысяч и тысяч строительных СПТУ страны. Говорю с Анатолием Михайловичем Ларионовым, всего несколько месяцев как возглавившим управление профтехобразования Москвы. До того был первым секретарем Зеленоградского райкома партии и оставил там яркий след — много опережающих экспериментов. Да и здесь лихо взялся: результаты будут попозже. У него в ведении сорок четыре строительных СПТУ. Было бы по методу Калабалина — сорок четыре жилых дома в год! Ларионов не прочь, хотя уже другой прицел — создать свою строительную фирму, основанную на труде пэтэушников: Мосучпрофтехстрой. Строить хотя бы для себя. Да одних ремонтов в собственных стенах строители выполняют в год на три миллиона рублей. Все подряд СПТУ просят: дайте нам материалы, сами отремонтируемся! Но с материалами худо — у стройиндустрии города не заполучишь. А без этого что сделаешь? И другое сильно мешает: нет в училищах педагогов и мастеров, которые бы сами имели достойную строительную квалификацию. Большинство — «теоретики»: и стену не сложат, и не отштукатурят ее. Пока это сходит с рук, поскольку профессиональных экзаменов всерьез не устраивают. Но уже первый же дом так испытает! Педагоги знают это и не очень-то поддерживают идеи обучения в труде и через труд. И ребята не очень старались бы, если бы им и позволили строить или что-нибудь в других СПТУ настоящее производить. По существующему положению им могут оплачивать только половину заработка. Другая перечисляется училищу. Казалось бы: недурно — будет на что училищу всем обзаводиться. Но смущает: отчисления не добровольные, что возвышало бы душу, а принудительные.

И второе — образуются безналичные деньги, не обеспеченные к тому же ни фондами, ни лимитами. Что на них купишь?

А вот кооперативы, которые побуждают Анатолия Михайловича на базе СПТУ создавать и за что он и сам энергично взялся, смущают его по другой причине: от них как раз ни рубля отчислений училищу, а второе — всех учащихся все равно не вовлечешь, а значит, кооператив не соединит коллектив общим делом, общими зависимостями. Хотя ясно: это лучше, чем ничего. Мы припомнили с Анатолием Михайловичем, что первый в стране научно-технический кооператив — Кишиневский, он тоже базируется в СПТУ. Изобретатели, которые уже не вылезают из него, обязательно станут «искусителями», и, смотришь, пэтэушники сами начнут головой кумекать, предлагая технические и прочие идеи. Пока не так: приходя на предприятия, пэтэушники в два-три раза отстают в смысле рационализации от кадровых рабочих. А должно-то быть наоборот!

Так что ж получается? Негде пока увидеть полноценно да в охотку работающих детей? Нет, есть, оказывается, такое место, да только за высоким забором. Просто удача, что пишу эти строки в тот самый день, когда малолетки, с которыми мы сюсюкающе-снисходительны, учинив настоящую сенсацию, очень многим утерли нос. И тем, кто не верит в созидательные и преобразующие возможности детей. И особенно тем из взрослых, кто работать и рентабельно, и прибыльно не может, ссылаясь при этом на всех и вся! Имею в виду статью в «Правде» (от 28 октября с. г.), в которой корреспондент С. Рябов сообщает из города Очера: воспитанники знаменитого Георгия Павловича Сологуба, Героя Социалистического Труда, директора местной спецшколы, попавшие в нее не по собственной воле, перечислили в Советский детский фонд имени В. И. Ленина да из своих кровно заработанных сразу сто тысяч рублей. А могли и миллион — имели в наличии.

Детей у Сологуба всего двести, да вовсе не в самом могучем, по нашим обыденным представлениям, возрасте — от 13 до 15. Однако тянут на себе собственный завод-спутник «Дзержинец», где сложная, судя по всему, продукция (на простенькой большие деньги нынче не заработаешь), а в дополнение имеют сады, огороды, животноводческий комплекс. Со всем справляются, да не в ущерб — вспоминаю оппонента — учебе. Хотя он тут другое замолвит: а что, дескать, им остается, раз поражены в правах? Но тут-то как раз все наоборот: эти «пораженные в правах» подростки и получили законное право на ежедневный труд, работая, как и положено в их возрасте, по четыре часа в день. Неужели надо проштрафиться, чтобы иметь возможность испытать на себе благотворное влияние труда?!

Что же касается воспитания, то один только этот факт, что так подсобили детству страны,— он важнее для нравственности, чем тысячи нравоучительных бесед! Полагаю, что момент тут и с другой точки зрения исторический: он поможет понять — все дети, за исключением дошколят, не столь уж нуждаются в иждивении, не заслуживают позиции, когда предоставлено право брать, а отдавать не дано. С этого момента, уверен, Детский фонд принципиально начнет меняться — из фонда для детей все больше и больше станет превращаться в фонд от детей. Ибо стоит только приучить детей к трудовой инициативе, как они смогут зарабатывать и себе и для помощи тем, кто и в самом-то деле сам себе помочь не может.

Все эти прецеденты, которые мы и в Белгороде вспоминали, и те, о которых вспомнил или узнал позже, не запредельны. Дети Макаренко и сегодняшние кубинские школьники превосходят все названные цифры в несколько раз.

Здесь можно было бы обойтись одним только упоминанием о впечатляющем кубинском опыте, где более всего подкупает невероятное уважение к детям, полноправие их в школе, на производстве. А ведь там, на острове Свободы, не чуждый для нас опыт. Там во всей красе и во всей убедительности мажорная, вовсе не вульгарная, как это иной раз утверждают оппоненты, а напротив — изящная да с явными духовными приоритетами, с красотой дисциплины, с карнавальностью всеобщего творчества макаренковская педагогика истинного сотрудничества, которое покоится на более прочном основании, чем психологическая готовность к взаимодействию, а именно — на социальной инфраструктуре, включающей Производство, Клуб, Самоуправление.

Кубинцы гораздо лучше нас подготовились к столетию Антона Семеновича Макаренко, которое по решению ЮНЕСКО будет в следующем году отмечать все человечество. Представляю: понаедут к нам делегации со всего мира и станут спрашивать: где же можно посмотреть да «пощупать», как работает в жизни система воспитания вашего великого Макаренко? Что же покажем? Нечего...

А на Кубе, пожалуйста: любуйся, пробуй на вкус и цвет — буквально в любой школе-коммуне или в каждой «школе в поле». И в результате практически нет на острове проблем ни с детской неприкаянностью, ни тем более преступностью. Работая по 15 часов в неделю (обходясь при этом без домашних заданий), производя непременно на продажу (для этого при каждой, к примеру, школе-коммуне до 500 га цитрусовых плюс 5—7 самых настоящих, хотя и разных по профилю заводов), самостоятельно ведя свое хозяйство, приучаясь смолоду и к хозрасчету и демократии, они стали для всей страны первопроходцами, смело обживая своими интернатными школами (рассчитанными только для подростков, для кого семья все равно на втором плане после сверстников) необжитые или вовсе целинные земли, чтоб следом за ними пошли взрослые. Вот ведь какое уважение к детям...

ДИАЛОГ ГЛУХОГО СО СЛЕПЫМ

В маленьком служебном кабинетике, где приходится бывать всем без исключения «уличным королям» московского микрорайона Бибирево, куда примчался, услышав о кровавой трагедии, учиненной неприкаянными подростками, слышу от хозяйки, капитана милиции Нины Платоновны Гуткиной, нечаянное, но такое красноречивое признание:

— Бывает, что с кем-то из них побеседуешь, а он буквально через час идет на новое преступление... Спрашивается: ну какая еще может быть профилактика!

Ничего худого не скажу: трудяга и хлопотунья, очень «переживательная», как отозвались о ней подопечные, щедро жертвующая для них и личным своим, то есть семейным временем... Но насколько же верит в полнейшую достаточность морализаторства! А впрочем, она ли одна?

Зато соседка ее по кабинету, тоже капитан Татьяна Петровна Царегородцева, устав от «разговорного жанра» и понимая полное его банкротство, готова приступить совсем к новому типу профилактики: организовывать для подростков подрядные коллективы.

— Проблемы у них далеко не детские!— резюмировал для меня Юрий Владимирович Рогозин, много раз председательствовавший на процессах, где заслушивались кровавые дела несовершеннолетних.— А разрешить их честнейшим образом, как правило, не могут...

Так и есть. Возьмите хотя бы такую: где им досыта наесться? Многие ведь из неблагополучных семей, где одна зарплата, чаще всего небольшая, на три-четыре рта. Или другой, не менее распространенный вариант: все пропивается в доме, и на еду денег, конечно же, не остается. И красть идут, чтобы прежде всего поесть. Этого решающего, быть может, обстоятельства не замечают и замечать не желают все подряд воспитательные инстанции, тупо да с равнодушием хронически сытых людей твердя им, обездоленным подросткам: не воруй, и все тут! Не вдаваясь, так сказать, ни в какие подробности. А ребята обычней всего отвечают: мы согласны, да только дайте нам честно зарабатывать! «Ну надо же, какие нахалы,— сердятся воспитатели,— еще и условия выдвигают!» Вот такой на десятилетия растянувшийся диалог глухого со слепым...

Нет, первое, что надо сделать,— дать им самих себя накормить. Да не благотворительным супчиком — они это не примут. Как рассуждают? Руки есть, голова на плечах — сами на все заработаем! Тут и другое учтем: и как работникам, и как творцам им, «трудным», тоже цены нет. Слишком всего хлебнув в жизни, опытны не по годам, хорошо разбираются в людях, не боятся риска, сверхпредприимчивы... Ну словно специально предназначены для условий хозрасчета! Дай только волю... Но кто ж и где дает у нас самостоятельность несовершеннолетним, если и тридцатилетние-то ее не получают?

Сделаю маленькое отступление: еще в первобытном обществе, если верить этнографам, зрелость человеческую определяли не по возрасту, а по развитию, устраивая для этого экзамен. Если б мы умели так делать, обнаружили бы: очень многие из «трудных» тянут на 25—30 лет, а значит, вполне справятся с очень трудными и очень ответственными делами...

Капитан Царегородцева из этого и исходит. Мечтает прямо при инспекции по делам несовершеннолетних ее Кировского района Москвы создавать на хозрасчете трудовые команды подростков, поручая непременно что-то очень важное. Поводов тысячи. Начать, к примеру, с бесхозного на сегодня и запущенного благоустройства, особенно на окраинах. В нем слишком мало выдумки, и потому очень бы заиграла молодая фантазия подростков. Речь то есть о том, чтобы с большим размахом, не провинциально, а на мировом уровне заняться и обустройством, и художественным оформлением улиц и площадей, пустырей и дворов, используя и дизайн, и малые формы, и ландшафтную архитектуру, не забывая создавать столь дефицитный на сегодня городской комфорт. Смотрите: даже в центре Москвы прогуляться старому или больному человеку рискованно: в случае чего негде будет присесть. А в Бибиреве и вовсе лавочек не встретишь. К кому с этим апеллировать? Царегородцева считает: к детям! Разве не захотят душу вложить, превращая свое село или свою столицу в самое прекрасное на свете? Но, чур, им не мешать!

Прикидываем с Царегородцевой: сколько ж в районе работ, для которых у взрослых рабочей силы не хватает, а детям под силу. Газетные киоски, добрая половина которых пустует, продажа с лотков, расфасовка в универсамах, любые почтовые операции, вспомогательные работы в учреждениях, особенно в здравоохранении. Но надо, чтоб можно было на одну должность или несколько оформляться целой командой, даже всем классом. Группе друзей, к примеру, брать в аренду газетный киоск или дворницкий участок. «А как же им доверишь материальные ценности?»— непременно поинтересуется оппонент. Элементарно: под гарантию родителей... Вот тогда появятся наконец работающие дети, коих не вижу много-много лет. Кому, к примеру, как не им, продавать соки, воды, квас, цветы? Я бы даже законодательно закрепил: этот труд только для детей. Чтоб взрослые даже не претендовали.

Это далеко не все. Среди давних писем нахожу послание Николая Ивановича Пологи из Запорожья. Все поводов не было на него ссылаться, да вот наконец появился:

«Я за Детскую Республику Труда, более того, за Детский Советский Союз Труда! За 16 лет работы в ПТУ и школе убедился во многих порочных формах обучения тех, кто завтра и послезавтра станет хозяином страны. Школа учит всех всему, но ничему конкретно, обучает, не прививая чувства личной ответственности за судьбу государства. Ни школа, ни родители, ни тем более сам ребенок зачастую за неделю до выпускного вечера не знают, кем он станет в жизни. Поразительно наблюдать беспомощность школы, общественности, комиссий по делам несовершеннолетних, горько сетующих: нечем привести в норму отбившихся от рук. Все и всё жалуются: нет материальной базы, рабочих мест, нет понимания у хозяйственников и т. д., и т. п. Да только в нашем микрорайоне, смотрите, сколько всего: 11 школьных и прочих мастерских, 11 кабинетов домоводства, столько же спортзалов и наружных спорткомплексов. Более 30 промышленных предприятий, уйма торговых точек, заведений общественного питания, два Дома быта, дом для престарелых, больницы, поликлиники, опытная сельскохозяйственная станция, трест «Цветы Запорожья», авто- и железнодорожные вокзалы... И все это безграничное поле деятельности во внеурочное время бездействует. Так ведь это ж позор! При разумной-то организации занять ребят во внеурочное время и до отбоя — да их просто на все не хватит! А «организаторы» разводят руками. Да просто нет у них извилин! Один только журнал «Изобретатель и рационализатор» полон идей, воплощение которых просто заполонило бы города и села! Скажете, нет организаторов? Да их полно вокруг, только некому приставить к делу. Даже средств на все не требуется, поскольку они валяются буквально под ногами!»

Эх, такого бы человека да поставить министром экономики той самой Детской Республики Труда. А впрочем, им должен быть ребенок, а вот его советником — тут можно и Пологу...

ЧТО СКАЖЕТ ЗАГРАНИЦА!

Не упустим из вида: у детского труда слишком много сегодня противников. Вот их основные аргументы, которые не меняются уже полвека. Во-первых, что, дескать, скажет заграница? Что Советы эксплуатируют своих детей? Во-вторых, что классическое положение Маркса о производительном труде начиная с 9-летнего возраста относится якобы лишь к капиталистическому обществу, а для нас значения не имеет. В-третьих, вредно-де и опасно для детей или может действительно кончиться эксплуатацией, как это бывало у нас на уборке хлопка. В-четвертых, а зачем он нужен, этот производительный труд, если Пушкин, к примеру, и без него стал личностью и гражданином. И потом-де по влиянию на формирование личности учебный труд ничем не уступает... В-пятых, где ж время найти?

Аргументы во многом подтасованные, да и битые не раз. Но в результате не только в педагогических инстанциях, но и у целого общества нет принципиальной позиции к детскому труду.

И все же, чтоб успевали дети ежедневно трудиться, к чему лежит в подавляющем большинстве детская душа, надо многое в школе перестроить, интенсифицировав, во-первых, процесс обучения, используя и современную технику, и интенсивные методы Шаталова, Лысенковой, Волкова и других, а во-вторых, отказаться от домашних заданий.

Оказался недавно в школе города Жуковского вместе с подмосковным педагогом-новатором Игорем Павловичем Волковым, всесоюзно теперь известным после его творческого вечера в концертной студии в Останкине. В первой школе города Жуковского сразу же оценили: без методов Волкова переходить к массовому детскому труду неэффективно. Игорь Павлович сызмальства приобщает к творчеству, буквально за год-полтора обучая каждого желающего, а с некоторых пор и всех подряд, начиная с нулевого класса, технике работы, которая послужит буквально для любой профессии. Вот почему его питомцы уже к старшим классам сравниваются в творческих достижениях с выпускниками иных вузов.

Вот коренная идея, доказанная тридцатилетним опытом Волкова: «Человек, которого пробудили к творчеству, чем попало заниматься не будет!» И я уверен: снизить угрожающих размеров преступность несовершеннолетних можно, создавая в первую очередь не дискотеки или бары, даже не спортивные сооружения (они тоже нужны, но во вторую очередь), а Дома творчества для детей и для всей молодежи, но непременно с выходом товарной продукции. И практическое умение, и творческая зрелость появляются при условии, когда учатся творить не на выброс, а на вещах, которые обязательно идут на продажу. Это поняли в Болгарии, и теперь даже на уроках труда все, что делают даже самые маленькие,— для магазина. Надо ли говорить, насколько это меняет и интерес к делу, и отношение к мастерству.

Именно на фундаменте системы Волкова дети наши могут творить такое, что поспорит со взрослым трудом, а это сильно нас, родителей, подхлестнет, заставит поволноваться.

«А травмы?» — непременно поинтересуется оппонент. Ясное дело: у всех родителей, педагогов есть, конечно же, испуг: а ну если что случится? Для хозяйственников, от которых ждем, что привадят к предприятию детей, по-настоящему организовав им труд, тут опасность вдвойне, грозящая и тюрьмой. Да из одних только гуманных соображений, чтоб не пострадал «невинный младенец», всякий современный, непременно связанный с техникой труд надо строго-настрого запретить! Что, собственно, и сделали...

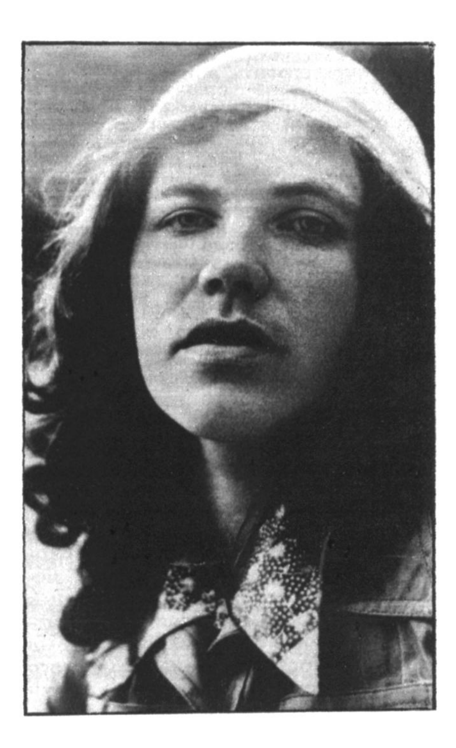
Однако опасности, исходящие от вполне «взрослого» труда, здорово преувеличены. Ведь дети, все осваивая гораздо быстрее, чем взрослые, скорее приобщаются и к технике безопасности. А Игорь Павлович Волков, о котором только что шла речь, дает уже шестилеткам и нож, и стамеску, и шило и абсолютно при этом спокоен. Причину так объясняет: человеческая природа, когда ей в полной мере доверяют, мудрее и надежнее любого инженера по технике безопасности.

Итак, детский труд сулит неожиданности, но его отсутствие сулит трагедии. Вот и будем выбирать...

Однако им, нашим детям, выбирать пока не из чего. Вот самый свежий пример. Из Калуги от давнего товарища, бывшего некогда главным социологом КамАЗа, а теперь возглавляющего кафедру в пединституте, Андрея Зайцева узнаю: этим летом, озабоченные размером подростковой неприкаянности, в городе намеревались трудоустроить 17 тысяч подростков, а реально смогли, да с горем пополам и вовсе не на самые подходящие для них места,— только триста ребят. Соотношение этих цифр показывает, какие между спросом и предложением существуют ножницы. Не суждено ли им расходиться все больше?

А ведь право детей, подростков, юношей на реальную самостоятельность в труде — это минимально необходимое, чтоб появились в будущем творцы новой техники и новых социальных отношений, люди мечты и люди порыва. По-хорошему требуется им гораздо большее: право и возможность наравне с нами участвовать в преобразовании мира. Но об этом надо говорить отдельно.

ПАЛИТРА

Картины Татьяны Федоровой — заметное явление последних лет. Участие в крупных отечественных и зарубежных выставках, золотая медаль парижского Осеннего салона, репродукции в популярных журналах и солидных изданиях... И в то же время портреты кисти молодой ленинградской художницы часто вызывают крайне противоположные мнения. Интересно, а что думает об этом сам живописец? С этим я и пришел в гости к Татьяне Федоровой.

Я — ЗА ВЫСОКИЙ РЕАЛИЗМ

— Ваши произведения, которые охотно воспроизводятся и явно нравятся широкому зрителю, в профессиональной среде художников нередко вызывают скептическое отношение. Есть мнение, что «музейная» гладкопись есть попытка сыграть на вкусах невзыскательного зрителя...

— Честно говоря, когда я пишу картину,— отвечает художница,— я не думаю о зрителе. В голове задачи чисто изобразительные. Я пишу так, как пишу, потому что иначе не буду чувствовать себя полноценно. Да, направление моей живописи противоречит стилистике современного темпераментного письма, броских, но, на мой взгляд, «сырых», незавершенных полотен. Зритель же, мне кажется, устал от потока скороспелых самовыражений...

— Но право свободы творческих исканий горячо отстаивают художники самых разных ориентаций. Эстетика современной живописи, которую вы имеете в виду, складывалась в послевоенном советском искусстве под флагом неприятия «лакировки» действительности, показного благополучия, салонной приглаженности.

— Считаю, что искусство должно прежде всего возвышать. Совершенная картина должна будить вечные чувства, давать радость и наслаждение, греть душу. В образах старых итальянских мастеров ощущается благодать, и это не последнее дело. Перед ними молились прежде, но и теперь можно заплакать. Сейчас же мало таких произведений, вечных ценностей. Я — за высокий реализм.

— Наша эпоха полна конфликтов, борьбы. Не противоречит ли декларируемая идеальность творчества духу современности?

— Мир и прежде был сложен. Когда были созданы мадонны Возрождения, шли чудовищные войны между княжествами, брат резал брата, наемники громили Рим. Но что же, как не искусство, противопоставит злу и насилию идеалы добра и красоты? Так было всегда...

— В чем же заключается современность звучания живописи?

— Я пишу свое время. Мои картины социальны. Не менее социальны, чем дымящие трубы и краны.

— В эскизах, композиционных набросках, начатых портретах ваших видна живая непосредственность ощущения. В законченных вещах эта импульсивность линии, мазка исчезает. Разве не жаль отказываться от этих качеств?

— Эта непосредственность граничит с посредственностью. В идеале удачный кусок «алла прима» (с первого раза) надо сохранить на холсте. Но ведь тогда не достичь никогда высоких результатов. Другое дело — не лихо мазнуть, а упорно делать форму, писать детали с предельной достоверностью и во всю мощь тона, как будто предметы и ткани вклеены, а не нарисованы. Тогда не будет вяло. В Италии я видела Рафаэля! Понимаете, после его шедевров на многое смотришь другими глазами. В том числе и на мнимые «удачи»...

— Ваш путь единственно верный? Как относитесь к другим течениям в искусстве?

— Я уважаю все направления (впрочем, ненавижу серость). Все они

Т. С. ФЕДОРОВА. РОД. 1952.
БАЛЕРИНА ИРИНА КОЛПАКОВА. 1986.

должны развиваться. Талант проявится в любом; если он есть. Если художник талантлив, это видно. И не доказано, что одна концепция безусловно лучше другой. Я против того, чтобы другие течения доминировали, ущемляли мое направление, которое считаю наиболее сложным, труднодостижимым, требующим большой отдачи. Ведь и влечет-то именно эта сложность! Я — за соревновательность, за групповой принцип выставок. Надо видеть, кто есть кто, показывать художников, имеющих общие творческие задачи и цели, сравнивать их удачи и просчеты.

— А какова роль образа, содержания произведения?

— Прекрасное заключено в природе. Даже в малом. Какое содержание ни сделай, если нет совершенной формы, оно не «работает». Значит, оно вторично. Совершенный «пустой» натюрморт лучше, чем несовершенная историческая картина...

* * *

Итак, что же: маятник культуры, отклонившись далеко, уже несется в противоположную сторону, к «неоклассицизму»? Да, и этого требует наше время — возродить рукодельное, мастеровито сработанное. Хорошо, когда с любовью сделанная деталь гармонирует с целым, говорит о внимании к человеку. Но бывает, что эта «сделанность» приобретает самодовлеющее значение, она создает глянцевую оболочку, непроницаемую для эмоций. Живопись может быть фактурной или гладкой, тщательной или широкой, с блестящей или матовой поверхностью. Но, отличаясь еще тысячью признаков, она должна оставаться «живым письмом», будить живые чувства, настроения. Эта непосредственность видения есть у старых мастеров, будь то Джотто, Боттичелли или Рафаэль. И когда, например, Рембрандт преодолевал благополучие голландской гладкописи, это была борьба не за фактуру, а за более раскованное чувственное выражение образа.

Нет, не запретен избранный путь. Живопись — дело тонкое. Холст живет или нет, и зависит это от неуловимых валеров, градаций полутонов. Все держится на том зыбком «чуть-чуть», что, пожалуй, и не объяснишь словами, но в этом разница между шедевром и посредственным произведением.

Последнее слово остается за зрителем.

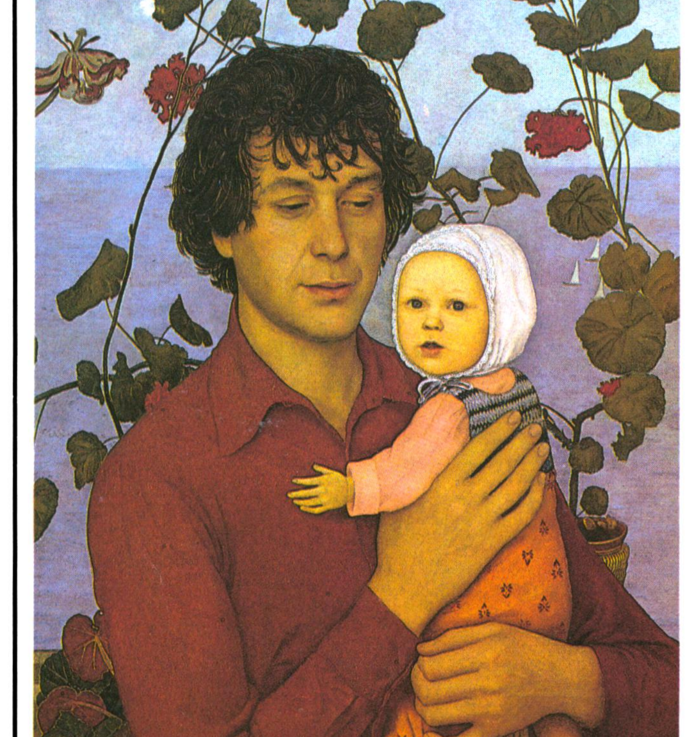
Беседу вел искусствовед
Анатолий БАСЫРОВ

У МОСТА РИАЛЬТО. 1985.

ПЕЙЗАЖ. 1984.

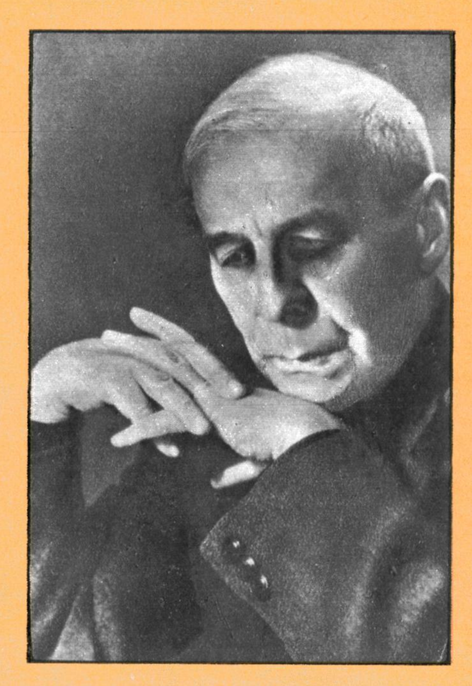
СЛАВА И КАТЕНЬКА. 1985.

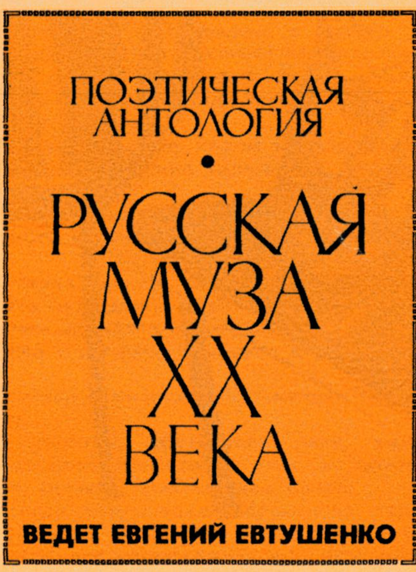

Николай АСЕЕВ

1889—1963

От первой символистской книжки его бросило совсем в другую сторону — к футуристам, где он стал одним из самых близких сподвижников Маяковского по журналу «Леф». Маяковский писал о нем нежно, хотя и иронически: «Правда, есть у нас Асеев Колька. Этот может. Хватка у него моя. Но ведь надо заработать сколько! Маленькая, но семья». Асеев, как и его учитель, слишком много сил отдал газете, литературной поденщине. Поэтому многие стихи и Маяковского, и Асеева сейчас не читаются: они выглядят слишком примитивными, несмотря на игру формой. Но еще при жизни Маяковского Асеев создал несколько шедевров («Лирическое отступление», «Синие гусары»). Однако самым значительным, что сделал Асеев, оказалась его поэма «Маяковский начинается». Самоубийство Маяковского ударило Асеева чувством вины и боли, которое подняло его над рациональным стихотворством. Сын страхового провинциального агента, Асеев нашел точнейший образ предреволюционного общества, когда начали гореть жестяные слова и запахло жареной краской. После этой поэмы Асеев впал в затяжной кризис и начал выходить из него только после 53-го года, написав великолепные стихи о расстреле Лорки и «Еще за деньги люди держатся», поддержав молодых поэтов нашего поколения, в частности Вознесенского.

СИНИЕ ГУСАРЫ

1

Раненым медведем
мороз дерет.
Санки по Фонтанке
летят вперед.
Полоз остер —
полосатит снег.
Чьи это там
голоса и смех?
«Руку
на сердце свое
положа,
я тебе скажу:
ты не тронь палаша!
Силе такой становясь поперек,
ты б хоть других —
не себя —
поберег!»

2

Белыми копытами
лед колотя,
тени по Литейному
дальше летят.
«Я тебе отвечу:
Друг дорогой,—
гибель нестрашная
в петле тугой!
Позорней и гибельней
в рабстве таком,
голову выбелив,
стать стариком.
Пора нам состукнуть
клинок о клинок:
в свободу
сердце мое
влюблено!»

3

Розовые губы,
витой чубук,
Синие гусары —
пытай судьбу!
Вот они,
не сгинув,
не умирав,
снова собираются
в номерах.
Скинуты ментики,
ночь глубока:
«Ну-ка, вспеньте-ка
полный бокал!
Нальем и осушим
и станем трезвей:
За Южное братство,
за юных друзей!»

4

Глухие гитары,
высокая речь...
Кого им бояться
и что им беречь?
В них страсть закипает,
как в пене стакан:
впервые читаются
строфы «Цыган»...
Тени по Литейному
летят назад.
Брови из-под кивера
дворцам грозят.
Кончена беседа,
гони коней,
утро вечера —
мудреней.

5

Что ж это,
что ж это,
что ж это за песнь?
Голову
на руки белые
свесь.
Тихие гитары,
стыньте, дрожа:
синие гусары
под снегом лежат!

1926.

* * *

Глаза насмешливые
сужая,
сидишь и смотришь,
совсем чужая,
совсем чужая,
совсем другая,
мне не родная,
не дорогая;
с иною жизнью,
с другой,
иною
судьбой
и песней
за спиною;
чужие фразы,
чужие взоры,
чужие дни
и разговоры;
чужие губы,
чужие плечи
сроднить и сблизить
нельзя и нечем;
чужие вспышки
внезапной спеси,
чужие в сердце
обрывки песен.
Сиди ж и слушай,
глаза сужая,
совсем далекая,
совсем чужая,
совсем иная,
совсем другая,
мне не родная,
не дорогая.

* * *

Слушай, Анни,
твое дыханье,
трепет рук,
и изгибы губ,
и волос твоих
колыханье
я, как давний сон,
берегу.
Эти лица,
и те,
и те,—
им
хоть сто,
хоть тысячу лет скости,—
не сравнять с твоим
в простоте,
в прямоте
и в суровой детскости.
Можно
астрой в глазах пестреться,
можно
ветром в росе свистеть,
но в каких
человеческих средствах
быть собой
всегда и везде?!
Ты проходишь
горя и беды,
как проходит игла
сквозь ткань...
Как выдерживаешь
ты это?
Как слеза у тебя
редка?!
Не в любовном
пылу и тряске
я приметил
крепость твою.
Я узнал,
что ни пыль,
ни дрязги
к этой коже
не пристают.
И когда
я ломлю твои руки
и клоню
твоей воли стан,
ты кричишь,
как кричат во вьюге
лебедя,
от стаи отстав...

1928.

КЛЮЧИ

На квартире у своей бывшей жены убит Анатолий Никитин. Произошло это как раз в тот вечер, когда второй ее муж Александр Кузьмичев уехал в Харьков к больному отцу. В автомашине, принадлежащей Александру, находят молоток и золотую монету. Московские следственные органы попросили харьковских коллег навести справки о Кузьмичеве. Из Харькова сообщили, что Кузьмичев приехал туда в субботу, только не утром, как надо бы, а вечером. Предплечье левой руки у него почему-то в гипсе, хотя уезжал он совершенно здоровым. Басков срочно вылетел в Харьков, где Александр рассказал ему, что в поезде на него напали трое и ударили финкой. Одного он сумел задержать, и его сдали в милицию в Туле. Приехав в Тулу, Басков узнал, что преступников-малолеток подговорил напасть на Кузьмичева некий Костя по прозвищу «Тренер».

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ

В купе устраивались, рассовывая и раскладывая свой багаж, немолодые женщина и мужчина, видно, что супруги. Кузьмичев, подождав, пока они управятся, поздоровался и легко кинул тяжелый чемодан в верхнюю нишу.

Отерев раскрасневшееся лицо платочком, женщина спросила:

— Вы до Харькова?

— Да,— ответил Кузьмичев.

Тут пришел четвертый их сосед — молодой, лет тридцати, симпатичный, хорошо одетый мужчина спортивного вида, с сумкой на ремне. Это был «Тренер».

— Добрый вечер,— приветствовал он всех разом.— Будем попутчиками. У меня шестое место, значит, на верхней полке.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 47, 48.

Он положил на нее сумку и присел рядом с Кузьмичевым.
Поезд тронулся.
— В командировку? — поинтересовался «Тренер» у Кузьмичева.
— Да нет, к отцу. Паралич разбил.
— Сочувствую.
Помолчали. Потом «Тренер» предложил Кузьмичеву:
— Не выпить ли нам? Я коньячку прихватил.
— Спасибо, не хочется.
— Жаль. Одному неудобно.
«Тренер» как бы задумался.
Кузьмичев, сидевший за столиком, встал, уступая место.
— Не стесняйтесь. Садитесь сюда.
«Тренер» остановил его:
— Нет-нет, благодарю. Есть другой выход. Я тут знакомого встретил, в соседнем вагоне едет. Он, думаю, не откажется.
«Тренер» взял сумку, спросил у мужа с женой:
— Вы рано ложитесь?
— Куда спешить? — откликнулась жена.— Выспаться успеем. Раньше полдевятого все равно не сойдешь. Мы еще ужинать будем.
— Ну, тогда я вас не потревожу,— сказал «Тренер» и ушел, захватив свою сумку.
В одиннадцатом вагоне, плацкартном, он нашел Мирзу и Тюфяка, кивнул им незаметно, проходя, чтобы вышли за ним, дождался их в тамбуре.
— Теперь встряхнитесь,— сказал он жестко, голосом, какого они прежде никогда от него не слыхали.
Он расстегнул сумку, в которой булькал в бутылке коньяк, достал финку в потертых кожаных ножнах, сунул в карман брюк. Потом вынул из внутреннего кармана пистолет ТТ, а сумку отдал Мирзе. «Тренер» извлек из рукоятки пистолета обойму, поставил его на взвод — так, что ствол обнажился на длину фаланги пальца, сунул ствол в скважину замка, открыл дверь — правую по ходу поезда. Взял у Мирзы сумку и швырнул ее в темный проем.
Заперев дверь, посадив обойму на место и спрятав пистолет, он сказал:
— Проедем Серпухов, и через час идите в мой вагон. Я буду курить с этим вахлаком в тамбуре. Ты, Тюфяк, держишь внутреннюю дверь, а ты, Мирза,— переходную, на площадку. Чтобы никто не вошел. Остальное — моя забота. Попрошу — поможете. Главное, все должно быть быстро. Зевнем — сгорим.
Они слушали, молчали, глядя в пол. Тюфяк шмыгал носом.
— И не финтить,— сказал «Тренер».
Мирза с Тюфяком остались в тамбуре.
«Тренер» вернулся в свой вагон. Кузьмичев стоял в коридоре у окна. В купе муж с женой уже разложили на столике еду. Проводница разносила постельное белье.
«Тренер» и Кузьмичев взяли себе по комплекту, положили на полки, и «Тренер» предложил:
— Пойдем покурим, что ли?
— Идемте,— согласился Кузьмичев.
В тамбуре они разговорились. «Тренер» больше спрашивал. Кузьмичев рассказал о себе, о своей жизни вплоть до прошлого года. О Татьяне Никитиной, о своих отношениях с нею он все же умолчал, хотя был вполне откровенен во всем остальном. Много говорил о семье, особенно об отце, который, между прочим, работал на железной дороге машинистом, всю войну водил поезда на фронт и одно время был даже на бронепоезде, а сейчас пенсионер.
Долго они говорили. Выкурили по одной сигарете, потом по другой.
В вагон вернулись, когда проехали Серпухов. Проводницы давно разнесли чай, и его уже успели выпить. Их соседи окончили ужин и застилали свои полки.
— Спать что-то не хочется,— сказал «Тренер», поглядев на часы.
— Мне тоже,— отозвался Кузьмичев.
— Может, выпьем чаю?
— Не помешает.
«Тренер» пошел к проводницам. Кузьмичев слышал, как они недовольно ворчали на него, мол, надо вовремя думать, а не на ночь глядя, но два стакана чаю все же налили, и Кузьмичев с «Тренером» пили его, стоя у окна в коридоре.
«Тренер» вспоминал о своих золотых временах, когда играл в футбол за команду мастеров, о дурацком случае с пьянкой, за которую его отчислили.
Кузьмичев искренне сочувствовал и смотрел на него с почтением.
Поглядев в очередной раз на часы, «Тренер» вновь предложил:
— Покурим?
Пошли в тамбур.
Кузьмичев встал спиной к выходной двери. «Тренер» стоял напротив.
Никто не переходил из вагона в вагон: большинство пассажиров уже улеглось спать. Только раз прошел мужчина в железнодорожной форме из хвоста в голову состава.
Когда выкурили по первой сигарете, в тамбуре со стороны десятого вагона появились два парня. Кузьмичев взглянул на них мимолетно, но тут в несколько секунд произошло то, чего он никак не ожидал.
Тюфяк встал у двери на переход, Мирза — у ведущей в вагон.
В руке у «Тренера» появилась финка.
Он снизу вверх ударил Кузьмичева в живот, целя чуть правее, туда, где печень.
Кузьмичев не мог бы объяснить, каким образом он успел подставить левую руку. Удар пришелся в предплечье, немного выше запястья.
Правой рукой он дернул ручку стоп-крана, которая была на стенке справа от него.
Их всех четверых бросило на другую стенку.
«Тренер» что-то кричал, но разобрать было невозможно: пронзительный стонущий визг колес резал уши. Пол дрожал под ногами.
«Тренер» кинулся к противоположной двери, распахнул ее и выпрыгнул. Мирза следом. Поезд уже почти совсем застопорил ход.
Тюфяк хотел прыгать, присел на корточки, но Кузьмичев, подскочив, схватил его всей пятерней за лохматые волосы.
Так и застали их прибежавшие в тамбур начальник поезда с двумя рослыми проводниками.
Начальник, увидев кровь, капавшую у Кузьмичева из рукава, крикнул проводнице, чтобы принесла аптечку.
Пока она заливала рану йодом и перевязывала руку, Кузьмичев объяснил начальнику, что произошло.
Начальник приказал проводникам стеречь Тюфяка и никого в тамбур не пускать, а сам куда-то ушел.
Минут через десять поезд тихо тронулся, а еще через пятнадцать прибыл в Тулу.
На перроне их ждали милиционеры.
Кузьмичева и Тюфяка посадили в две разные машины.
Тюфяк поехал в милицию. Кузьмичева повезли в больницу.
Сделали рентген, обработали рану, хирург вместе с сестрой приготовил гипс и облепил предплечье, оставив ложбину над раной.
Только тогда почувствовал Кузьмичев саднящую острую боль, когда сели в машину и поехали, как выразился сопровождавший его лейтенант, «на свидание с лохматым обормотом».

8

Не было и четырех, когда Басков приехал в Москву.
С Курского вокзала, из комнаты милиции, он позвонил Степанову, но прямой его телефон не отвечал. Секретарша же сказала, что Степанов утром улетел в Таллин, будет завтра.
Басков сел в троллейбус и поехал к себе домой, на Новослободскую,— он был голодный, надо бы пообедать.
Сашка, сын его одиннадцатилетний, гонял с мальчишками в уже просохшем дворе шайбу. Значит, домашние задания сделал.
Басков не стал его окликать, выводить из игры. Поднялся в квартиру, разделся, побрился, умылся.
Обед стоял в холодильнике. Он разогрел борщ и картофельные зразы с мясом, поел, запил компотом и, закурив, набрал номер жены. Сослуживица сказала, что Мария у начальства. Он решил сходить на работу.
Игра во дворе была в полном разгаре, и Сашка опять его не заметил.
Басков пошел на Петровку. Прикинув, он высчитал, что еще успеет оформить перевод Брошина и Касимова из Тулы в Москву, в распоряжение МУРа.
Интересно бы, конечно, знать, с чего это вдруг понадобилось Степанову так срочно лететь в Таллин, но можно потерпеть и до завтра...
Утром он отправился на автобазу, где работал Кузьмичев, и, выдав себя за старого его друга, спросил у диспетчера, как Кузьмичева найти, мол, срочно нужно увидеться. Диспетчер сказал очень дружелюбно: «А Саша отпуск за свой счет взял, в Харьков к отцу поехал». Тут все было ясно.
Басков поехал на Петровку.
Около одиннадцати ему сообщили, что Брошин и Касимов доставлены в Москву.
Басков попросил привезти их к нему. Допрашивать Тюфяка и Мирзу больше пока не о чем, но Баскову необходимо было иметь портрет «Тренера» — фоторобот, создаваемый криминалистами на основе словесного описания. В научно-техническом отделе есть искусные мастера по этой части.
Прибывших Брошина и Касимова тут же, не заводя в свой кабинет, он отправил в научно-технический отдел.
Через два часа синтетический портрет «Тренера», сделанный по их описаниям, был готов. Оба утверждали, что вышло очень похоже.
Позже придется фотолаборатории выпустить этот портрет большим тиражом, а сейчас Басков попросил напечатать хотя бы пять экземпляров. И отправил Брошина и Касимова по камерам. Он обратил внимание, что за сутки они заметно сдали. Вид у обоих был совсем неважнецкий.
Вскоре позвонил Степанов. Басков, захватив протоколы допросов и портрет «Тренера», поспешил в прокуратуру.
Он застал Степанова жующим бутерброд с сыром. На тарелке лежало еще два бутерброда и плетеная сдоба.
— Все худеешь,— сказал, садясь, Басков.— Тебя что, в самолете не кормили?
— Я на поезде. Таллин самолеты не выпускал. Туман — ботинок не видать.
— А чего тебя в Таллин понесло?
— Сначала, Леша, давай ты, а потом я.
Басков положил перед ним протоколы допросов Брошина и Касимова. Затем рассказал все, что удалось выведать о происшествии в поезде.
Выслушав, Степанов произнес слова, вовсе не относившиеся к тому, о чем говорил Басков:
— А к Никитиной ты все же несправедлив.
— Я же тебе не о Никитиной.
— А я о ней.
Степанов встал, открыл сейф и вынул золотые монеты. Их было уже не две, а три.
— Вот, сама явилась, просила принять этот золотой. Держать у себя больше не может, не имеет права. А ты говоришь: расчетливая.
— Откуда она у нее? — слегка вроде задетый, спросил Басков.
— Анатолий Никитин подарил в прошлом году, на Восьмое марта, сказал, на зубы пригодится.
Сопоставив даты, Басков заметил:
— Они тогда еще не разводились.
— Точно. Да не в этом дело.
— Ты потому и в Таллин ездил?
— Она, представь, ясно помнит, что перед самым Восьмым марта Никитин был в Таллине.
— Ну и что? После этого не значит вследствие этого.
— Так-то оно так, но, понимаешь, и попытка не пытка.
— А работа не волк и так далее. Ты не тяни.
— Спокойно, Леша. Я связался с таллинскими товарищами на предмет, было или не было у них какого-нибудь дела со спекуляцией золотыми монетами. Оказалось, есть сейчас.
— Как и что?
— Арестован некто Ян Лацис. Взят с поличным — покупал у иностранного моряка золотые египетские монеты.
— Когда взяли?
— Представь, три недели назад. Мне дали свидание с этим Лацисом. Предъявил ему карточки. Он опознал Никитина. Но не сразу. Только когда узнал, что Никитин убит. Очень испугался. Его постоянный крупный клиент, уже два года. И в числе товара были однажды пятнадцатифунтовые английские монеты. Вот я и думаю: одно дело, если Никитин все это себе оставлял, и совсем другое, если спекулировал или был сбытчиком у кого-то третьего.
— Я сразу сказал, когда ты о поддельных пакетах фантазировал: тебе и этих монет хватит.
— Не торопись.
Степанов вынул из сейфа свернутые в трубку новенькие пакеты «Мальборо».
— Девять штук,— сообщил он с явным удовлетворением.
— Тоже она?
— Да. Говорит, Толя где-то по случаю купил. Я, понимаешь, рассуждаю как? Ну, опознал этот Лацис Никитина, ну, была между ними преступная связь, а нам-то с тобой какая польза? Никитина-то нет.
— Похоже, в тупик идем.
— Будем считать это промежуточным финишем. Давай-ка подытожим. Я буду строить, а ты ломай.
— Ломать не строить, душа не болит. Валяй.
— Чтобы тебе было легче, почитай вот это. Внимательно читай.
Степанов протянул Баскову заключение судебно-медицинской экспертизы. В нем было сказано, что смерть Никитина наступила между девятью и десятью часами вечера в пятницу, 6 апреля. Представленный экспертизе молоток

вообще может послужить орудием убийства, но сила нанесенного удара и конфигурация раны на черепе заставляют высказать сомнение, что «молоток явился таковым в данном случае». И в конце этой фразы — жирный вопросительный знак.

Степанов откинулся на спинку кресла.

— Значит, так. Имеем две версии: первая — Никитина убил Кузьмичев, вторая — Кузьмичев не убивал Никитина.

— Богато мыслишь. У тебя же не две версии, а одна, только с подкладкой.

— Не мешай... Итак, что говорит в пользу первой версии? В машине Кузьмичева найден молоток, который мог послужить орудием преступления, и золотая монета. Труп находился в доме, где живет Кузьмичев.

— Мы с самого начала считаем, что молоток и монета в машине Кузьмичева — сомнительные доказательства его причастности к убийству и ограблению квартиры Никитина. Человек, хладнокровно совершивший два тяжких преступления, не способен так небрежно отнестись к вещественным доказательствам. Это раз. Молоток как орудие преступления — под жирным вопросом. Это два. В-третьих, Кузьмичев действительно поехал к отцу, он не врал. Если он убил Никитина и оставил труп в квартире, где сам живет,— кто же он такой? Уехать и оставить три неопровержимые улики против себя преступник, способный на такие вещи, не может. Если он не страдает серьезным психическим расстройством.— Басков передохнул немного и продолжал: — Наконец, факт, позволяющий считать Кузьмичева невиновным в убийстве. Оно произошло не ранее двадцати одного часа. Кузьмичев выехал в Харьков на поезде в двадцать один ноль пять. Следует к тому же иметь в виду личность подозреваемого. Из того, что нам известно, Кузьмичева можно характеризовать сугубо положительно: правдивый, добрый, хороший. Заботливый сын. И смелый человек — задержал одного из нападавших на него грабителей, а может быть, и убийц. Все это дает право считать версию об убийстве Никитина Кузьмичевым несостоятельной.

— Ты как с кафедры,— заметил Степанов.

— Чтобы убедительнее.

— Тогда продолжим в том же духе... Если допустить, что убийство, ограбление квартиры и покушение на ограбление или убийство в поезде связаны между собой, есть основания подозревать Кузьмичева в определенной причастности к двум первым упомянутым выше преступлениям.

— Если Кузьмичев причастен к ним, то не в качестве преступника, а как жертва. В его машину подбросили молоток и монету, чтобы поставить дознание и следствие на ложный путь.

Помолчав, Степанов с ехидцей спросил:

— Если неизвестный преступник или преступники умышленно наводили следствие на Кузьмичева, зачем нужно было покушаться на него? Зачем убирать человека, которого намеревались сделать ответственным за преступление, совершенное другими? Мы ведь полагаем вероятным тот факт, что покушавшийся, известный нам под кличкой «Тренер», готовил свое преступление заранее, ибо своих сообщников — Брошина и Касимова — он пригласил накануне, в четверг. Он показал им Кузьмичева еще до посадки в поезд. Он ехал в одном купе с Кузьмичевым. Следовательно, все это не было случайностью. А отсюда вывод: «Тренер» действовал по заранее разработанному плану, который включал убийство Никитина и последующую инсценировку с вещественными доказательствами. Повторяю вопрос: зачем в таком случае устранять Кузьмичева? Чтобы все концы в воду? Но это слишком уж сложно... Да и риск лишний...

Басков закурил и сказал, оставив этот официально-высокопарный стиль:

— Есть такие гробокопательские формулировочки: сколько ни болела, а все же умерла. У нас что-то вроде этого, шиворот-навыворот. Как ни раскидывай, Иваныч, а все наши выкладки разбиваются одним железным фактом: билет для Кузьмичева покупал Никитин. Что ж, он, выходит, и для «Тренера» купил? И Брошин с Касимовым тоже не без билетов ехали.

— Тем более. Ты уверен, что Никитин сам покупал билет? Он дал Татьяне Никитиной билет для Кузьмичева, дал, понимаешь? Думаю, он был не из тех, кто в очередях стоит.

Степанов вынул из папки корешки двух театральных билетов, по которым ходили в Малый театр Татьяна Никитина и ее подруга Наталья Позднякова.

— Я попросил своих эти билеты проверить. Пока в Таллин прогуливался, проверили. Куплено в кассе театра в понедельник. Кто купил, установить нет возможности. Но эти билеты как раз в понедельник Никитин передал своей бывшей жене.

— О железнодорожных я тоже думал,— сказал Басков.— Просил в Туле разыскать проводников, вдруг у них билеты сохранились?

— Это было бы неплохо.

— Но ты не очень-то обольщайся.

— А вообще-то, Леша, чует мое сердце — ни Лацис этот, ни Брошин с Касимовым никуда нас не выведут. Прав ты насчет тупика.

— Ну, ты монетки-то не списывай. Они не только золотую стоимость имеют.

— Обижаешь!

— Послезавтра Кузьмичев приедет. Может, он тебе что прояснит, я ведь с ним по этому делу — ни слова.

— Мне завтра в шестнадцать докладывать. Потребуют план, а что я предложу? Ты вот подначивал насчет двух моих версий, а более-менее правдоподобно предполагать можно лишь одно: Никитина убил не Кузьмичев. Это и версией по-настоящему не назовешь, на таком предположении никакого плана не построишь. Выходит, ни одной версии нет.— В голосе Степанова явственно звучало уныние. Он положил руку на пакеты «Мальборо» и прибавил чуть веселее: — Но у нас еще вот это есть. Чаю хочешь?

— Спасибо. Покурю.

Степанов снял пиджак, повесил на спинку кресла.

— Между прочим, завтра Никитина хоронят.

— Думаешь пойти?

— Постою в сторонке.

— Да, чуть не забыл,— сказал Басков.— Кузьмичев говорит: Никитина просила его, чтобы оставил свои ключи соседям.

Степанов укоризненно покачал головой.

— Леша, Леша, я же старый больной человек, а ты меня так терзаешь...

— Я, правда, чуть не забыл.

— Не притворяйся. Когда просила?

— Извини, но о таких деталях спрашивать я не мог.

На следующий день Степанов навестил Семеновых, соседей Никитиной. Они подтвердили, что Саша Кузьмичев оставил им свои ключи перед отъездом в Харьков. Было это около восьми вечера. Утром они отдали ключи Тане. Это было в начале одиннадцатого.

Татьяна Никитина изложила историю с ключами точь-в-точь, как Кузьмичев и Семеновы. Она добавила, что и сама, когда уезжает надолго из Москвы, всегда оставляет ключи соседям, чтобы не потерять.

Степанов заметил, что разговор о ключах был Никитиной неприятен, но, поразмыслив, счел это естественным: ей и должно быть неприятно все, что напоминает о происшедшем.

В четыре часа дня в кабинете начальника следственного управления прокуратуры, руководившего расследованием, состоялось совещание. Степанов доложил о предпринятых мерах и намечаемых действиях. Басков рассказал о своей поездке в Харьков. Сообща составили детальный план. Договорились проводить короткие оперативки в конце каждого рабочего дня.

9

12 апреля приехал из Тулы оперуполномоченный Лосев, которого Басков просил насчет билетов и сумки.

Он привез билет Кузьмичева (сумку «Тренера» не нашли) и рассказал вот что.

Проводница вагона № 9 поезда № 19, немолодая уже женщина, оказалась не то чтобы дальновидным человеком, но проявила завидную добросовестность.

Она знала, что пассажира, занимавшего пятое место во втором купе, ранил бандит, именно она по приказанию начальника поезда принесла аптечку и перевязала пассажиру руку (после она сетовала на свою оплошность — подруга-медичка объяснила, что по теперешним научным правилам йод в живую рану лить не годится).

Она видела в Туле на перроне, как этого пассажира и какого-то кудлатого парня увела милиция, и пассажир уже не вернулся. Она подумала, что, может, он из командированных, а им билеты для отчета надобны. Поэтому билет его сохранила в ожидании, что он после хватится.

Что ранил пассажира бандит, занимавший шестое место, про то она не знала и билет его выбросила.

Басков был от души благодарен оперуполномоченному Лосеву. У него даже мелькнула мысль поблагодарить и проводницу — телеграммой, разумеется. Но, подумав, он счел это чересчур сентиментальным жестом. В конце концов она ничего сверхъестественного не совершила.

Степанов, услышав о билете, обрадовался.

— Я к тебе сейчас своего сотрудника пришлю, Барышев фамилия. Отдай ему...

...Следователь Барышев из группы, которую возглавлял Степанов, был двадцатипятилетним человеком неприметной наружности. Одевался он небрежно. За год Степанов ни разу, например, не видел его при галстуке, хотя носил он обыкновенные рубахи, иногда даже белую. У Степанова было поползновение намекнуть об этом Барышеву, но он, конечно, не стал поступать так бестактно.

Еще отмечало Барышева редкое имя, данное ему родителями. Его звали Денис.

Во всем остальном Барышев был безупречен. За тот же год он показал, что не зря имеет высшее юридическое, и к тому же у него за плечами было два года работы в угрозыске. Степанов сам попросил, чтобы его назначили к нему в группу. В плане намеченных действий Барышеву отводилась довольно сложная роль, а пока Степанов поручил ему установить, где, когда и кем куплен билет для Кузьмичева.

Где — это не проблема. И когда — тоже. Барышев установил «где» и «когда» уже через два часа. Билет куплен в одной из касс дальнего следования на Курском вокзале 4 апреля (Степанов отметил, что именно четвертого Кузьмичев получил телеграмму из Харькова о болезни отца; в тот же день он, значит, и попросил Татьяну Никитину о билете, а она попросила Анатолия Никитина).

Кем — вопрос потруднее.

Барышев взял пакет, в котором лежали шесть фотографий,— четыре портрета разных мужчин, не имеющих к делу никакого отношения, портрет Никитина и портрет «Тренера», созданный криминалистами в НТО синтетическим способом. И отправился на Курский вокзал.

После недолгих изысканий кассовый начальник определила, в какой кассе был продан предъявленный Барышевым билет. К счастью, кассирша, работавшая 4 апреля, работала и сегодня.

Вызвав справедливый гнев издерганной, нервной очереди, кассиршу пригласили в кабинет.

Сначала Барышев показал ей сразу все шесть фотографий, не питая ни малейшей надежды на успех. Как может кассир, не менее издерганный, чем очередь, запомнить в лицо покупающего билет, когда ей некогда головы поднять? И действительно, кассирша заявила, что людей, изображенных на карточках, она никогда не видела, потому что вообще никого не видит, когда продает билеты.

Тогда Барышев использовал наводящую деталь, которой снабдил его Степанов, сказав, что, возможно, были куплены одним человеком четыре билета одновременно.

— Вспомните, пожалуйста, продавали вы в прошлую среду кому-нибудь четыре билета сразу,— попросил Барышев кассиршу.

— Четыре в одни руки редко бывает,— сказала начальница.

Кассирша бросила на нее быстрый и, как показалось Барышеву, укоризненный взгляд и сказала с досадой не ему, а начальнице:

— Васька из меня жилы тянет, хоть бы отвадили вы его.

— Что за Васька? — спросил Барышев.

— Носильщик. Больно шустрый,— ответила кассирша.— Раз помогла — теперь не отвяжешься.

— Вы ему четыре билета продали?

— Ну да. Прилип... Еще и пятерку совал...

— А какие, не помните?

— Две плацкарты в общий, два купейных.

— А как его фамилия?

— Черт его знает. Васька и Васька... Номер, кажется, не то тридцать первый, не то тридцать второй.

— Спасибо большое.

— Вляпался, что ли?

— Не волнуйтесь, ничего не случилось.

— А я и не волнуюсь, я пятерки не брала...

Барышев пошел в вокзальную милицию.

Через четверть часа привели Ваську — небольшого роста жилистого парня с невинно глядевшими серыми глазами. Только присмотревшись, можно было понять, что ему уже за сорок.

Барышев вынул из портфеля бланки протоколов, записал фамилию, имя, отчество, и тут Васька утерял невинный вид, снял свою форменную фуражку.

— А чего я сделал?

— Вы в прошлую среду, четвертого апреля, покупали в кассе четыре билета до Харькова? — спросил Барышев.

Испуг моментально исчез, Васька вновь глядел невинно.

— Было дело.

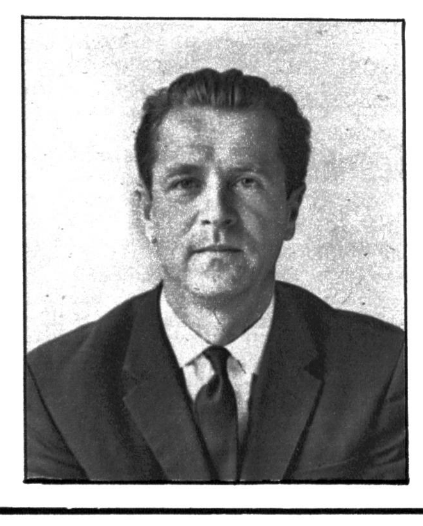
— Для кого?

— Врать не буду — за четвертной.
— Я спрашиваю: для кого?
— Ну, я у стоянки такси с телегой стоял, подошел один, в порядке мужик, говорит: свояк, нужны билеты, а в кассе очередь аж до Ваганьковского кладбища. И показывает четвертной. Ну, у меня в кассе знакомая есть, добрая баба. Попробую, говорю. Он деньги на билеты дал, я беру свою телегу, а он говорит: оставь, я посторожу. Купил билеты, аж четыре. Принес — он мне бумажку в руку, и до свидания.
Барышев попросил товарищей позвать понятых из зала и разложил на столе шесть пронумерованных фотографий.
— Посмотрите хорошенько, не знаком ли вам кто-нибудь из этих людей.
Васька, заинтересованный, скользнул по карточкам быстрым взглядом, положил мизинец на «Тренера», отнял руку, посмотрел на него еще раз и сказал:
— Не я буду, вот этот.
— Что вот этот?
— Билеты купил.
Барышев составил протокол. Васька с удовольствием его прочел и подписал.
Убирая карточки и листы в портфель, Барышев спросил:
— А почему он к вам обратился, а не к кому другому?
— Так мы же полномочные представители вокзала — первые пассажира встречаем, первые провожаем. Мы должны, чтоб пассажир заботу чувствовал и повышал настроение,— явно подражая кому-то более солидному, чем он сам, с некоторым пафосом объяснил Васька. Он, кажется, был неподдельно доволен, что им интересуется прокуратура.
— Я говорю, носильщиков на вокзале много, а он обратился именно к вам. Почему?
— Наверно, я ему понравился.
С Васькой все было ясно. Барышев напоследок сказал:
— А с четвертными вы полегче, это взятка. И с заднего хода билеты не покупайте.
— Учтем, товарищ начальник.— Васька надел фуражку и козырнул.
...То, что добыл Барышев, ничего полезного для розыска «Тренера» не прибавило: цепь на нем и замкнулась, а о его существовании и без того давно известно. Следствию это дало полную определенность по крайней мере в вопросе о билете Кузьмичева. Но теперь возникло несколько новых вопросов. Был ли знаком Никитин с «Тренером»? Просил ли он непосредственно «Тренера» о билете для Кузьмичева, или между ними был посредник? Если был посредник, то кто он?
Исходя из представлявшегося достоверным предположения, что происшествие в поезде, убийство Никитина и ограбление его квартиры — единое целое, а Кузьмичев ни в чем не виновен, Степанов сделал вывод: вся эта акция была тщательно спланирована; поскольку ее частью являлось нападение на Кузьмичева, а о его отъезде в Харьков стало известно в среду 4 апреля, то именно в этот день ее и спланировали.
Вырисовалась схематическая картина того, как все произошло. Но следствие вперед не продвинулось, ибо полученные до сих пор результаты расследования не позволяли хотя бы предположительно, в виде мало-мальски пригодной версии ответить на главный вопрос: кто разработчик плана?
Не на все сто процентов, но Степанов был уверен, что не «Тренер» — по той понятной причине, что преступник, способный в один день сплести столь сложную и жестокую комбинацию, должен быть фигурой покрупнее «Тренера». Трудно представить, чтобы такой позволил себе самолично добывать билеты и общаться на вокзале с людьми, в силу профессии обладающими хорошей памятью на лица.
На все сто процентов Степанов был уверен, что основным объектом преступления служил Никитин. На какое по значению место в ряду объектов поставить Кузьмичева и квартиру Никитина, Степанов определить затруднялся.
В общем, прав Басков: след, по которому шли они с Профсоюзной улицы, привел в тупик. Позавчера еще теплилась слабенькая надежда, что хоть один из отпечатков, взятых в квартирах Никитиной и Никитина, вдруг удастся идентифицировать в дактилоскопической картотеке. Но зря надеялись.
Пора приступать к осуществлению собственного плана.
...Степанов позвонил Баскову.
— Леша, есть четыре билета от «Тренера».
— Ну вот, прекрасный подарок. Далеко уедем.
— Грустно, брат.
— Велика беда!
— Да я не про то. Утром на кладбище был... Понимаешь, провожала покойного квартира, три старушки, ну, где раньше жил, где мать живет, да Никитина с подругой, да школьная его учительница. И больше ни души.
— А ты что, хотел, чтоб как Шукшина?
— Ну все-таки... Колотился, колотился человек, под молоток попал, понимаешь ли...
— У тебя что, других забот нет? — прервал его Басков.
— Ты бы на мать посмотрел...

10

Хлопотным делом оказалось заполучить настоящий фирменный пакет компании «Филипп Моррис» с изображением пачки сигарет «Мальборо». В Москве найти трудно, разве что бродить по улицам в расчете встретить человека с таким пакетом.
В аэропортах западноевропейских и заокеанских городов подобные рекламные пакеты раздаются бесплатно — в киосках той зоны аэровокзала, где отлетающие пассажиры, пройдя таможенный и пограничный контроль, ожидают приглашения на посадку.
Степанов собирался отдать принесенные Никитиной фальшивые пакеты на экспертизу. Для сравнения желательно было иметь подлинный.
Выручил Басков. У него друг — командир экипажа, летает на лайнере, совершающем рейсы в города Западной Европы. Басков попросил его привезти один пакет, не объясняя, разумеется, для чего он понадобился. (Друг язвительно спросил: «Что, твоя Маша тоже в эти записалась? Или ты сам?» Он подразумевал — в показушники. Басков сказал, что в таком случае он попросил бы привезти рубаху с рекламой фирмы «Пума».) Оставалось подождать дня два-три.
К экспертизе следовало привлечь специалистов из двух министерств — машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов и Минхимпрома.
Степанов ставил перед экспертами два вопроса:
1) Где изготовлены пленка и краска, из которых сделаны пакеты?
2) Возможно ли изготовление таких пакетов кустарным способом?
Основа плана Степанова состояла в том, чтобы обнаружить производителей фальшивых пакетов. Возможно, Никитин имел с ними связь, если не прямую, то через кого-то.
Даже найдя этого «кого-то», не говоря уж о производителях, получишь какие-то связи Никитина, которых сейчас в руках следствия нет ни одной,— арестованного Яна Лациса в расчет принимать, к сожалению, не приходится: ему о Никитине, кроме как о скупщике золота, ничего не известно. Он и фамилию-то настоящую не знает, ему Никитин якобы назвался Соколовым.
Районный угрозыск тоже пока не выявил никого из круга нынешних знакомых Никитина.
Производители, кстати, и сами по себе представляют интерес — правда, больше не для Степанова, а для БХСС.
С 13 апреля план вступил в действие.
Начать должен был Барышев. Степанов вызвал его к себе, чтобы проинструктировать, после обеда.
А до обеда у начальника отдела было совещание, на котором присутствовал и Басков. Окончательно разработали детали на случай возможных поворотов.
Отправным пунктом был Баку. Никитин часто ездил на юг, и единственный южный город, о котором точно известно, что Никитин его посещал,— это именно Баку: оттуда он прислал матери поздравительную телеграмму. Допустимо, что оттуда привез и пакеты.
Барышева выбрали потому, что он и следователь хороший, и имеет опыт оперативно-розыскной работы.
Инструктаж длился недолго. В заключение Степанов счел наконец удобным намекнуть Барышеву насчет его внешнего вида: «Ты галстук захвати. Надень для представительства. Все-таки мы — столица». Прямо из кабинета Степанова Барышев отправился оформлять командировку.
В четыре часа Степанов ждал вернувшегося из Харькова Кузьмичева. Он явился минута в минуту.
До этого Степанов видел его только на фотографии, но если бы видел, что называется, вживе, то все равно вряд ли признал бы его в том человеке, который стоял перед ним сейчас.
Понять можно: в поезде на тебя нападали с финским ножом, в Харькове отец парализован, в Москве на голову свалилась весть об убийстве Никитина, да еще и того хуже — тебя же в убийстве и подозревают, и никуда не денешься: есть улики. Но все же Степанов, всякого насмотревшийся за время службы, почти тридцатилетней, никогда не думал, что молодой человек, неделю назад отменно здоровый, может так быстро превратиться почти в старика.
Допрос был долгим. Кузьмичев по часам и минутам рассказал о той проклятой пятнице — о покупках в ГУМе, о встрече со слесарями на автобазе, про обои и записку Татьяны Никитиной насчет ключей.
Во всех подробностях были восстановлены события, разыгравшиеся в поезде, и все последующее.
Ревновал ли он Татьяну к Анатолию Никитину? Может, и ревновал немного, а вообще не очень-то приятно было, что Анатолий продолжал иногда захаживать в свой бывший дом.
Об отношениях брата Татьяны и Анатолия ему ничего не известно — не интересовался.
О портрете-фотороботе «Тренера» Кузьмичев заявил, что в облике сходство есть, но выражение лица непохоже.

Продолжение следует.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Не стало Олега Шмелева, доброго, красивого, настоящего человека, отличного журналиста, автора широко известных книг, автора повести «Ключи», которую сейчас печатает «Огонек».
Жестокая болезнь, которой он мужественно сопротивлялся, отняла у нас друга. Сразу после войны, где он сражался простым солдатом на Ленинградском фронте, был дважды ранен, награжден медалью «За отвагу», Олег Михайлович пришел в большую журналистику и более 35 лет проработал в нашем журнале. Не было темы, не было жанра, которые были бы ему не подвластны. Олег Шмелев всегда стремился помочь делу и людям, защитить их честь и достоинство, дать путевку в жизнь новому. Миллионам наших читателей он известен и как автор многих остросюжетных произведений. Миллионы и миллионы зрителей полюбили фильм «Ошибка резидента», созданный по одноименному роману Олега Михайловича, и последовавшие за ним «Судьба резидента» и «Возвращение резидента».
Только еще вчера он был среди нас, правил рукописи, помогал советом, избегал сочувственных разговоров — и вот сегодня его нет.
Олег Шмелев был честным и смелым человеком, прекрасным товарищем. Мы склоняем головы перед его памятью.

ОГОНЬКОВЦЫ

ДЕБЮТ В «ОГОНЬКЕ»

Хандо РУННЕЛЬ

* * *

Кружатся крылья. Вечная
мельница.
Только бы ветер не стих.
На жерновах у судьбы
перемелются
Истина, ложь и стих.

Беды свои поверяет у мельницы
Издревле местный народ.
Каждому этой мучицы отмерится,
Мельнику хватит забот.

Люди приходят с дальних окраин,
Весь уж в зарубках безмен.
Ждут своего и батрак, и хозяин,
Что им дадут взамен.

Рядышком мирно привязаны к
тыну
Лошадь, осел и мул.
Смелется каждому их господину,
Только бы ветер дул.

* * *

Да, я знаю, когда-нибудь снова
вернусь
И скажу: без тебя не смог.
Каждый прошлый твой след
отыскать берусь
В перекрестии наших дорог.
Ты однажды услышишь крик птицы
ночной —
Она мой приход возвестит.
Станет ночь ожиданьем моим
и мной
И от будущих бед сохранит.

Что когда-то исчезло в песке
без следа
С возвращеньем моим оживет.
И ревнивое время-забвенье тогда
Память-боль на руках пронесет.

И тогда повторю: без тебя я не
смог,
Не забыл наших считанных дней.
Одного и боюсь — все в сыпучий
песок
Обратится в ладони моей.

* * *

Когда на солнце вызреют орехи
И с поля будет вывезена рожь,
Продует ветер в облаках прорехи,
Стихотворение замрет на полпути,
Единственная, ты ко мне придешь
Со спелыми орехами в горсти.
И тихо скажешь: Ты опять
свободен
До осени, до смерти, может быть,
До той черты, где трудно не
любить.
Свободен снова. От всего
свободен.

**Перевод с эстонского
Л. Даниловой.**

Петр КОШЕЛЬ

СТИХИ О СЧАСТЬЕ

Таня давно не страдает.
Любит зефир в шоколаде.
Медленно платье снимает,
мужа соседского гладит.

Таня живет одиноко,
на зиму квасит капусту.
Крутит каштановый локон
и обожает искусство.

Восемь семей в коммуналке.
Выйдет легко из подъезда —
бабки сидят, как весталки,
все про тебя им известно.

Так и живет. На работе
цифры да цифры. И снова
громоподобные тети
сватают за Иванова.

Таня давно не страдает.
Что вы, какая невеста!
С Катей-подружкой гуляет,
тоже из ихнего треста.

Вместе глядят Пугачеву
(что вы, конечно же, стоит!),
вместе звонят Иванову,
но Иванов огнестоек.

Вот он выходит степенно,
зав подотделом облфина,
изображая джентльмена
из иностранного фильма.

В городе сонно и тихо.
По воскресеньям все дома.
Лишь продает облепиху
баба у райисполкома.

Как я люблю эти веси,
Таню люблю я и Катю,
славные их интересы,
сестринские объятья.

Мы с Ивановым покурим
в бунинской желтой аллее,
он неподвластен амурам,
девушек, правда, жалеет.

В церкви окончилась служба,
время — полпервого, значит.
Плакать о счастье не нужно.
Да ведь никто и не плачет.

ДВОЙНИК

Уже года не теребят
и меньше суеты,
и прибывает у тебя
любви и доброты.

Твоя собака под столом,
твой тихий кабинет,
и сочинений первый том
вчера увидел свет.

И есть, конечно же, недуг,
сожмет то здесь, то там,
и меньше ветреных подруг
звонит по вечерам.

Все хорошо, все хорошо,
еще хватает сил,
и дождик для души прошел,
и Верченко хвалил.

Но почему ж ты по ночам
не спишь, глотая бром,
и вся вселенская печаль
к тебе стучится в дом?

Ты смотришь в зеркало, а там
кривляется двойник.
Как сталось, что к твоим годам
он упырем приник?

Ведь это он, ведь это он
романы издает,
в свету чиновничьих погон,
как соловей, поет.

Тебе бы в морду дать ему
сейчас, и все дела,
но ты стоишь, глядишь во тьму —
что делать! Жизнь прошла.

А помнишь, на товарняках
к Хабаровску летел,
в осенних ночевал стогах
и делал, что хотел.

В Москву входил без башмаков,
на классиков плевал,
и даже Юра Казаков
тебя поцеловал.

Ты смотришь в зеркало, а там
кривляется двойник.
Как сталось, что к твоим годам
он упырем приник?

Покажет, ухмыляясь, нос
из гулкой темноты,
и под столом завоет пес,
как будто умер ты.

Карен ДЖАНГИРОВ

* * *

Все, что вечным казалось,
постепенно уходит, взамен
остается умение видеть за тучей
очертание птицы, еще
способность чувствовать боль
от столкновения рыбы
с камнем...

* * *

Семена
нарастающего одиночества

погружаю
в пустые ячейки космоса,

быть может,
родится где-то планета,

у которой
будет мое лицо!

* * *

Вспоминаю себя
живущим в пещере и плачу
о навеки утраченном счастье,
когда
глоток из ручья
и на древе висящий банан
определяли границы
сознания.

АРАРАТ

О Тебе,
выросшем из крупиц
нашей неисчерпаемой древности,
думаю!

И мысли мои,
как осколки кипящей звезды,
падают в океан
бессилия...

* * *

О луна!
Подражая тебе,
творили кривые орудия зла
и сеяли смерть!

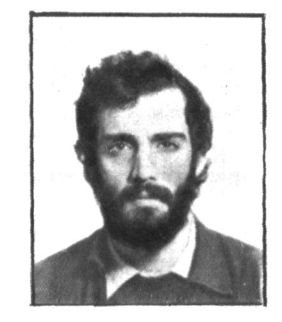
Не обижайся, луна,
за то, что так часто мысленно
я выпрямляю ночами твою
кривизну
и желаю тебе
изгнания...

* * *

Самое главное —
нарастающей цепью мыслей
превзойти непрерывность
ракушек мечтой —
звезду, восходящую в небе.
А грустью —
одиночество камня на дне
бесконечно глубокого
моря...

* * *

Городской человек городскими
шагами
идет торопливо. На скучном
лице —
городские тревоги, печали
и будни...
А что там такое — зловещее,
темное —
у него на спине возвышается?
Горб?
А может быть, это — Город?!

* * *

Это не трудно —
за сверкающий кончик
вытянуть взглядом из спящей
звезды
золотую цепочку букашек...

А можешь ли ты
по ритму бегущих дождинок,
по степени грусти в глазах у
лягушек
определить глубину
осени?

САМИ ЖИТЕЛИ НИДЕРЛАНДОВ, ВЕСЬМА РЕВНИВО ОТНОСЯЩИЕСЯ К РЕПУТАЦИИ СВОЕЙ РОДИНЫ, К ЕЕ ОБРАЗУ В ЗЕРКАЛЕ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ, ГОВОРЯ О СВОЕЙ СТРАНЕ, РЕДКО УПОТРЕБЛЯЮТ СЛОВО «ДЕРЖАВА».

СТРАНА У СЕВЕРНОГО МОРЯ

Владислав ДРОБКОВ
Фото автора

Еще бы — влажные низины у Северного моря, едва не сплошь застроенные центральные районы, рассеченные каналами и автострадами восточные и южные окраины никак не назовешь бескрайними просторами. После потери некогда громадных колониальных владений Нидерланды сжались до довольно скромных размеров. Их территория, постоянно увеличивающаяся за счет отвоевываемых у моря, осушаемых земель, ныне составляет примерно 41200 квадратных километров, на которых проживает около 14 миллионов человек. По европейским масштабам Нидерланды — одно из высокоразвитых, но неизменно попадающее в разряд «малых» государств. Выделяет его из общего ряда, пожалуй, только небывалая плотность населения — около 400 человек на каждый квадратный километр суши (3138 квадратных километров в Нидерландах занимают реки, каналы и озера).

И все же у жителей Нидерландов есть полное право считать свою родину в одной из областей не только равной крупнейшим из мировых держав, а даже своего рода супердержавой. Область эта — сельское хозяйство, в котором искусный и трудолюбивый народ Нидерландов добился неоспоримых и выдающихся успехов.

На первый взгляд подобное утверждение звучит несколько неожиданно. Правда, мир наслышан о прекрасных породах голландских коров, о замечательных цветах, прежде всего тюльпанах, об управляемых компьютерами парниках, где выращивают даже виноград. Но в то же время как-то не верится, что Нидерланды, столь густо заселенные, застроенные громадными по здешним меркам городами, в которых живет большая часть населения, способны полностью и даже с лихвой обеспечить себя основными продовольственными продуктами. Проезжая по этой стране, то и дело вместо полей видишь заводские корпуса, городские кварталы, аккуратные домики деревень, бетон автострад и воду, воду бесчисленных заливов, каналов и озер. Да и сами нидерландские поля, на которых в любое время дня можно встретить прилежно трудящихся крестьян, чаще по размерам походят на огороды где-нибудь в российской средней полосе.

И тем не менее Нидерланды на деле являются подлинной агропромышленной супердержавой, в которой от каждого квадратного метра возделываемых сельскохозяйственных угодий достигается наивысшая отдача. Производство товарной продукции с единицы площади там в три и одну десятую раза больше, чем в среднем по странам — участницам «Общего рынка», и в 10,8 раза больше (!), чем в США. Нидерланды, располагающие всего двумя миллионами гектаров сельхозугодий, из которых около 1,2 миллиона гектаров приходится на пастбища, являются вторыми после Соединенных Штатов Америки экспортерами сельскохозяйственной продукции в мире. Более 60 процентов производимых здесь продуктов питания и иных агротоваров вывозится в другие страны.

При этом нидерландские молочные продукты, мясо, птица и овощи создают опасную конкуренцию даже для таких западноевропейских государств с развитым сельским хозяйством, как Франция и Италия. Едва ли не каждый год в пиковые периоды сельскохозяйственной страды на границах Италии, Франции, а в последнее время и Испании местные крестьяне перекрывают автострады, жгут автопокрышки и устраивают баррикады, пытаясь помешать, как они говорят, «нидерландской сельскохозяйственной агрессии». Крестьяне перехватывают и отправляют назад грузовики со свежими овощами и битой птицей, цистерны с молоком из Нидерландов. В Комиссию европейских сообществ (КЕС) и другие органы «Общего рынка» сыплются жалобы и протесты. Спорят министры и чиновники ЕЭС. А нидерландские помидоры и огурцы, шампиньоны и сыры, свинина и битые куры уверенно прокладывают себе пути на рынки партнеров-соперников, обласканных южным солнцем и располагающих куда более обширными сельскохозяйственными угодьями.

И это в то время, когда в самих Нидерландах в сельском хозяйстве непосредственно занято лишь около 270 тысяч человек, а количество солнечных часов в летний период там даже меньше, чем, к примеру, в нашей Московской области!

В чем же секрет успеха нидерландцев в нелегком деле сельскохозяйственного производства? Работая несколько лет корреспондентом «Правды» в странах Бенилюкса[1], я часто задавал такой вопрос многим нидерландцам — от руководителей крупных агропромышленных комплексов до простых крестьян, от чиновников министерств до любителей-селекционеров. Из их ответов можно сделать два главных вывода. Первый — сельское хозяйство в Нидерландах благодаря ряду благоприятных факторов оказалось быстрее всего и в наибольшей степени (даже по сравнению со всеми другими государствами Запада) поставлено на промышленную основу. Свое применение в этом процессе нашли как наиболее совершенные машины и механизмы, так и передовые методы ведения сельского хозяйства. По сути дела, здесь создана и применена на практике в масштабах всей страны новейшая агропромышленная технология, в некоторых областях заметно обогнавшая аналогичную технологию в других государствах. Второй — настойчивость и трудолюбие нидерландского крестьянина, выработанные веками ведшейся им борьбы за землю, его бережное отношение к каждому клочку угодий, часто отвоеванному у воды. Помноженные на современные достижения сельскохозяйственной науки, эти качества дали поистине выдающиеся результаты.

В этом мне лишний раз пришлось убедиться, побывав однажды в теплице Гроота Схолтена неподалеку от Гааги. Хозяйствует Гроот вместе с женой и сыном Питером. Работают не покладая рук. Особенно в наиболее горячие периоды уборки урожая. Тогда приходится привлекать и работников со стороны. Но и результаты говорят сами за себя.

— С каждого квадратного метра я здесь собираю в среднем по 27 килограммов сладкого перца,— рассказывал Гроот, когда мы с ним шли вдоль ровных рядов темно-зеленых кустов, тянущихся из небольших, со средний цветочный горшок земляных кубиков, сформованных на специальных машинах. В эти кубики, как я потом узнал, заранее заделываются семена — по выбору хозяина — сладкого перца, или огурцов, или помидоров, других овощей или ягод. В них же закладываются и удобрения, необходимые на первое время, химикаты для борьбы с болезнями растений или вредителями. Эти кубики, обернутые в пластик, парами сидели в продолговатых, тоже укутанных белым пластиком тюфячках, набитых неорганическим волокном. К каждому из кубиков от проложенного вдоль грядок трубопровода тянулись черные тонкие трубки, по которым к корням кустов поступал питательный раствор.

— Раствор мне доставляет специальная фирма,— говорит Гроот,— другая фирма продает рассаду. А уж ухаживать за перцем, следить за ним, чтоб ему хватало тепла, воды, питания и света, собирать урожай — моя забота. Дело это тонкое, нужен опыт, порой интуиция.

— Интуиция интуицией,— попытался пошутить я,— но вот что вы будете делать, если фирма, поставляющая раствор, вдруг не пришлет очередную цистерну?

— Как это не пришлет?— искренне удивился Гроот.— Я же сам, когда раствор подходит к концу, звоню на фирму и назначаю время доставки его новой партии. Еще не было случая, чтобы заказ не был выполнен точно в срок. Да и разве может быть иначе?

Про себя я подумал, что иначе, к сожалению, тоже бывает. Только, как видно, не в Нидерландах...

А Гроот, как бы продолжая свою мысль, говорил:

— Да и если я сам что-то забуду сделать в теплице, это сделает за меня или хотя бы напомнит мой помощник — персональный компьютер. Очень полезная, надо сказать, оказалась вещица. Поначалу мы с женой сомневались: ставить ее или нет? Но посмотрели, как облегчил он работу некоторым из наших соседей, и решились. Теперь уже не представляем, как раньше без него могли обходиться. К хорошему привыкаешь быстро.

Мы подошли к небольшой комнатке у входа в теплицу, где на столе

[1] Бенилюкс — объединение трех государств: Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

стоял похожий на электрическую пишущую машинку компьютер. Связанный проводами с сотнями датчиков, он регистрировал все параметры, влияющие на рост перца: влажность и температуру воздуха и почвы в теплице, расход питательных смесей, освещенность, содержание различных газов в атмосфере. Всего не перечислишь. И все эти данные машина постоянно сверяла со специальной программой, в которой были определены оптимальные условия для выращивания сладкого перца именно того сорта, в таком, как эта теплица, помещении именно в это время года. Если какой-либо из датчиков фиксировал отклонение от программы, включалась в дело автоматика — увеличивалась или сокращалась подача раствора, изменялась влажность, включались лампы подсветки, открывались или закрывались форточки...

Рядом с этой новейшей техникой сам Гроот — невысокий, в крепких крестьянских ботинках, в видавшей виды рубашке с засученными рукавами, обнажавшими загорелые жилистые руки с крупными ладонями, в которые навсегда въелась земляная пыль,— выглядел несколько архаично. Но по его осанке чувствовалось, что хозяин в этом парнике он, а не машина, что ему здесь принадлежит последнее слово. Он же здесь и главный труженик.

С гордостью показывая свое обширное хозяйство — от оригинальной конструкции форточек, открывавшихся по команде компьютера, до кустов перца высотой почти в полтора метра, повисших на специальных бечевках,— Гроот рассказывал о том, как с каждым годом приходится вкладывать в эту теплицу все больше труда и средств. Как дорожают электричество и газ, необходимые для отопления теплицы и работы десятков ее моторов, помп, механизмов и аппаратов. Как растет стоимость удобрений и средств борьбы с вредителями.

И все же чувствовалось, что Гроот искренне предан своему делу и будет трудиться на этой земле, несмотря на любые трудности. Слушая его, я подумал, что трудолюбие и упорство здешних крестьян действительно внесли решающий вклад в тот успех, которого добилось сейчас нидерландское сельское хозяйство.

За нашим разговором внимательно следил молодой парень — сын хозяина Питер. «Нелегок труд у отца?»— спросил я его. «Еще бы!»— было ответом. «А сам, когда станешь самостоятельным, какую выберешь работу?» «Конечно же, останусь здесь. Продолжу семейное дело!»

...Молодой и подтянутый, в безупречном костюме, с жесткой щеточкой темных усов Крижн Леендертсе очень отличался от пожилого крестьянина из теплицы. И все же между ними было много общего. Он тоже самым непосредственным образом связан с нидерландским сельским хозяйством. Возглавляемая им группа компаний «Воскамп-Агропроектен» — одна из наиболее известных фирм здешней агропромышленности. Она занимается как разработкой новейшей технологии по производству сельскохозяйственных продуктов, так и поставкой машин и оборудования, строительством «под ключ» крупных агротехнических комплексов. От современных теплиц до птицеводческих ферм, от комплексных хозяйств по выращиванию шампиньонов до предприятий по хранению и переработке картофеля.

— Нидерланды — маленькая страна с большим населением, и поэтому мы были вынуждены стать на путь самого эффективного ведения сельского хозяйства. Теперь мы в состоянии широко экспортировать не только сельскохозяйственные продукты, но и технологию, крупные агропромышленные предприятия. Мы действительно стали аграрной сверхдержавой,— говорил К. Леендертсе.

Беседа наша состоялась в штаб-квартире группы «Воскамп» в Гравензанде. Встреча не была случайной: «Воскамп» уже долгие годы является крупным деловым партнером советских внешнеторговых организаций, и построенные по его проектам и с его участием сельскохозяйственные предприятия уже успешно действуют в нашей стране.

— Мы весьма заинтересованы в продолжении такого взаимовыгодного сотрудничества,— заявил К. Леендертсе.— За годы совместной работы у нас сложились прочные деловые отношения с советскими организациями. Ваша страна при ее масштабах, при больших задачах по развитию сельского хозяйства, выдвигаемых Продовольственной программой, является для нас очень перспективным партнером. Мы со своей стороны готовы к самому широкому развитию сотрудничества. Мы имеем опыт работы в различных районах мира от северных стран до пустынь Ближнего Востока.

В подтверждение этих слов К. Леендертсе показал видеокассету, рассказывающую о создании «Воскамп» в короткий срок в Саудовской Аравии птицеводческого комплекса по выращиванию ста миллионов цыплят в год. Комплекс впечатлял четкой организацией труда от возведения первых железобетонных конструкций до налаживания современнейших механизмов, сортирующих и упаковывающих яйца.

Не успел погаснуть экран телевизора, как в комнату внесли жестяную банку с желтоватым порошком.

— Это картофельный гранулят,— пояснил хозяин.— Мы хотели бы продать вам установку по его производству.

Чтобы продемонстрировать достоинство гранулята, взяли несколько ложек и замесили порошок в чашке кипятка. На наших глазах гранулят превратился в нежное картофельное пюре. «На молоке будет еще вкуснее!— пообещали хозяева.— Это же клад для работающих женщин. Несколько минут — и готов прекрасный гарнир!»

По мнению специалистов «Воскамп», гранулят сохраняет все витамины и питательные вещества, имеющиеся в картофеле. Его уже сейчас широко используют в Нидерландах. Из него легко готовить не только пюре, но и крокеты, многие другие картофельные блюда. Получают гранулят путем обезвоживания картофеля. При этом от первоначального объема остается всего 15 процентов. Это дает немалый экономический эффект при транспортировке и хранении. Расфасованный в жестяные банки гранулят может очень долго храниться даже при комнатной температуре. Тем самым практически сводятся на нет потери при длительном хранении или перевозке картофеля.

Кстати сказать, его в Нидерландах в среднем собирают по 411 центнеров с гектара. И практически весь урожай в том или ином виде доходит до стола потребителя. В цепочке поле — потребитель отлажено каждое звено. Прежде всего в Нидерландах созданы новые, необычайно продуктивные, устойчивые против болезней и вредителей сорта картофеля. Этот посадочный материал нидерландцы экспортируют в 55 стран мира. В Голландии могут разработать и детальную технологию выращивания картофеля для любой климатической зоны, любой почвы. И, наконец, там созданы высокопроизводительные машины и механизмы для уборки и переработки картофеля, совершенные складские комплексы, управляемые ЭВМ. О любви и заботе, которыми в Нидерландах окружен картофель, можно судить хотя бы по тому, что в этой стране есть даже специальный музей картофеля.

...Дорога из Гравензанде в Гаагу идет через небольшие поселки и городки. И почти на всем ее протяжении слева и справа тянутся, как кажется, бесконечные ряды теплиц. Около миллиона тонн овощей ежегодно собирают нидерландцы с 4660 гектаров парниковых хозяйств. Еще около 4 тысяч гектаров теплиц заняты здесь цветами, которых в Нидерландах выращивается почти 6 миллиардов штук в год.

При этом цветы, главным образом луковичные, составляют важную статью нидерландского экспорта. Так, в сезон 1985/86 года за вывезенные за границу одни только луковичные голландцы получили 954 миллиона гульденов. Экспорт, а луковицы статистика учитывает в килограммах, в тот период достиг отметки в 153 000 000 килограммов. Главными покупателями нидерландских цветов остаются страны «Общего рынка», однако предприимчивые местные торговцы давно проникли со своим нежным товаром на рынки Америки, Ближнего Востока, Азии. Только в США в 1985/86 году было отправлено 24 миллиона килограммов луковичных на сумму в 174 миллиона гульденов.

Надо сказать, что для нидерландцев цветы не только прибыльный товар, но и предмет искренней любви, а их выращивание — порой даже не профессия, а увлечение, не поденщина, а искусство.

— Да разве можно не любить цветы!— говорил мне высокий седой человек с крепкими руками крестьянина и добрым взглядом чудака-профессора. Лефебера можно считать одновременно и крестьянином, и профессором своего дела. Он потомственный цветовод, посвятивший этой не работе — страсти всю свою жизнь. Мы стояли на плоском, как стол, поле в несколько гектаров. В низких ровненьких грядках зрели луковицы нарциссов. И, наклоняясь к цветам, едва не становясь перед ними на колени, Лефебер рассказывал о невидимой работе живых сил, происходящей в этот момент в глубине земли, о многолетних усилиях, требующихся для выведения нового, невиданного еще сорта или разновидности цветка, о способности одних сортов щедро делиться с другими своими лучшими качествами и нежелании «входить в контакт» у других. Лефебер говорил так, что я не удержался от вопроса:

— И вы думаете, что цветы способны обладать характером собственным, даже как-то по-своему «думать»?

Лефебер выпрямился и вполне серьезно ответил:

— В этом нет никакого сомнения. Цветы не только думают, но они и чувствуют, реагируют даже на разных людей по-разному. Есть такие люди, которых цветы как бы боятся, в их присутствии они как бы зажимаются, уходят в себя, даже отворачиваются. И наоборот, к иным цветы тянутся, лучше растут, ярче цветут. Вы будете смеяться, но иногда я ловлю себя на том, что начинаю разговаривать с цветами, и мне кажется, что они понимают...

Не берусь утверждать, что способствует признанному в Нидерландах успеху фирмы Лефебера, специализирующейся на выращивании посадочного материала тюльпанов, нарциссов, других луковичных,— его разговоры с цветами или его недюжинное искусство агронома, глубокие знания, любовь к своему делу, хозяйственная хватка. Думаю, и то, и другое вместе. Важно, что дела у фирмы, расположенной в Хиллегоме, неподалеку от пригорода Амстердама — Харлема, дела идут хорошо. Как утверждают ее представители, более половины выращиваемых по всему миру тюльпанов ведут свою родословную от выведенных здешними селекционерами сортов. Давние и добрые отношения связывают фирму «Д. В. Лефебер и компания» и с Советским Союзом.

— Мой отец не раз ездил в вашу страну еще вскоре после Октябрьской революции. Он очень интересовался луковицами дикорастущих тюльпанов. Многие из них, собранные в степях Казахстана, других регионах, послужили материалом для создания нашей фирмой новых оригинальных сортов. В память об этом да и просто в знак уважения к вашей стране в каталоги нашей фирмы включены такие новые сорта тюльпана, как «Ленин», «Октябрьская революция», «Москва». И они пользуются успехом у цветоводов во многих странах мира.

Фирма «Д. В. Лефебер и компания» ежегодно поставляет сотни тысяч луковиц и в СССР. Прекрасные, яркие тюльпаны в Александровском саду у стен Кремля, на многих площадях и скверах столицы родом из Хиллегома. В небольшой, скромно, но по-деловому, как иногда говорят, «функционально», обставленной конторе фирмы на видном месте висят грамоты и почетные дипломы Моссовета, врученные в знак признания ее заслуг в деле «озеленения Москвы».

Как и на многих других фирмах, занятых выведением новых сортов и выращиванием посадочного материала, у Лефебера работает всего несколько человек. Наиболее трудоемкие работы механизированы, созданы оптимальные условия хранения и сортировки луковиц в оборудованных по последнему слову техники складах. В результате производительность труда там исключительно высока.

...Несколько десятков километров неширокого провинциального шоссе, связывающего Хиллегом с Харлемом и Лиссе, каждый год в апреле становятся на один день местом самого яркого карнавала цветов на планете. Десятки громадных платформ на собственном ходу или влекомые тягачами под грохот духовых оркестров, марширующих по шоссе, медленно проплывают перед восхищенными толпами зрителей. Полюбоваться этим зрелищем — а на каждой из платформ из десятков тысяч живых цветов возведены «замки» и разбиты «парки», изваяны скульптуры и целые сценки из местного фольклора — приезжают не только со всех концов Нидерландов, но и из многих зарубежных стран.

И это грандиозное шествие — лишь один из эпизодов (хотя и самый яркий) длящегося в этом районе Голландии несколько месяцев праздника цветов. Выставки и аукционы луковиц, праздники роз и гиацинтов, ярмарки новых сортов и цветочный «ковер» в несколько гектаров, «вытканный» в Кеккенхофе,— вот лишь главные из его событий. Ну как тут не назвать Нидерланды еще и цветочной державой?!

Амстердам — Москва.

МИР НАСЛЫШАН
О ПРЕКРАСНЫХ
ПОРОДАХ
ГОЛЛАНДСКИХ
КОРОВ,
О ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЦВЕТАХ,
ПРЕЖДЕ ВСЕГО
ТЮЛЬПАНАХ,
ОБ УПРАВЛЯЕМЫХ
КОМПЬЮТЕРАМИ
ПАРНИКАХ,
ГДЕ ВЫРАЩИВАЮТ
ДАЖЕ ВИНОГРАД...

ВПАЯНЫ ДРЕВНОСТИ В ПОЧВУ...

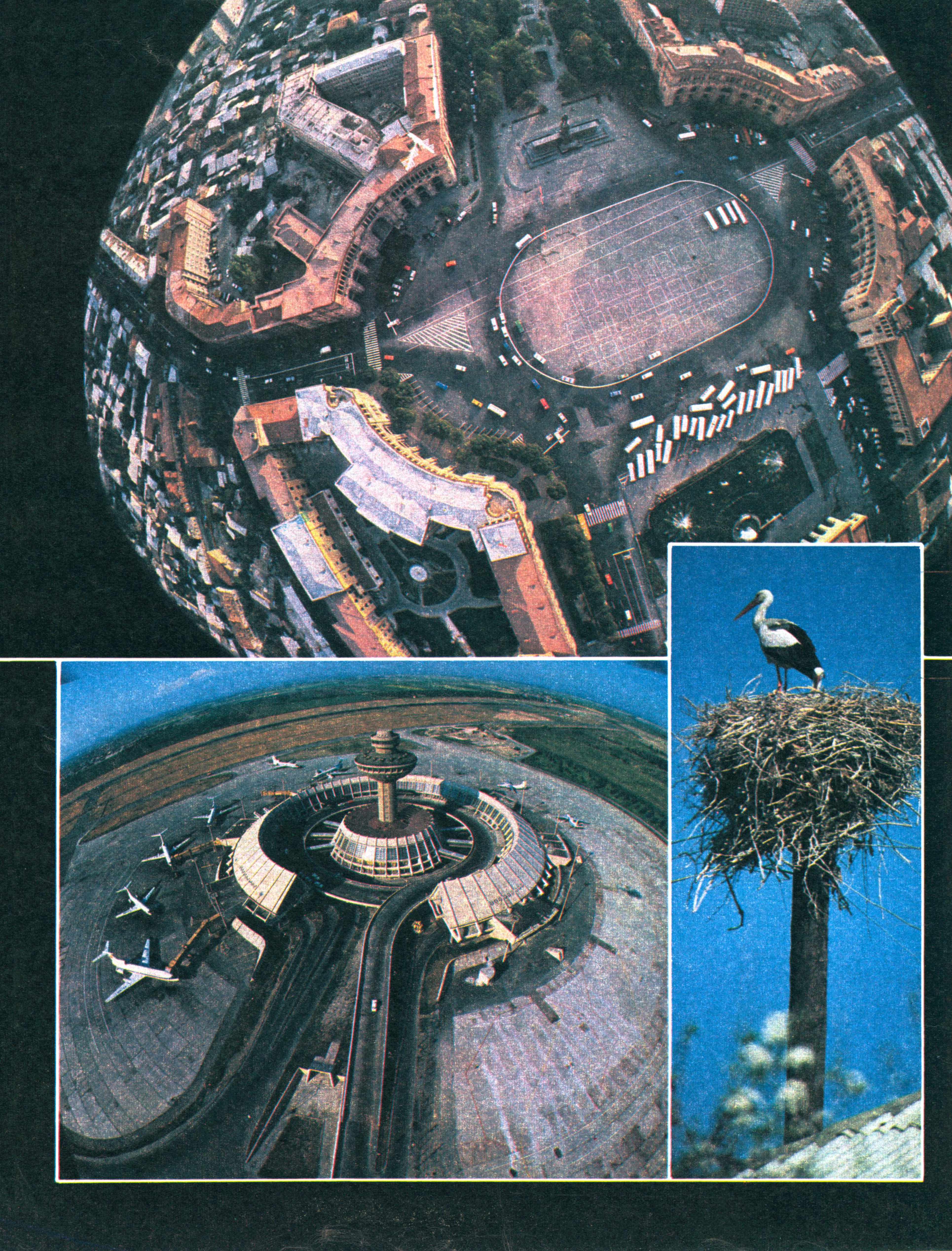
Армения, как и многие республики, переживает сейчас сложное время. Демократизация, гласность, беспощадная сшибка старого и нового — все это, конечно, безболезненно проходить не может. Но, болея современностью, не будем забывать о том, что было с Арменией всегда, в том числе и на самых крутых поворотах, изломах истории,— о ее земле, ее памяти, ее культуре. Об этом наш рассказ.

Сергей МАРКОВ
Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Мы стоим с моим другом Грачиком на семивековом мосту, под нами шумит Арпа. Закат окрашивает горы розовым, голубым, сталисто-серым, мы знаем, что нас ждут в Ехегнадзоре, но стоим, потому что нелегко покинуть мост, по которому проезжали, проходили с одного берега на другой современники Григора Тетаваци, Андрея Рублева, Шекспира,

Саят-Новы, Петра I, Пушкина...

На ночлег мы остановились в Ехегнадзоре, провели в его окрестностях день, повидали Нораванк — Красный храм, Гладзор, средневековые ванны на источниках, и на следующее утро выехали в Зангезур.

Грачик и местные его друзья рассказали мне, какие немыслимые пробки были на дорогах во время недавнего празднования 700-летия Гладзорского университета — сотни тысяч человек съехались со всей Армении, со всей страны и из других стран.

— Это был настоящий национальный праздник!— говорили мне.— Праздник памяти. Ты читал нашего писателя Гранта Игнатьевича Матевосяна? Он написал: «Человек и животное отличаются друг от друга памятью, между человеком и скотиной стоит память, знаешь — нет? Память в тебе — значит горишь ты, значит, человек со своими счетами, со своим беспокойством, а нет в тебе памяти — вот в поле корова пасется, она беспамятная».

Вечером в ехегнадзорской гостинице мы с Грачиком пили чай. Он рассказывал мне о трагической судьбе своих предков.

— В Армении, как, впрочем, и у вас, в России, и везде,— говорил мне Грачик,— прежде всего погибали те, кто думал не так, как нужно было кому-то сильному. И во время резни 1895 года, и в 1915-м, и в сталинские годы. И вот теперь лишь второе поколение армян живет более или менее спокойно. Хотя сам знаешь, какое это спокойствие и сколько разных проблем. И тем не менее. Я верю, я вижу, как армянская нация, не просто, а в высоком понимании слова, возрождается. Воскресает, если хочешь. Взять памятники наши — разговаривал с реставраторами да с простыми рабочими в Нораванке? Ты понял, что не из-за денег они восстанавливают монастырь, построенный великим Момиком?

— Понял, Грачик,— ответил я.

Мы едем в Зангезур.

В Ереване кто-то советовал лететь самолетом, сорок минут — и там. Но Грачик сказал, что он мне не враг, а друг. И я понимаю смысл его слов. Природа Армении говорит гораздо больше об Армении, чем города и села. Мне приходилось ездить по армянским дорогам на грузовиках и легковых машинах, на телегах и на бронетранспортерах, и я с армии еще помню это чувство, когда смотришь, смотришь на бесконечные камни, на молчащие горы и холмы, и все прежнее твое и будущее постепенно отступает, ты остаешься один на один с Арменией. «Впаяны в древности в почву; и камни природные — передряхлели скульптуру; и статуи, треснувши, в землю уйдя, поднимают кусты; не поймешь, что ты видишь: природу ль, культуру ль? Вдали голорозовый, желто-белесый и гранный хребетик сквозным колоритом приподнят над Гегаркуником, Севан отделяющим; почвы там храмами выперты, храмы — куски цельных скал...». Так писал Андрей Белый.

Встретивший нас Вазген, житель Зангезура, куда мы поспели как раз к обеду, нанизав шашлык на шампуры, поддержал наш разговор об истории.

Мы сидели на поляне, а противоположная сторона глубокого зеленого ущелья испещрена была рукотворными, как бы на разных этажах расположенными, похожими на ласточкины гнезда, пещерами. Вазген сказал, что в Армении были сотни, тысячи таких пещерных сел, и прежде всего потому так жили люди, что в пещерах оставалось больше шансов выжить. Персы и турки называли армян гяурами, неверными, и за это резали, но вся история Армении, которая, по словам Валерия Брюсова, «сумела создать на Востоке очаг истинной культуры, выдерживая одна борьбу со всей Азией», напротив, говорит о героической верности — христианству, земле, отцам своим и дедам. Сколько наций и народностей, да целых империй, пытаясь спастись, заплатить за жизнь отречением, бесследно исчезло с лица земли! Верность спасла Армению.

— Вот сюда привезти бы людей, наших и интуристов, показать, рассказать,— говорит Вазген.— Лучше всякого исторического музея, я считаю. Потому что тут сама история, а не экспонаты. Но для этого хоть более или менее человеческие условия нужны. Чтобы посидеть можно было в тени, попить — жара-то ведь зверская. Можно было б такие деньги делать, валюту, и на эту валюту храмы восстанавливать и отели строить. Или только на словах нам валюта нужна, а как до дела доходит... Вообще, странно. Мечтал западный миллионер-армянин на все свое состояние выстроить от Еревана до Эчмиадзина улицу с роскошными домами, магазинами — не разрешили. Почему? Армянин, предки которого бежали от геноцида за границу, не имеет права на действенную любовь к Армении? И не единственный это случай, когда армяне, живущие за границей, а их там намного больше, чем сейчас в Армении, и есть очень богатые, хотят воздать должное земле предков, памяти, памятникам, но им отказывают по тем или иным причинам.

Вечером мы зашли к знаменитому жителю, гордости Гориса гусану Ашоту. Испокон века гусаны, народные певцы, странствовали по Армении, рассказывали, что нового на свете, сказки, притчи, пели, аккомпанируя себе на бамбире или кяманче, о красоте, о ненависти, о любви...

Ашот Дадальян — очень пожилой человек, но с глазами поэта, а глаза поэта не стареют. Он пел для нас и для всего города, собравшегося у него дома и под окнами на улице. Я задал ему всего один вопрос: много ли стран он повидал?

— В юности я жил некоторое время в Баку,— ответил гусан.

— А больше никуда не ездили?— спросил Грачик, глядя на афишу из Нью-Йорка.

— Там пели мои песни,— ответил гусан.— Я там не был.

— А в Москве были?

— Нет. Я никуда из Армении не уезжал. Зачем? Поэту нужна родина. Больше поэту ничего не нужно.

— Гусан Ашот,— сказал Вазген,— мы с нашим гостем завтра едем в Татевский монастырь. У вас есть замечательная песня о Татеве. Не могли бы вы ее спеть?

— Хорошо,— согласился гусан и взял кяманчу, чуть ли не свою ровесницу.— Я спою.

Утром по дороге в Татев я спросил у Вазгена и Грачика: нельзя ли перевести слова песни?

— Я думаю, что нет, нельзя,— ответил Грачик, а Вазген начал было переводить, но потом с Грачиком согласился.

— Давай, слушай, ты сперва сам увидишь монастырь,— сказал он,— а потом, может быть...

Я почему-то искал глазами нечто вроде Донского или Новодевичьего, на минуту забыв, что «храмы — куски цельных скал». Татевский монастырь вырос из скалы, на самой ее вершине.

Татевский монастырь был основан в IX веке на месте известного в Армении святилища. Больше семисот селений принадлежало монастырю, он играл важную стратегическую роль. В его университете развивались все важнейшие науки, творили крупнейшие ученые, учился, а затем много лет преподавал выдающийся живописец и философ Григор Татеваци.

Храм Погоса и Петроса построен в конце IX века. Он во многом отличается от строившихся в Армении прежде купольных базилик — в западной части храма были устроены приделы, на углы стен которых опирается купол, восточные устои не слиты со стенами алтарной апсиды... Позже все это развивалось в армянской архитектуре. Гладкие фасады храма украшены изображениями человеческих лиц, к которым обращены головы змей с высунутыми жалами,— у армян змея почиталась как покровительница жилищ. Были в храме замечательные фрески — сидящий на троне Христос в окружении трех пророков и четырех святых, грандиозная композиция Страшного суда, сцены Рождества... Но фрески почти не сохранились.

Сохранился, простояв без малого одиннадцать веков, монумент «Гавазан», качающийся восьмигранный столб высотой восемь метров, с великолепным хачкаром наверху.

— Все землетрясения выдержало это чудо Татева,— говорит Вазген.— И храм спасло от разрушения. В X веке сюда ворвались арабы, крушили все и вся, но, увидев это чудо, поражены были...

Мы сидим с рабочими в тени храма на камнях и осколках с чудесным орнаментом. Крановщик недовольно кричит что-то сверху, но его зовут обедать. Жара. По испачканным известью лицам катятся струйки пота. Усталые, увитые узловатыми вздувшимися венами руки неподвижны — отдыхают. Их двадцать семь человек, рабочих, восстанавливающих монастырь, и все из села Татев.

— Приехали вначале ереванцы,— рассказывает Мурат Арутюнян.— Высококвалифицированные каменщики. Но у нас свой камень, местный базальт. Он очень твердый, потому и рисунок держит века. А они к нему не привыкли. Взяли камень похуже, с которым работать легче. Дело это? Восстановили надвратную церковь Аствацацин, но мало того, что не из того камня, они и купол на полтора метра ниже сделали, чем нужно. И уехали. Нам теперь придется перестраивать. Зато теперь в бригаде все свои, чужих нет. Не для отчета, не для какого-то там дяди в управлении, для себя делаем.

— Монастырь?

— Монастырь,— ответил Мурат.— Здесь будет музей Зангезура, целый музейный комплекс.

— У меня пятеро детей,— говорит мастер Амаяк Микаелян, потомственный каменщик, красивый пожилой человек.— Пройдет много лет, и внуки спросят у родителей, чем дед занимался. Сыновьям моим не нужно будет много говорить. Приведут сюда и покажут. Вон оттуда, снизу, с дороги. Вот чем дед ваш занимался. А до него руины были... Что может быть важней этого в жизни?

Мы садимся за длинный стол. На столе лаваш, сыр, помидоры, зелень. То же самое, думаю я, чем поддерживали силы строители Татева одиннадцать веков назад. Так же неторопливо, обстоятельно заворачивали они в лаваш сыр и зелень и так же вкусно, благодарно принимали посланную богом, заработанную руками пищу. Те строили, эти восстанавливают, верней, заново строят.

После обеда мастер Амаяк Микаелян берет инструменты и возвращается к камню, на котором с утра начал выбивать рисунок. У других мастеров и по реставрационному плану на такой сложный, тонкий, кудрявый рисунок уходит месяц. У Микаеляна из Татева — день, от восхода до заката.

— Можно, я посмотрю на вашу работу?— спрашиваю.

— Конечно,— улыбается мастер.

Вокруг стены монастыря, белесые от солнца, надвратная церковь, храм Погоса и Петроса, пока без купола — и они тоже смотрят на работу мастера. Они ждут. Но мастер не торопится. Он работает с наслаждением, забыв обо мне и забыв о себе. И о внуках своих, которые приедут сюда через много лет. Он творит, по миллиметру отсекая все лишнее. Не для того, чтобы вспомнили, а просто потому, что иначе не может.

— Я счастлив, что попал сюда по распределению после архитектурного института,— говорит мне Амиран Бадишян, главный архитектор проекта.— Многие ребята с нашего курса восстанавливают памятники. У нас в Армении около тридцати тысяч памятников, и из них больше пятисот всесоюзного значения. Представляешь, сколько работы?

— Ну а строить новое не мечтали в институте?

— Конечно, мечтали. И мечтаем. Но нельзя строить новое, не познавши вековую мудрость зодчих. Иначе это новое в процессе строительства уже станет безнадежно старым. И не по книге, не на лекциях познавать, а так вот, работая, восстанавливать. Работы на Татевском монастыре будут закончены года через три-четыре. Надо построить купол храма Погоса и Петроса. Колокольню. Восстановить часть крепостных стен, гробницу Григора Татеваци. Фрески внутри храма. Работы много еще, чего говорить. И проблем, естественно, хватает: того нет, этого... Но сколько уже об этом говорят и пишут. Скучно. Работать надо — как бы там ни было. Видны результаты уже, нет? Я тебе сейчас фотографию покажу...

Амиран вытаскивает из папки почти вековой давности фотографию Татевского монастыря, и мы идем на место, с которого снимали.

Солнце зашло, но отсвет заката как бы покрывает еще скалы прозрачной бледно-серебристой пленкой, и звезды над монастырем светят приглушенно. Фотограф был мастером, выбрал лучшую точку для съемки. Воображение мое с помощью старой фотографии быстро дорисовывает колокольню и купол, а все остальное, как прежде — скалы вокруг и внизу, стены, выросшие из скал, небо, звезды... И одного лишь не могу я представить: что нет монастыря. Как говорят, такого не может быть, потому что не может быть никогда. Он всегда здесь стоял, этот монастырь. Не было еще ничего, а он был. Вот так строили.

— Ну так ты понял, о чем была песня гусана Ашота?— спросил меня Грачик в машине на обратном пути в Горис.

— Понял, Грачик-джан.

— Все понял?— уточнил Вазген.

— Думаю, да,— сказал я.— Спасибо вам, ребята, за перевод.

1917 • 1987

ЕСЛИ СУДИТЬ ПО ПРЕССЕ ПРОШЛЫХ ЛЕТ, ВСЯ КОСМИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЕДИНЫМ ПОБЕДНЫМ МАРШЕМ. И КАК ЧЕРЕЗ ВСЕ ЭТО ТРУДНО ПРОРВАТЬСЯ К РЕАЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕКУ, К ЕГО МЫСЛЯМ, СОМНЕНИЯМ, ПОИСКАМ...

XX век войдет в историю человечества как начало космической эры. И хотя ее, возможно, сменит другая, названия которой мы пока даже не можем и предположить, каждое поколение будет с неизбывным удивлением вглядываться в самые первые события, в людей, их подготовивших, в них участвовавших. Точка отсчета в памяти многих — запуск искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года. А из людей «космического далека» — прежде всего и во главе всего — Сергей Королев, чья жизнь, научная мысль и творческая интуиция подобны маякам, способным укрепить в поисках своего «я» не одно поколение первооткрывателей и вообще людей думающих, ищущих. Судьба таких людей, как Королев, людей, влияющих на ход науки, а порой и всей цивилизации, как правило, отражает в себе весь исторический контекст времени, которое эта личность неизбежно опережает. Расцвет или застой общественной жизни сказывается прежде всего на судьбах впереди стоящих. Каждый, обращаясь к жизни Королева, будет ставить вопросы и отвечать на них, опираясь прежде всего на свой опыт и потенцию предвидения. Не откажем в праве на собственную точку зрения и автору, к тому же он представляет поколение молодых журналистов, активно осваивающих сегодняшний мир, уготованный им старшими поколениями.

Мария ПАСТУХОВА

ЯРЧЕ ЛЮБОЙ ЛЕГЕНДЫ

Казалось бы, о Королеве мы знаем все. О нем написаны книги, сняты фильмы. И все же, все же...

Склонность к подкрашенным муляжам с утилитарно-назидательным назначением, утвердившаяся в жанре жизнеописаний выдающихся людей, в литературе о Королеве проявилась сполна. Но интересны не муляжи, интересен сам Королев. Поэтому, ни в коей мере не претендуя на полноту освещения его личности, попытаюсь с помощью документов и свидетельств прояснить наиболее «затемненные» места биографии и поразмыслить над возникшими в связи с этим вопросами.

Вот статья «Королев, Хрущев и спутник» из английского журнала «Спэйсфлайт». Ее автор Джеймс И. Оберг, победитель конкурса на лучший исторический очерк в 1977 году. В этой публикации сделана попытка непредвзято понять феномен Королева.

«Первый этап, называемый советскими биографами «Подмастерье», хорошо освещен в официальной хронике советской истории,— пишет Джеймс И. Оберг и далее перечисляет: жизнь Королева на Украине, его занятия астронавтикой в Москве под руководством Туполева, первые полеты на планере хорошо задокументированы. В начале 30-х годов, как раз накануне его тридцатилетия, он вошел в состав группы конструкторов-ракетчиков, известной как ГИРД (группа изучения реактивного движения). Он работал под руководством инженера Цандера и совершил поездку домой к основоположнику русской космонавтики Константину Циолковскому, где имел с ним краткую беседу и получил благословение на занятия по исследованию космоса».

«Вплоть до 1938 года эти биографы достаточно подробны и правдивы,— делает вывод автор статьи.— Однако последующие пятнадцать лет, когда лучшие были подвергнуты «селекции», или изолированию, являются в биографии периодом полуправды или же вообще глухоты».

Что же все-таки сообщается у нас об этом периоде жизни С. П. Королева?

«1938—1947.

В различных районах строятся заводы, разрабатываются новые образцы истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. На одном из таких заводов, где генеральным конструктором был А. Н. Туполев, начинает работать с июня 1938 года и С. П. Королев.

Перед нами анкета, заполненная его рукой.

«...1938—1942 гг.— конструктор Опытно-конструкторского бюро.

...1942—1945 гг.— заместитель главного конструктора Опытно-конструкторского бюро»,— читаем, например, в книге А. Романова «Конструктор космических кораблей», издание четвертое, дополненное, 1976 год.

Автор же статьи в «Спэйсфлайт» утверждает: «В 1937 году... прошла чистка в рядах Красной Армии. Тухачевский и все его коллеги были арестованы и позднее расстреляны. Группы, им поддерживаемые, автоматически попали под подозрение... Королев в возрасте 31 года был арестован вместе с другими. Его связь с Тухачевским, который одобрил его ракетную программу, оказалась фатальной... Королев исчез в системе трудовых лагерей, которые поглотили десятки миллионов русских».

Кто же прав? Обратимся к документам.

«27 июня 1938 г. я был арестован органами НКВД по обвинению в участии в антисоветской организации, в которой я работал, как мне сказали на следствии. Я обвинялся во вредительстве в области новой техники. Основанием для этого послужили показания т. директора НИИ, где я работал, на Глушко, Лангемака, И. Т. Клейменова и других лиц. Осенью того же года я был осужден Высшей Коллегией Верховного Суда к тюремному заключению на срок 10 лет.

В 1939 г. этот приговор был отменен и Особое Совещание НКВД заочно вынесло решение осудить меня... на срок 8 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях.

После этого я работал конструктором КБ авиазавода на производстве и главным конструктором объекта по новой технике в системе 4-го спецотдела НКВД».

Это написано рукой Сергея Павловича. Выходит, с июня 1938 года он никак не мог работать у Туполева. Что же побудило мемуариста писать заведомую неправду да еще как бы с помощью самого Королева? Это было право С. П. Королева — после реабилитации не указывать в официальных документах судимость. Но есть ли право у биографа фальсифицировать таким образом доверенные ему факты?

Итак, июнь 1938 года. Как это было?

Рассказывает Герой Социалистического Труда, бывший председатель государственной комиссии генерал-лейтенант Георгий Александрович Тюлин:

— В служебных командировках мы с ним о многом говорили откровенно (полет до космодрома продолжался около 8—9 часов). Там я узнал, как его взяли. Когда по доносу арестовали В. Глушко и объявили врагом народа, Сергей Павлович публично заявил, что не может поверить, будто Глушко враг народа, что не может этого быть. Тогда и его самого забрали через несколько дней.

«Во время следствия по моему делу я ничего не мог доказать и объяснить, так как следствие велось в совершенно недопустимой форме и обстановке — вернее сказать, что никакого следствия по существу в то время не производилось.

Меня обвиняли во вредительстве в области новой техники, где я работал в то время. Более нелепое и неправдоподобное обвинение трудно себе представить, так как работа в области новой техники всегда была целью моей жизни и любимым делом» — из того же, уже цитированного нами заявления С. П. Королева на реабилитацию.

— А потом Колыма, где он был землеройным рабочим, обращение соответствующее, у него на голове шрам остался. Цинга, в результате которой потерял половину зубов,— продолжает Г. А. Тюлин.— Уже много лет спустя он показывал мне самодельную жестяную кружечку из консервной банки, из которой он там «испил»... Надо быть Королевым, чтобы не сломаться в таких условиях.

— До того как Сергей Павлович был отправлен на Колыму, он почти два года просидел в одиночной камере. Так он мне говорил,— поясняет Нина Ивановна Королева, вдова Сергея Павловича.

— Нина Ивановна, а что Сергей Павлович вам рассказывал о тех годах?

— Очень мало, а я не расспрашивала: знала обстановку, не он один пострадал, не хотела его тревожить лишний раз. Когда он все же вспоминал те годы, всегда очень нервничал. Рассказывал, что, когда на Колыму пришел вызов на него и его привели к пристани, оказалось, опоздали: последний пароход ушел. Пришлось ждать следующей навигации. Потом он узнал, что тот пароход затонул... Нередко Сергей Павлович говорил: «Золотишко копал на Колыме». Несколько раз повторял: «Мы должны посетить те места. Мы непременно туда с тобой съездим...» Не успели. Мне хотелось, чтобы эти годы ушли из его памяти, не мучили бы его. Хотелось, чтобы его взгляд был чаще устремлен в будущее.

Но, когда он заболевал или мы были на отдыхе (последний раз, я помню, в Сочи, когда мы шли в кинотеатр), он постоянно говорил, видимо, это продолжало его тревожить: «Я должен написать о том времени». Я видела, как он нервничает, и старалась его от этой темы увести. Я ему говорила: «Уже писали...» «Ну что ты, это еще цветочки»,— возражал он.

Записок об этом времени Королев не оставил. Как повлияли на него годы заключения? Что чувствовал, что переживал?

Увы, ответы сыскать непросто. В том же английском журнале, правда, говорится: «В этот период жизни... русский инженер, который знал его по Московской специальной тюрьме, описывает его как «циника и пессимиста», у которого любимой фразой были слова: «Мы все исчезнем без следа». Но кто сможет сие подтвердить или опровергнуть?

— Боюсь, что некому уже об этом рассказать: свидетелей остается все меньше,— говорит академик Василий Павлович Мишин, заместитель Королева, а впоследствии его преемник,—Главный конструктор.— Мог бы профессор Егер, он ведь делил с Королевым одну тюремную койку — вот здесь из моего окна эта тюрьма хорошо видна, здесь они с Туполевым работали под арестом. Теперь вся эта улица называется Набережная Туполева. Вот так-то... Но профессор Егер умер недавно.

— Но вы ведь познакомились почти сразу после его освобождения, какое он тогда произвел на вас впечатление?

— С Сергеем Павловичем мы познакомились примерно через год после освобождения, в ноябре 1945-го, в Берлине, куда мы были направлены в составе государственной комиссии по ознакомлению с немецкой ракетной техникой. Ему тогда было 38 лет. Еще до нашей встречи я слышал о нем. Мне позвонили в Прагу из Берлина и сказали, что Королев хочет, чтобы наша группа была перебазирована в Берлин. Сказали, что Королев — человек решительный, что задумает, то так и будет. И коротко охарактеризовали его, сказав, что в ракетных делах не новичок, что был одним из создателей ГИРДа, инициатором РННИ и одним из его руководителей, что и его не минула участь многих наших товарищей. Я понял, о чем идет речь — о «37-м годе». Позже, когда я встретился с Сергеем Павловичем, он был полон энергии, выглядел очень бодро, несмотря на тяжелые испытания, которые он перенес. Он произвел на меня хорошее впечатление и как инженер, всесторонне эрудированный в ракетной технике.

— Королев что-нибудь рассказывал о годах заключения?

— Конечно, нет. Им же запрещали при выходе из тюрьмы или из лагеря распространять какие-либо сведения, уж не знаю, бралась ли с них расписка или как, но это все знали и понимали их скрытность.

К тому же в Германии было не до разговоров. Мы были поглощены ответственным заданием, которое выполняли, и, кроме того, наши мысли были полны только что закончившейся войной.

— Ну, а много позже, когда вы вместе проработали столько лет и доверяли друг другу, вы не расспрашивали его?

— Нет. Вам трудно, наверно, понять то время и ту обстановку, в которой мы жили. Читали «Дети Арбата»? Вот это про нас. Я учился в МАИ. Регулярно с курса исчезали студенты: сегодня ты сидишь с ним рядом на лекциях, а завтра его нет. И никто не задавал вопросов. Вопросы задавали в другом месте. Так что мы были приучены вопросов не задавать. А потом к чему вопросы: даже не зная каких-то фактов, и так было видно, откуда пришел человек и что перенес. Королева спасала работа. Видимо, перед войной, к моменту ареста, его группа вплотную подходила к решению, научному и практическому, задач в области ракетной техники, а это было делом его жизни. В годы заключения у него вряд ли была возможность продвигаться в этой области, он ведь работал у авиационников. И вот теперь в Берлине, дорвавшись до своей темы, Королев полностью уходил в нее как в иную реальность. Вот поэтому он и показался мне сначала таким бодрым и энергичным,— продолжает Мишин.— И все же мысленно возвращаясь к тем годам и сравнивая того Королева с «нашим СП» — с Королевым последних лет, я только сейчас понимаю, насколько изломанного человека получили мы тогда, осенью 1945-го.

Да, полную информацию об этом отрезке жизни С. П. Королева мне получить пока не удалось. Джеймс И. Оберг располагает, по-видимому, гораздо большим объемом фактов.

Было бы несправедливо сейчас, во время перестройки и гласности, делать вид, что именно нам и именно теперь все стало разом понятно. Нет, были люди (и не в наше время), кто замечал, был возмущен, так же, как мы с вами сейчас, и не молчал об этом тогда. Порой расплачиваясь за это ярлыком «отщепенец». В лучшем случае только ярлыком!

Сейчас признается, что эти «отщепенцы», «оппозиционеры» были прогрессивными людьми. Так позвольте подчеркнуть, что те замечательные мысли, «прозрения», которые приходят к нам, те суждения, которые высказываются при все нарастающей гласности, принадлежат изначально и по праву им, «из другого поколения».

Возможно, в 30-е годы, поглощенный своим делом, Королев не подетально анализировал суть происходящих в стране событий. Думаю, вряд ли осознавал масштабы той беды, которая настигла и его... (Выступить публично, опровергая законность действий органов НКВД, объявивших его товарища врагом народа,— это не только акция порядочного человека и ученого, это еще и доказательство веры в светлые идеалы государственной справедливости.) До конца ли он осознал парадоксальность времени на Колыме, в спецтюрьме № 156, а после в Казани?

В 1944 году С. П. Королев был досрочно освобожден со снятием судимости. Вот выписка из «Протокола № 18 от 27 июля 1944 года» заседания Президиума Верховного Совета СССР: «1818. Представление НКВД СССР о досрочном освобождении со снятием судимости Королева Сергея Павловича.

Дело № 1 К—6874с.

1. Согласиться с представлением НКВД СССР и досрочно освободить со снятием судимости Королева С. П.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (А. Горкин)».

Но это отнюдь не означало, что отныне он стал полноправным членом общества. Несмотря на полученный к этому времени (за работу по спецтехнике) орден «Знак Почета» (1945 год), на нем оставалось «пятно осуждения».

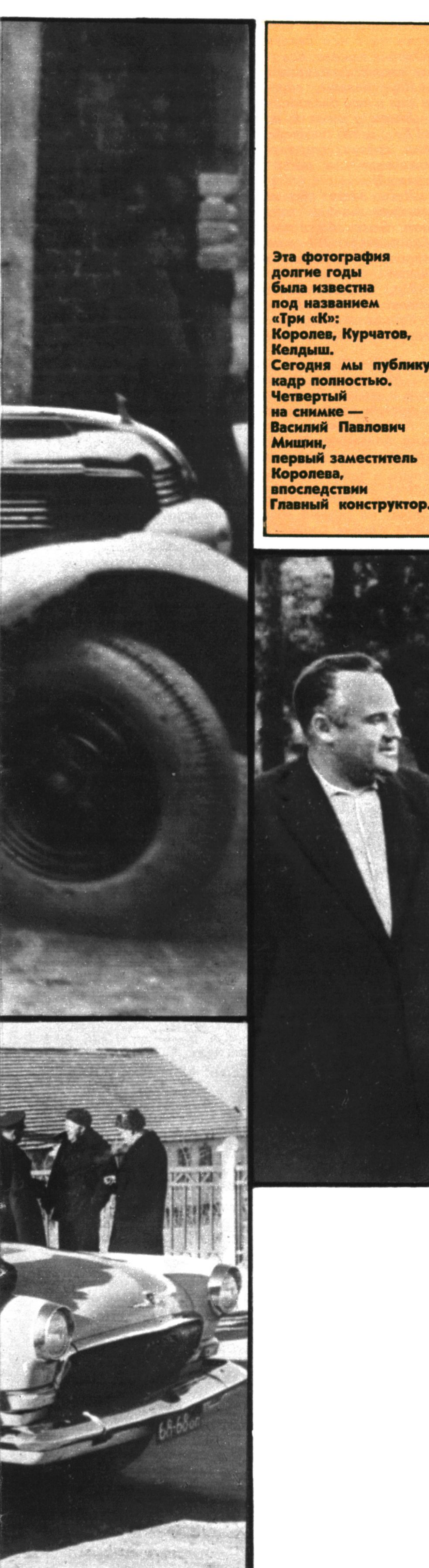
В 1952 году Королев, уже главный конструктор КБ, подает заявление принять его кандидатом в члены партии. Однако человека «с темным политическим прошлым» в те годы опасались: как бы не пришлось отвечать. С анонимкой, обвиняющей Королева в том, что он скрывает свою национальность, покончено было быстро, представил метрики своих родителей: мать — украинка, отец — русский, ничего он, следовательно, не скрывает. Прошел заседание парткома, где его знали все. Вот и бюро райкома...

— О том, что и как там проходило, прочтите вот в этом документе,— предлагает мне Нина Ивановна.— Это воспоминание С. И. Мосолова, работавшего в то время председателем Мытищинского райисполкома. Это запись под диктовку, им заверенная.

Сергей Павлович Королев и Георгий Александрович Тюлин. Германия, 1946 год.

20 лет спустя...

Эта фотография долгие годы была известна под названием «Три «К»: Королев, Курчатов, Келдыш. Сегодня мы публикуем кадр полностью. Четвертый на снимке — Василий Павлович Мишин, первый заместитель Королева, впоследствии Главный конструктор.

«Кроме воспоминаний, которые я передал составителям книги об С. П. Королеве, решил сделать настоящее добавление только с той целью, чтобы достоверный факт был достоянием истории, биографии великого ученого... Прием в партию был последним вопросом повестки дня, причем последовательность приглашения выступающих на заседании бюро была определена так, что Королев С. П. оказался последним по списку. Только потом я понял, что это было неспроста. Когда в приемной оказался один Сергей Павлович, первый секретарь горкома Булыгин Н. В. отпустил всех работников аппарата ГК, присутствовавших на заседании бюро. После того, как в кабинете остались только члены бюро (11 человек), Булыгин предоставил слово секретарю парткома института, в котором работал С. П. Королев, также члену бюро ГК КПСС Медкову Михаилу Григорьевичу. Медков сказал примерно следующее: «Сейчас будет наш товарищ, главный конструктор одного из наших КБ, Королев Сергей Павлович. Мы приняли его на первичной парторганизации и в парткоме предприятия, но я обязан доложить, что товарищ Королев в 1938 году был осужден как враг народа. Он помилован и даже награжден орденом «Знак Почета», однако судимость с него никто не снимал».

Начались споры. Мнения разделились. Значительная часть членов бюро высказалась категорически против. Тогда решили послушать самого Сергея Павловича. Сергей Павлович Королев ответил на многие вопросы и в своем выступлении раскрыл перед членами бюро перспективы развития ракетной техники, показал, какие сложные задачи стоят перед ним, перед его КБ, какая большая ответственность легла на его плечи как главного конструктора. Он произвел на членов бюро хорошее впечатление. Чувствовалось, что перед нами умный человек, увлеченный порученной ему работой. После того, как С. П. Королев закончил отвечать на вопросы, его попросили выйти. И опять возобновился спор. Долго сидел Сергей Павлович, ожидая решения своей судьбы. Он, конечно же, понимал, что происходило там, на бюро. В конце концов поставили на голосование без присутствия Королева. Результаты: 6 — за то, чтобы принять С. П. Королева кандидатом в члены КПСС, 5 — против. Пригласили Сергея Павловича, поздравили его, пожелали успехов в его нелегкой работе.

Во избежание всевозможных кривотолков я просил сделать запись моего рассказа бывшего в 1958—1961 годах секретаря парткома предприятия, где начальником был С. П. Королев, Тумовского Евгения Александровича».

Не будем домысливать, что Сергей Павлович переживал, что испытывал. О том, что все это не давало Королеву покоя, говорит его заявление в Главную Военную Прокуратуру СССР на реабилитацию: «Прошу Главную Военную Прокуратуру пересмотреть мое дело и полностью меня реабилитировать, так как я ни в какой антисоветской организации никогда не состоял и ничего о существовании такой организации не знал и не подозревал.

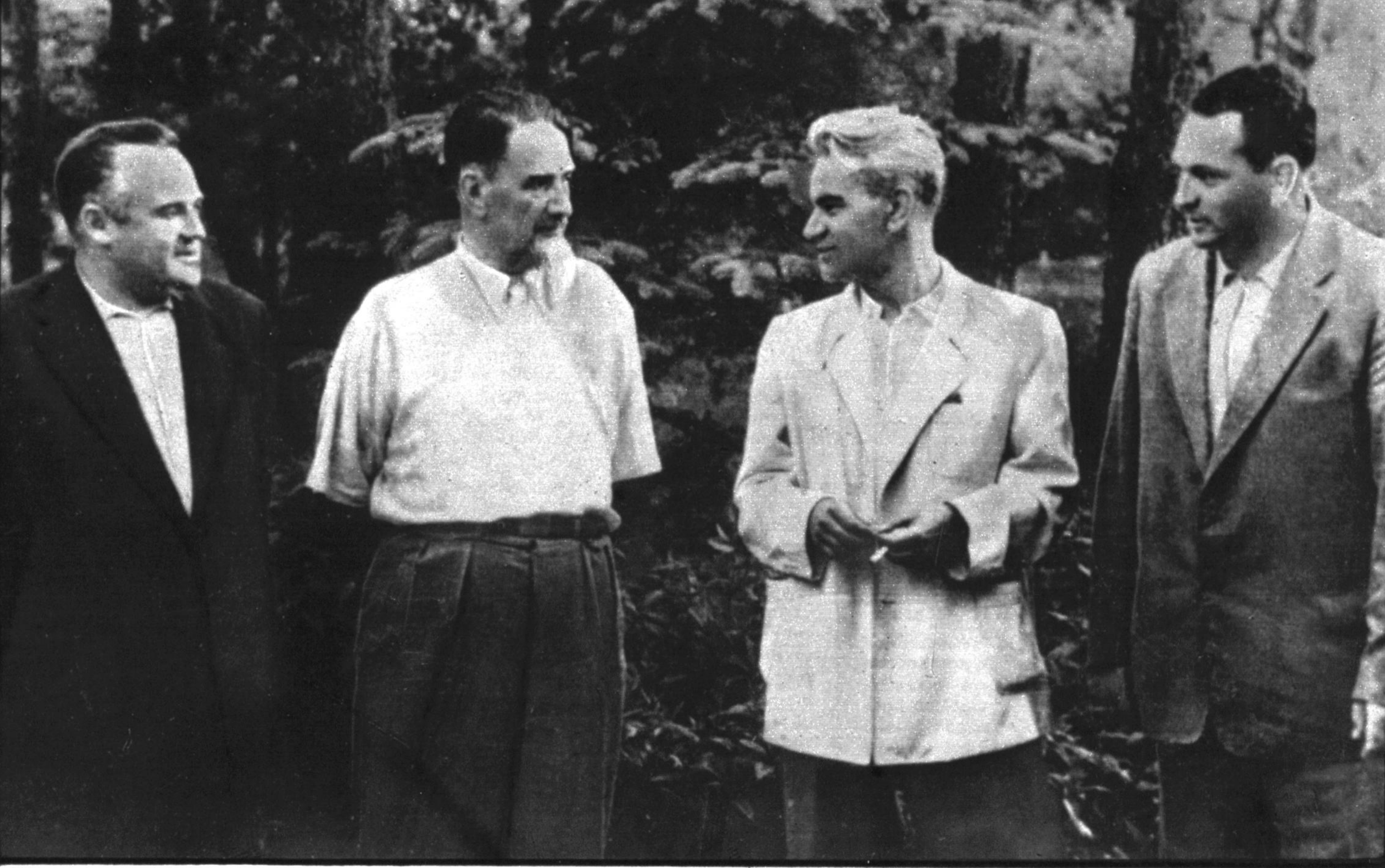
Никаких действий антисоветского характера за И. Т. Клейменовым, Г. Э. Лангемак и В. П. Глушко я не замечал и не знал. Если существуют показания этих лиц, то это, очевидно, результат какого-то огромного недоразумения или вымысла с их стороны...

Еще раз прошу Главную Военную Прокуратуру пересмотреть мое дело и снять с меня пятно осуждения».

Заявление отправлено 30 мая 1955 года (квитанция об отправке до сих пор хранится). В ответ — официальная открытка из Главной Прокуратуры от 1 октября того же года: «Сообщаю, что Ваша жалоба от 30/V—1955 г. поступила в Прокуратуру СССР и находится на рассмотрении. Результат рассмотрения Вам будет сообщен дополнительно».

Прошел год. Сергей Павлович получает уведомление на бланке: «Сообщаю, что поступившая от Вас жалоба Главной Военной Прокуратурой рассмотрена и Ваше дело направлено для рассмотрения в Военную Коллегию Верховного Суда СССР. Откуда Вам и будет сообщено о результатах».

Проходит еще год. Сергей Павлович в экспедиции. Нина Ивановна получает долгожданный документ:

«Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР
25 апреля 1957 г.
№ 4н—018811/56
Москва, ул. Воровского, д. 13

Форма 30

СПРАВКА

Дело по обвинению Королева Сергея Павловича, до ареста 27 июня 1938 г. работавшего старшим инженером группы № 2 в Научно-исследовательском институте № 3 НКОП (Министерство оборонной промышленности), пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 18 апреля 1957 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 10 июля 1940 г. в отношении Королева С. П. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Председательствующий судебного состава Военной Коллегии Верховного Суда СССР полковник юстиции (Цирлинский).

Печать
Военная Коллегия
Верхсуда СССР»

Сразу же сообщает об этом Сергею Павловичу. Вот что он пишет жене в ответ 9 мая 1957 года.

«...Очень меня обрадовало твое сообщение о решении Верхсуда. Наконец-то и это все окончательно закончилось.

Конечно, я здесь невольно многое вспомнил и погоревал, да ты и сама можешь себе представить, как печальна вся эта кошмарная эпопея.

Прошу тебя, в очередном письме напиши мне дословную формулировку из справки Верхсуда.

Прошу тебя снять в нотариальной конторе три-четыре копии этой справки, они мне будут нужны по приезде.

Что они (Верхсуд) говорили о просмотре дела? Они предлагали его просмотреть? Это было бы, вероятно, очень интересно и поучительно к тому же. Напиши и об этом».

Королев знал, кто непосредственно повинен в его аресте, в гибели Клейменова и Лангемака, кто писал доносы. Как же он относился к этим людям, ведь по долгу службы они и впоследствии сталкивались?

— Лучше, если Сергей Павлович по этому поводу скажет сам за себя,— предлагает Нина Ивановна.— Вот его письмо на смерть К.: «Мне позвонили о смерти А. Г. К. (А вчера в газете прочел.) Так судьба развела нас на век, и эта черная строчка навеки зачеркнута. Ну, пусть спит с миром — старое надо забыть и простить...» Это письмо от 12 декабря 1950 года.

А вот о том же из воспоминаний вдовы Клейменова — М. Левицкой-Клейменовой: «В двадцатых числах ноября 1965 года мне довелось беседовать с С. П. Королевым...

В конце нашего разговора я сказала: «Сергей Павлович, мне известно, что и Л. К. К. также писал многочисленные доносы на И. Т. Клейменова, называл его вредителем, стоявшим за спиной Тухачевского и других. При этом Тухачевского называл подонком человечества, сиятельным мерзавцем и прохвостом, мешавшим ему, К. (то есть Л. К. К.— **Ред.**),работать над ракетами. Далее я вспомнила, что виделась с К.,— я и жена Лангемака (которого К. считал человеком с темным политическим прошлым) отвозили ему фотографии Клейменова и Лангемака для помещения их на ВДНХ (по инициативе С. П.), и он нам говорил, что помнит их обоих и всякие хорошие слова в их адрес. «Не могу понять, Сергей Павлович,— сказала я,— зачем вы держите его у себя?» Сергей Павлович ответил так: «Знаю об этом, ну, что вам сказать? Были такие, не он один. Послушайте, голубушка Маргарита Константиновна, плюньте вы на него. Это же дуб настоящий, ничтожество (при этом С. П. выразительно постучал по столу), не стоит вам на него тратить нервы. Никакого значения он у нас не имеет и не имел, потому что к творческой работе не был способен никогда. Для дела он нам, ей-богу, не нужен и в дальнейшем работать не будет. Ему ведь уже 70 лет, инфаркт перенес, ну, просил не выгонять его, дать возможность чем-либо заниматься, вот так. Пишет там свои статьи о ЖРД, пустяки все это. Настоящую работу делают другие...»

Читая у Василия Павловича Мишина эти воспоминания, я лишний раз убеждалась в правоте его слов о том, что история нашей космонавтики пока еще только дожидается своего подлинного летописца. Нужно «представить объективную картину, справедливую», как сказал академик, воздать всем по заслугам. Много имен забытых, много величин дутых.

Попутно встает еще один очень деликатный вопрос — о детях, внуках и родственниках. Видимо, во всех случаях нужно не забывать об охране их достоинства. Правда, пока приходится нередко сталкиваться с другим: когда «высоким именем» родственники и «соратники» размахивают как флагом, получая от этого самые разнообразные дивиденды.

Не может не возникнуть вопрос, как Королев относился к Сталину. Сегодня, когда мы пытаемся осмыслить происхождение культа личности, его последствия, взгляды Королева были бы для нас особенно ценны.

— Сергей Павлович писал Сталину письма с Колымы, и не он один, конечно. Ответов не было. Но вера в Сталина была так сильна, что в его честности и справедливости Сергей Павлович, несмотря ни на что, не усомнился. И только после XX съезда!.. Каким он пришел! Это было огромное потрясение в его жизни. Сразу осознать такое даже невозможно,— вспоминает Нина Ивановна Королева.

...Но вернемся в 45-й год, в Германию. В западной печати встречается мнение, что наши успехи в космонавтике не очень-то «наши», что нам в значительной степени помогли разработки Вернера фон Брауна и его Фау-2. В какой степени это правомерно?

— Ну, фон Браун, его чертежи и готовые «Фау» достались американцам,— рассказывает академик В. П. Мишин.— Нам пришлось восстанавливать чертежи «Фау» с немецкими специалистами среднего инженерного состава по неполному архиву, из которого была изъята вся секретная техническая документация. И тем не менее в этом соревновании с видными немецкими и позднее с американскими учеными мы тогда выиграли: первые ИСЗ и Гагарин — наши. Фон Браун болезненно относился к успехам Королева. В последней своей книжке он вообще не упоминает о достижениях Советского Союза в ракетной технике. Но в то же время у него как у ученого преклонение перед Королевым было. Так что ни один серьезный ученый наших достижений, в первую очередь Королева, конечно, не оспорит. А ведь нам все время сопутствовали внутренние трудности. В конце войны от ракетной техники отбрыкивались кто как мог. Еще бы: статья авиаконструктора Яковлева в «Известиях» (1945 год) о вреде ракетной техники, многие лучшие умы из тех, кто остался в живых, разбросаны по лагерям. Не ровен час, может все снова поменяться, кому охота нарываться? Долго было «перепихивание» в верхах — никто не хотел связываться с «крамольной» темой. Это заслуга Сергея Павловича, что вопрос был решен и мы наконец обрели статус и место.

Герой Социалистического Труда, генерал-лейтенант Г. А. Тюлин добавляет:

— В процессе работы в Германии мы поняли, что, если бы не аресты, мы вышли бы на очень высокий технический уровень еще в конце 30-х годов. В результате репрессий в армии и среди ученых ракетная техника остановилась у нас на пороховых ракетах и не развивалась, пока в верхах не узнали про «Фау». Только тогда Сталин стал проявлять к ракетам интерес. Королева, скажем, не удивили в «Фау» решения конструкторского порядка, научная интуиция подсказывала ему ходы, опережая опытные испытания. (Доказательством тому был тот темп, которым стала развиваться РКТ.) Но размах производственной базы ракетостроения в Германии произвел на него большое впечатление. Он лишний раз убедился, что решение чисто научных задач в области РКТ невозможно без соответствующей опытно-экспериментальной и производственной базы. Он понял, что век одиночек, таких, как, скажем, Можайский, Жуковский, прошел, и стал осваивать новые принципы научной организации ракетостроения.

Такого же мнения о приоритете нашей ракетной техники был и сам С. П. Королев. Процитирую снова его заявление на реабилитацию: «Мне пришлось участвовать в самых первых в СССР работах в этой области, а затем в 1937—1938 годах после моего ареста все это было прервано на несколько лет, и лишь с 1943 года я снова мог работать по своей специальности. Нельзя не отметить, что за последние 10—12 лет ходом своего развития советской, а также мировой техники и промышленности были полностью подтверждены все те основные положительные основы, которые были заложены более 20 лет назад в СССР в самом начале развития новой техники».

Если судить по газетам прошлых лет да телевидению, вся космическая эпопея представляется единым победным маршем. В значительной степени этому способствуют и биографы, утверждающие стиль «от триумфа к триумфу». И как через все это трудно прорваться к реальному человеку, к его мыслям, сомнениям, поискам и заблуждениям! Тут не досужее любопытство, но справедливое желание увидеть подлинное биение жизни, чтобы зарядиться энергией от человека самой высокой пробы, чтобы укрепиться в своих собственных мыслях.

На мой взгляд, лучше всего рассказывают о Королеве его письма жене.

«15/VI—57 г.

Спасибо, тысячу раз большое тебе спасибо, мой верный и дорогой друг, за твои слова участия и поддержки.

Конечно, я и сам понимал и понимаю, что нельзя было рассчитывать на легкую дорогу, и мы и не рассчитывали, но все же пока все идет очень уж трудно.

Правда, и задача небывалая еще во всей истории нашей техники, да, пожалуй, и вообще техники.

Сегодня меня взяло некоторое сомнение о том, как же, родная, тебе, наверное, тяжело переживать все мои такие тяжелые письма! Видно, я об этом не подумал, и мне, конечно, очень важно с тобой поделиться, ведь мне так откровенно на эти темы ни с кем делиться нельзя, но тебе ведь это вдвойне тяжело, раз ты вдалеке от событий и лишь их отголоски в моих письмах до тебя доходят.

Еще больше, еще крепче люблю тебя за это и еще и еще благодарю.

Вчера у меня в домике собрались все наши «ГК»... и все после длительного и «злого» совещания сидели, опустив головы. Тогда я достал «заиньку» [1]*, и, надо сказать, эффект был неописуемый!*

Ведь здесь абсолютно ничего нет. Все очень активно начали заниматься этим приятным делом. Было общее пожелание послать тебе благодарственную ВЧ-грамму, и я выполняю волю товарищей — передаю тебе их привет и благодарность.

Ну, а сегодня тоже было у меня сборище и пиво с воблой (!!!).

Одним словом, нет возможности передать наш общий восторг и благодарность».

«12/X/—48 г.

...Мне хочется, чтобы ты была сильной и стойкой в жизни. Знай, что и я стараюсь быть таким, и прежде всего для тебя.

Как ни тяжела наша разлука, но она нужна во имя большого дела для нашей Родины, и мы должны быть стойкими».

«1/II—47 г.

...всей душой рвусь и тянусь к Москве, хотя сейчас на скорый возврат надежды слабые, и это меня крайне огорчает, так как в конце концов ведь всего в своей жизни не переделаешь, а дни уходят за днями и уносят за собой золотые годы. Я, может быть, поздно понял и почувствовал радость жизни — тем более хочется скорее к ней вернуться, но, увы, приходится лишь иногда собрать всю выдержку, чтобы дальше здесь жить, работать и ждать».

«18/III—53 г.

...Мне так трудно стало жить и работать: сил мало, чувствую, что устал и издергался до последнего предела.

...Но огромное, как снежная гора, наше дело тащит все дальше и дальше и нельзя сейчас отходить в сторону. Это все нужно нашей Родине и народу».

«29/II—53 г.

...Я даже вспомнил свое пребывание на Чукотке — как ты знаешь, это довольно грустные воспоминания».

«30/III—64 г.

...Дела наши печальные весьма! Две неудачи, одна за другой (сперва Л., а потом В.), и в обоих случаях все же больше недосмотр, ошибки...

Правда, как говорится, мы все умные «после», и, может быть, не все и не всегда можно было предугадать и оценить раньше. Но это не меняет в общем и целом итогов и, следовательно, нашего общего современного уровня.

Плохо, как никогда!

Буду сегодня докладывать Н. С.[2] *— что-то он скажет, да верно и поделом нам!*

Мы здесь все, конечно, и все время весьма плотно работаем, а главное, нет морального отдыха или даже покоя, все в голове одни и те же мысли, все собрано к одной цели. Будем через пару дней пробовать снова свои силы в борьбе с великими тайнами всемогущей Природы. Что ждет нас?»

«15/IX—64 г.

...Дела наши нелегкие, поначалу были одни неприятности, и отказы. Плохо, что в большинстве случаев никаких «проблем» нет, а просто грубый недосмотр, небрежность...»

«25/IX—64 г.

...Эти дни для меня были как в каком-то угаре. По сути дела, вся наша работа за последние годы подвергалась проверке, так сказать, действием и при этом не только нашей фирмы, но и других. По счастью, все прошло отлично, и у меня настроение по этой части самое хорошее...»

«7/III—65 г.

...Мы стараемся все делать не торопясь, основательно. Наш главный девиз — беречь людей. Дай-то нам бог сил и умения достигать этого всегда, что, впрочем, противно закону познания жизни. И все же я верю в лучшее, хотя все мои усилия и мой разум и опыт направлены на то, чтобы предупредить, предугадать как раз то худшее,

[1] Нина Ивановна прислала шоколадный вафельный торт «с зайцем».

[2] Н. С.— Никита Сергеевич Хрущев.

что подстерегает нас на каждом шагу в неизведанное».

«27/II—65 г.

...Вот уже как 2 недели, что я здесь. Время летит, как в сверхзвуковой трубе, и оглянуться не успеешь.

...Но вот ежедневно с утра до ночи, буквально не приседая, занимаюсь текущими делами и ни чем более. А дела идут не совсем по плану: наш «пробный» всей своей задачи не выполнил, так как из-за ошибки (самой грубой и неожиданной) одного из операторов на далекой точке программа была прервана и сам «пробный» ликвидирован. Что теперь делать дальше? Что можно считать достоверно полученным и что, безусловно, нужно еще получить и каким образом? Где граница желаемого и необходимого, без чего нельзя?

Ты, конечно, понимаешь, как все это трудно определить. Мне и сейчас не все ясно, но, видимо, наша основная задача и программа будут выполняться теперь уже во второй половине марта.

А до этого будем вести всяческие дополнительные работы и исследования, чтобы как-то компенсировать наши незнания и получить данные по вопросам, которые оказались нерешенными на «пробном».

Тут еще вклинилась работа по попытке мягкой посадки на Л.— это наша старая тема, как ты знаешь, она долго была отложена, а тут в марте (именно сейчас?!) самое удобное время сработать.

Я не думаю, чтобы получилось что-то хорошее, но начальство и мои все товарищи настаивают на том, чтобы эта работа тоже шла. Я, правда, ей совсем не занимаюсь, но, видимо, сейчас тоже придется, так что работы хватает».

В. П. Мишин: «Жизнь настоящего ученого всегда драматична. Здесь и драматизм самого процесса познания — с заблуждениями, озарениями, годами бесполезного труда, и противоречия между личностью, обгоняющей время, и окружением. Все это несет в себе ученый всегда, такова его участь. Но, к сожалению, жизнь Королева осложняли и причины ненаучного характера, другие — внешние — обстоятельства. Сказать о них нужно не только для того, чтобы представить Королева в реальном историческом контексте, но и думая о будущем науки.

Как это ни удивительно, Королеву легче было начинать тогда, когда он был один на один с государственным заданием. Вот тогда Королев был Королевым. А когда он путь в космос проложил и дело это стало перспективным и весьма престижным, тогда в космонавтике появились многие, чьи интересы были далеки от науки,— карьера, честолюбие... (Я ни в коем случае не хочу бросить тень на всех!)

Вам не приходилось слышать версию, что-де Королев был только талантливым организатором? То есть другие были светилами, а он «талантливо организовывал». Многие из тех, кто так говорил, сами рвали его идеи, разработки готовые, кто как мог... Вы бы видели, как люди, которые и способны лишь были «сопутствующие товары» на королевскую программу поставлять, стали потихоньку себе присваивать его заслуги. Примеры? Далеко ходить не надо: кто видел экспозицию в павильоне космонавтики на ВДНХ в середине 70-х годов, тот помнит, чья фотография висела на первом месте и где — портрет Королева.

Да и само имя Королева впервые появилось в печати, к сожалению, только в некрологе. По непонятным причинам его имя в нашей стране было строго засекречено, хотя вся (!) заграница прекрасно знала, кто у нас Главный конструктор. То, что его обнародовали, то, что он получил такое признание, до сих пор не дает кое-кому покоя, им бы хотелось и сейчас его имя и плоды его работы замалчивать.

Сергею Павловичу трудно было работать в последние годы. Зато люди, в науке недалекие, карьеристы чувствовали себя уверенно в условиях разрастающегося влияния бюрократов. Становилось, в частности, нормой не выслушивать компетентное мнение специалиста, а администрировать. Окрик чиновника стал выше мнения ученого.

Я вел записи о том времени, не надеясь на память, очень подробно. Все забывается, а если мы хотим приобрести опыт, то должны обращаться к объективным фактам. Вот читаю вам одну страницу.

Она относится к самому началу 1966 года, когда Сергей Павлович лег в больницу на «ерундовую», как он сказал, операцию (вы знаете, чем она кончилась...):

«Во время его пребывания в больнице я исполнял его обязанности... Дня через два была созвана коллегия недавно организованного министерства, в которое вошла и наша организация. Очевидно, по недоразумению, а может, специально, «на ковер» для выслушивания критики в адрес нашего ОКБ-1 был вызван не я, а другой заместитель Королева. Тот более часа стоял перед новым министром, выслушивая его мнение о неудовлетворительной работе ОКБ-1 и его руководителей. Выходя из зала коллегии, я неосмотрительно громко сказал: «Нужно быть долдоном, чтобы, не разобравшись в существе сложных технических вопросов, которые решает ОКБ-1, рубить сплеча и охаивать Главного конструктора за глаза».

Возмущенный этим инцидентом, сразу после коллегии решил написать рапорт об освобождении меня от работы, чего за почти 20-летнюю деятельность в области ракетно-космической техники мне еще ни разу не приходилось делать. Мотивировал я это тем, что с таким министром, не знающим существа новой техники и к тому же грубияном, работать будет невозможно.

Вечером мне на работу позвонил Королев, спросил, чем я занимаюсь, как прошло заседание коллегии. Рассказав ему обо всем, сообщил, что сейчас пишу рапорт с просьбой о моем освобождении. На это Королев в резкой (как он умел) форме заявил: «Ты порви этот рапорт и выброси в корзину. Они только и ждут, чтобы мы написали подобные рапорты. Министры приходили и уходили, а мы оставались, так как за нами сила — сплоченный коллектив, успешно делающий свою работу, нужную нашей партии, нашей стране. Вот я выйду из больницы — мы еще разберемся, кто прав, а кто виноват».

Мы чувствовали, что кое-кому хотелось, чтобы во главе нашего научно-исследовательского подразделения стоял не ученый-мыслитель, а послушный исполнитель, готовый беспрекословно подчиняться. Со стороны Королева такие попытки встречали серьезное и обоснованное возражение.

Та недооценка науки, принижение роли ученого и как следствие этого снижение уровня исследовательской деятельности, научных результатов и разработок во многих областях, о чем теперь широко говорится, уходят корнями вот в эти времена. Королев предвидел беду и тяжело переживал».

Нина Ивановна вспоминает:

— В последний год Сергей Павлович приходил домой усталый, расстроенный. Бывало, прямо с порога говорил: «Нина, я не могу больше так работать, я уйду, я уйду».

— Куда ты, Сережа, уйдешь? Не уйдешь ты ни от чертежей, ни от металла, ни от людей.

Однажды говорит:

— Все-таки давай немножко откладывать, хотя бы по 50 рублей в получку.

— Я могу и сто, но ведь у нас не удержится.

— Но все-таки надо.

Где-то приобрел (я еще удивилась) положение о пенсиях. Значит, серьезно думал.

Оглядываясь на наш космический путь, давайте зададимся вопросом: в какой степени достижения и победы зависели лично от С. П. Королева?

Г. А. Тюлин: «На мой взгляд, вклад Королева в науку так огромен, что до конца еще недооценен. И успехи наши еще и сейчас от него зависят: кое-какие его разработки настолько в свое время определили общий уровень мировой науки, что и до сих пор представляют научную ценность, то есть никто в мире до сих пор не ответил на вопросы, которые уже тогда были решены Королевым. И потому секретность с его работ не снята.

А вообще судите сами. Возьмем два отрезка времени в развитии нашей космонавтики: двадцать лет с Королевым и двадцать без него — и посмотрим, что было сделано. 1947 год — опытные пуски восстановленных «Фау-2». 1957 год — первый спутник космической эры. А в промежутке — один только Королев создал Р-1, Р-2, «пятерка», затем «пятерка» с атомной головкой, ПС (простейший спутник). После ИСЗ — еще интенсивнее: сначала собачки наши Белка и Стрелка, дальше — тяжелые спутники. И вот — первый человек в космосе, а скоро — Леонов в открытый космос выходит... В последующее десятилетие уже без Сергея Павловича продолжали реализовываться его же идеи, космические корабли «Союз», облет Луны («Зонд 5-8»), первые боевые ракетные комплексы с РДТТ, долговременная орбитальная станция «Салют»...

Все, кто с Королевым работал, не смогут не признать, что он обладал огромной силой предвидения. Простейшие спутники мы начали разрабатывать в 51-м, а у Королева идея полета человека в космос уже была».

И в заключение еще об одной легенде, очень прочно вошедшей в мемуарный обиход,— «встреча Королева с Циолковским в Калуге». Пожалуй, это единственный случай, когда биографы не виноваты.

Нина Ивановна вспоминает:

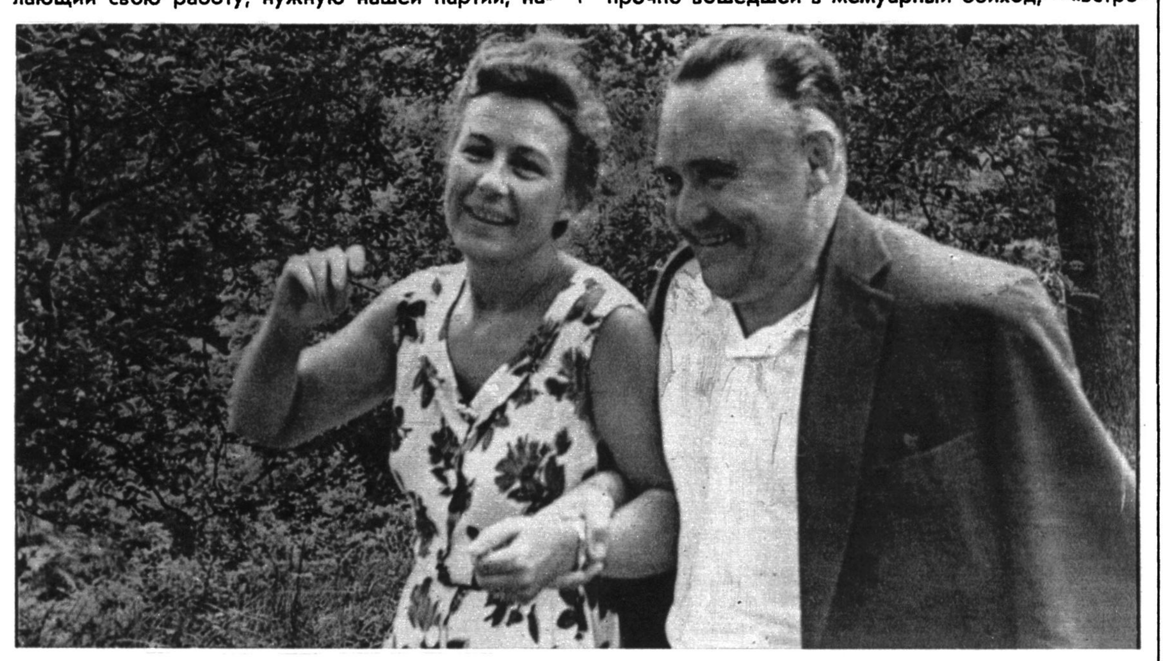
— Незадолго до ухода в больницу, когда уже было точно определено, что ему предстоит операция, Сергей Павлович однажды сказал: «Я должен тебе признаться, Нина, я как-то плохо помню старика Циолковского». «Сережа, ну зачем же ты говорил неправду?!» «Я фантазировал». С грустью какой-то сказал.

Версия, что он встречался с К. Э. Циолковским, появилась после того, как его с таким трудом принимали кандидатом в члены партии. Еще в 1952 году, в феврале, в автобиографии, правленной рукой Королева, написано: «В 1929 году после знакомства с работами К. Э. Циолковского начал заниматься специальной техникой...» А чуть позже в другой автобиографии и в заявлении на реабилитацию он вдруг указывает на знакомство, встречу в 1929 году с самим Циолковским.

В 1957 году мы были с Сережей на закладке памятника Циолковскому в Калуге, посетили и мемориальный дом-музей. Сергей Павлович смотрел на все в доме глазами человека, попавшего сюда впервые. А ведь какой был повод поделиться, вспомнить «свой первый приезд»!

Я думаю, что случайная фантазия Сергея Павловича, вызванная определенными обстоятельствами, была широко подхвачена, это его стало беспокоить, и он решил мне признаться.

Нет, настоящий Королев в легендах не нуждается, его подлинная жизнь ярче любой легенды.

Сергей Павлович и Нина Ивановна Королевы на отдыхе в Сочи. 1961 год.

Фото А. Сергеева

Как вы думаете, что делает обычный человек, если ему плохо отремонтировали автомобиль? Правильно, пишет жалобу. А если в том же положении оказалось иностранное посольство? Оно... направляет ноту. Что еще остается делать! Посудите сами: в Москве множество посольств, дипломаты разъезжают на машинах — как правило, иностранных марок. Иногда — точнее сказать, изредка — эти машины все же ломаются. И вот для тех случаев, когда требуют починки автомобили шведской фирмы «Вольво», на московском техцентре «Кунцево» был создан небольшой, из двенадцати работников, цех по ремонту машин этой марки. Все проблемы, казалось бы, решены: мы чиним, они платят. Так — да не так, если на свет появляется вот такой документ:

«Генеральному директору «Мосавтотехобслуживание» тов. Копылову Е. С. Имею честь засвидетельствовать Вам свое уважение и довести до Вашего сведения следующее. В нашей ноте от 6 октября с. г. мы выразили свое недовольство г-ну Шапатаву Т. А., директору станции «Вольво-сервис», по поводу обслуживания машин Посольства. Вместо того, чтобы рассмотреть, как мы ожидали, жалобу, г-н Шапатава сообщил по телефону, что это — наша проблема, и позволил себе угрожать сделать все возможное, чтобы в будущем не принимать на обслуживание автомашины Посольства... Кроме того, он встал на позицию, не ведущую к урегулированию проблемы, и отказался сообщить, какому учреждению он подчиняется...» Подпись — Временный Поверенный.

Мы сознательно не называем африканское государство, чья гербовая печать скрепила эти строки: не хотим усугублять ту бестактность, которую уже позволил сам по себе представляющий нашу страну вышеупомянутый «г-н» от автосервиса. Достаточно того, что бравые кунцевские авторемонтники заставили иностранных дипломатов ходить пешком, рассылать ноты, не имеющие никакого отношения к международному сотрудничеству, да еще вести по телефону беседы с уже дважды упомянутым «г-ном», который не только пополнил лексикон вежливых африканцев малоупотребительными в дипломатической сфере выражениями, но и предложил Временному Поверенному прибыть с деловым визитом к нему, в кунцевскую резиденцию при цехе... Как и следовало ожидать, визит не состоялся: быть может, дипломаты усомнились в детальном знании Шапатавой тонкостей международного протокола. Иначе он не позволил бы себе заявить в разговоре по телефону, что секретарь посольства «...печатает себе на машинке — и пусть печатает». Как говорится, конец цитаты.

Пора рассказать о причинах инцидента, не то самые нервные из читателей бросятся сушить сухари в ожидании военных действий... Нет-нет, конфликт носил локальный характер. В начале октября советский шофер Г. А. Карев, обслуживающий посольство, пригнал в очередной раз «Вольво» в Кунцево с заданием заменить на машине износившиеся детали. Цех «Вольво» заявку частично выполнил, но коечто из замененного оборудования механик вернуть не пожелал — видимо, решил оставить у себя на память. Шофер Карев оказался не столь сентиментальным человеком и предупредил механика, что забывчивость при расчете с иностранной миссией неуместна. Это, видимо, сильно не понравилось, потому что в следующий свой приезд шофер Карев натолкнулся в Кунцеве на непреодолимые препятствия. Просил заменить разбитый фонарь на машине, по телефону ему говорили из цеха, что фонари есть, а приехал — фонарей нет. Просил заменить амортизатор — сказали, что таковых нет, потом поправились: есть амортизатор, но менять не будем — катайтесь на старом, не капризничайте! Надо заметить, что шофер Карев все эти заявки не сам придумывал, а действовал строго по инструкциям, полученным в посольстве. Вообще желание клиента — закон для службы сервиса, такой порядок принят не только в Африке, но, говорят, и у нас тоже. Впрочем, в отношении автосервиса такие слухи не подтверждаются.

Дальше события разрастались в классических традициях международного конфликта. Ноты протеста с одной стороны, гордая поза оскорбленных в лучших порывах спецов авторемонта — с другой стороны, апелляции к верхам, скрытые угрозы — и, наконец, не сдержав темперамента, начальник цеха Тамаз Амиранович Шапатава переходит к конкретным действиям и задерживает на своей территории посольский «Вольво» как приз в справедливой борьбе: не отдам машину, пока не пришлете другого шофера вместо неугодного Карева!

Борис СМИРНОВ

«ВОЛЬВО» ПОД АРЕСТОМ

Посольство тоже не пожелало терять достоинства и справедливо заявило, что только оно, и никто другой, может назначать своих сотрудников для выполнения тех или иных заданий. Короче говоря, элегантный седан «Вольво» простоял, как кунцевский заложник, две недели и вернулся к законным владельцам лишь после того, как конфликт поднялся до уровня заместителя министра иностранных дел СССР... Кстати, в эту инстанцию обратилось не посольство, не генеральный директор московского автосервиса, а непосредственно все тот же несгибаемый начальник цеха в двенадцать человек.

Итак, все кончено? «Вольво» с отвоеванным амортизатором стоит в своем гараже, посольству принесены извинения, а ретивый начальник цеха завоевал не признание масс, а выговор. Только не хочется на этом ставить точку, потому что конфликт возник не на пустом месте. «Огонек» уже не раз писал о ненавязчивом московском автосервисе, пытаясь найти причины так называемых негативных явлений, которые, отбросив парламентские выражения, надо назвать просто хамством, обманом, беззастенчивым жульничеством. Это всем давно известно, а история с «Вольво» дает лишний штрих: и на обычных, и на «валютных» участках здесь царят одни и те же нравы.

Пишутся разгромные статьи, говорятся строгие слова, а дело к лучшему не меняется. Словно чьи-то заботливые ладони укрывают эту службу, и ветер перемен доносится сюда лишь слабым колыханием. Вот и в нашем случае: думаете, случайно кунцевский «политик» отделался лишь выговором? Ведь в те же дни, что «Вольво» томилась под самодеятельным арестом, в «Мосавтотехобслуживании» было обнародовано дело о «систематическом искажении отчетных данных», иначе говоря — о приписках на 125,8 тысячи рублей. Виновные названы и получили... тоже по выговору. Без «строгача» и без «занесения». Не верите? А зря...

КИЕВСКИЙ «ВЗГЛЯД»

В Киеве за последнее время прошли выставки непривычные, будоражащие воображение, рождающие дискуссии, споры. Одна из таких называлась «Взгляд». Экспонировались станковые работы киевских монументалистов.

Работа в архитектуре, «на стене» — к тому же нередко «без страховки» — сопряжена с немалым риском. Случилась у нас беда — авария на Чернобыльской АЭС — и художники устремились туда, «на передовую». Длительное время работали «в зоне», делая зарисовки с натуры, Д. Нагурный и Ю. Левченко, выезжал туда В. Григоров, два месяца отслужил в районе Чернобыля как военнослужащий П. Пластара.

Выставка, о которой идет речь, прежде всего рождала ощущение молодости (хотя экспонировались на ней и признанные, известные мастера) и — необычайного разнообразия. Я бы выделила здесь несколько направлений.

К первому относятся художники, демонстрирующие добротную «школу». Другую группу составляют те, что ищут тональность своего времени, так сказать, в истории мирового искусства. Наиболее притягательны для них мастера итальянского Возрождения, крупнейшие представители искусства нового времени — Пикассо, Фернан Леже, Вазарелли. Поиски этих мастеров в той или иной степени развиваются и украинскими монументалистами. Думается, что каждому художнику важно так или иначе приобщиться к иным культурам, познать их, пропустить «через себя».

Но есть и группа киевских монументалистов, последовательно и, можно сказать, программно опирающихся на почву народных традиций.

И, наконец, на выставке были работы, которые я бы определила как фантастические живописные аллегории. Сосуществовали все эти — условно определяемые мною — направления по принципу взаимодополнения.

Многие художники продемонстрировали здесь также свой универсализм, столь необходимый при работе в архитектуре. Л. Красюк показала живопись, керамику, гобелены, В. Прядка — графику и керамику, Н. Малышко — живопись и островыразительную пластику, выполненную в дереве. Живописный раздел выставки органично переходил в графический, великолепны были «заставки», выстроенные из пластических работ.

Сложная и богатая ритмика буквально пронизывает работы И. Марчука. Каждый талант, несомненно, есть проявление творческой силы самой Природы. Она как бы наделяет художника внутренним видением. «Цветы» Марчука говорят о глубоком и естественном родстве человека с природой, с мирозданием в целом. В самом строе его полотен ощутимо некое «космическое начало». Как бы по контрасту А. Дубовик создает свои конструктивно-живописные аллегории. Художник «конструирует» образы-идеи, сопоставляет локальные цвета удивительной светосилы, «ломает» формы. Все представленные на выставке работы — это не эскизы, не подготовка к работе «на стене», а станковые полотна, картины.

Космическое начало, столь ощутимое в образно-пластическом строе современного искусства в целом, предстает перед нами и в творчестве Е. Петренко. Его живописная аллегория таинственно-влекуща, построена на противопоставлении «тяжести» и «невесомости», «наполненности» и «пустот».

Думается, что сегодня мы имеем дело с явлением, родственным тому, когда фантазия неистового «солнцелова» В. Хлебникова рождала в 20-е годы «вещи-идеи». Сегодня, как мне видится, рождаются — в творчестве Дубовика, Петренко, Левченко (особенно в его полотне «За чертой») — своеобразные «картины-идеи», к восприятию и эстетической оценке которых мы еще недостаточно готовы.

И. С. МАРЧУК.
Род. 1936.
ЦВЕТУЩАЯ ПЛАНЕТА.
1986.

В. Ф. ЗАДОРОЖНЫЙ.
Род. 1921.
ПОРТРЕТ
ЮРИЯ КОНДРАТЮКА.
1975.

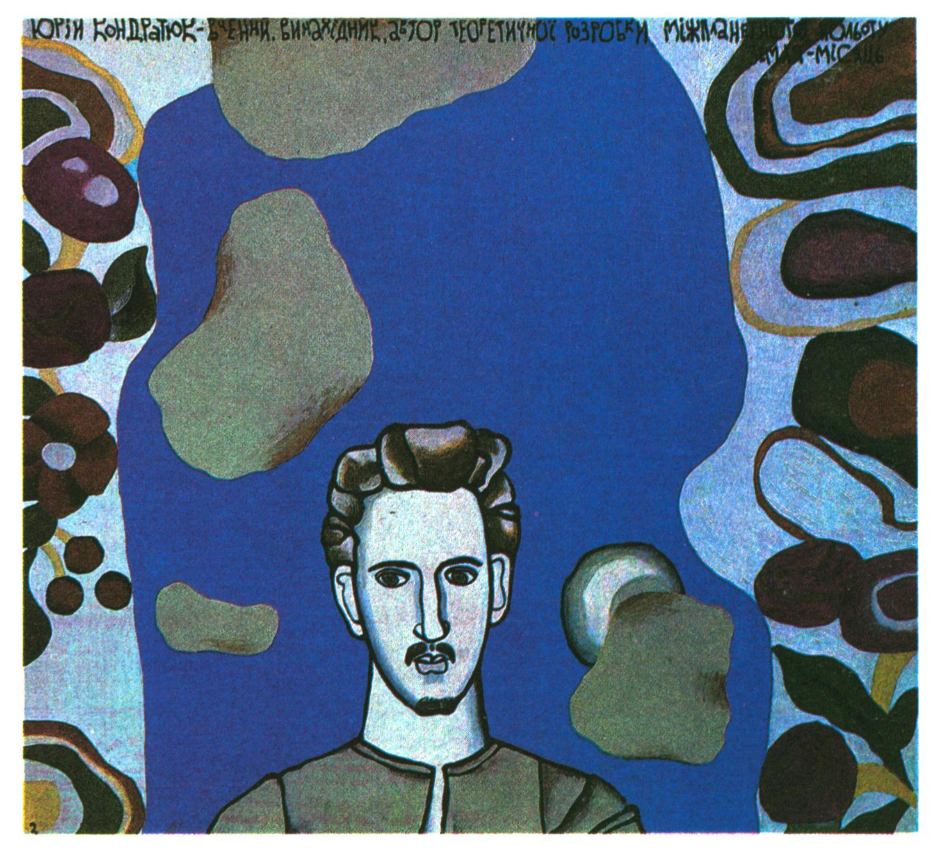
Манера письма, творческий почерк художников очень разнообразны. Э. Котков экспонировал и коллаж, и удивительно гармоничную, отточенную, выверенную композицию «Муза». В. Пасивенко в своих полотнах обнажает пронзительную тоску по детству, по «нетронутой» природе, по чистоте и возвышенности человеческих чувств. Композиции В. Григорова, сдержанные по цвету — с преобладанием белых, черных, голубых тонов,— проникнуты поэтическими ритмами, а поэзия, как известно,— это «езда в незнаемое», и это незнаемое, постигаемое интуитивно, привлекает в его работах.

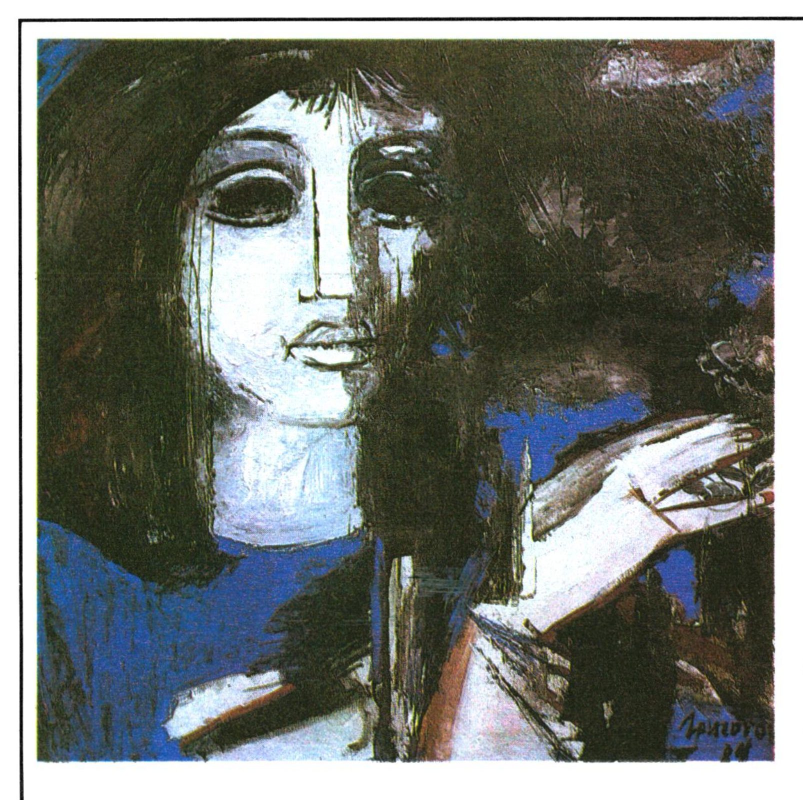
Четкая конструктивность и одновременно искренний лиризм проявляются в творчестве Д. Нагурного. Художник представляет героев своих полотен — подлинных героев Чернобыля. Он лепит форму мощно и свободно, стилистика работ художника такова, что они видятся, угадываются в большом архитектурном пространстве. Самобытны, легко узнаваемы полотна В. Задорожного. Настойчиво изучая народное искусство, он выработал свой, ни на кого не похожий почерк.

Из тех, кто пришел на выставку с одной, двумя, тремя работами, хотелось бы отметить очень многих. «Лица необщим выраженьем» привлекает А. Гайдамака — сплав «натурстиля» и неуемной фантазии, Л. Мищенко — высокая живописная культура и — всегда философский подтекст, особенно ощутимый в ее «Равновесии». Н. Шкарапута — тип художника-аналитика, который «выверяет» свои композиции так, что уж поистине ни прибавить, ни убавить...

Выставка вызвала большой интерес зрителей. Было здесь и вечное «нравится — не нравится», но было и главное — стремление понять.

Нина ВЕЛИГОЦКАЯ

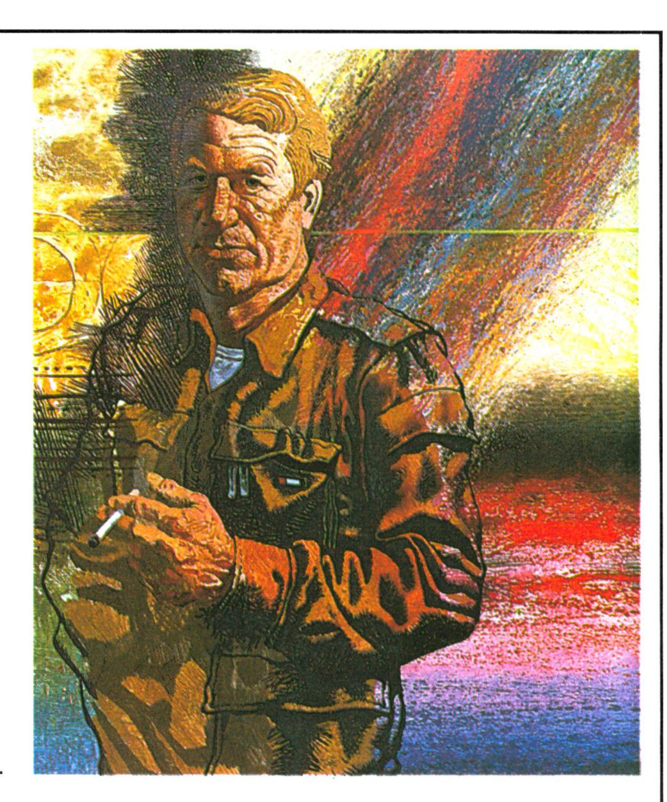

КИЕВСКИЙ «ВЗГЛЯД»

В. Ф. ГРИГОРОВ.
Род. 1939.
РАЗМЫШЛЕНИЯ. 1984.

Д. В. НАГУРНЫЙ.
Род. 1946.
ПОРТРЕТ ПОДПОЛКОВНИКА ИГОРЯ ГУРКОВСКОГО. 1986.

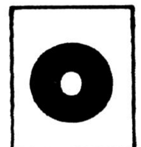
В. И. ПАСИВЕНКО.
Род. 1939.
ЛУГ ВОСПОМИНАНИЙ И НАДЕЖД. 1979—1980.

Эльдар РЯЗАНОВ

ВИД С ВЕРХНЕГО ЭТАЖА

Осенью 1972 года мы с Эмилем Брагинским сочиняли сценарий фильма «Невероятные приключения итальянцев в России». Для того, чтобы работать поплотней, решили поехать на сентябрь в Дубулты, где на берегу Рижского залива находится Дом творчества, своеобразная резервация для писателей. Брагинский похлопотал в Союзе писателей, чтобы мне продали путевку. Сентябрь в Прибалтике уже не сезон, и сложностей с путевкой никаких не случилось. Заезд начинался, как сейчас помню, 1 сентября. У меня же скопились кое-какие дела, и я мог приехать только седьмого. Было обидно, что пропадет неделя, но что поделаешь! На всякий случай, чтобы не возникло никаких недоразумений и чтобы администрация дома знала, что я обязательно приеду, загодя послал телеграмму. Текст телеграммы гласил: задержусь на неделю и прошу, чтобы к седьмому сентября меня ждала положенная мне комната. Телеграмма была очень вежливая и кончалась всякими словами насчет уважения. Но я тогда еще не подозревал, куда еду.

В этом девятиэтажном писательском доме сложились довольно странные обычаи. По неписаным местным законам, комнаты распределялись в доме по этажам в зависимости от положения и должности писателя. Процесс раздачи комнат по этажам происходил не в Москве, где выдавались путевки, а на месте, в самом доме, по решению его директора. Надо сказать, что все апартаменты были совершенно одинаковы. Они были обставлены равноценной мебелью. На окнах висели стандартные шторы двух-трех расцветок. Одним словом, разницы между комнатами не было практически никакой. Но так могло показаться только непосвященному! Неписаная традиция, которая соблюдалась свято, гласила: чем выше авторитет, тем выше живет писатель. Но как измерить, кто из писателей лучше? На каких весах взвешивать их талант? Как разобраться в этой запутанной иерархии? Оказывается, очень просто, и талант в этом случае не имел никакого значения. У нас о писателе судили не по книгам, а по должности, по наградам, по званиям. И тогда все становилось ясно. Так, 9-й и 8-й этажи предназначались для Героев Социалистического Труда, лауреатов Ленинской премии, секретарей Союза и главных редакторов толстых журналов. На 7-й и 6-й этажи могли претендовать лауреаты Государственных премий, члены правления Союза писателей или Литфонда.

На 5-м и 4-м этажах селились средние писательские массы. Те, которых иногда тоже издавали, печатали, снимали, ставили. Среди них попадались влиятельные литературоведы, заведующие редакциями издательств и отделами толстых журналов.

На 3-м этаже, как правило, жили совсем непрестижные, не могущие принести никакой пользы, кроме разве что литературе, сочинители, а также гости, то есть люди, попавшие сюда по обмену путевок или в силу собственной значительности в других сферах жизни.

Что касается писателей, обитающих на втором этаже, то о них как-то даже неудобно упоминать. Поселение тебя на втором этаже практически означало, что ты никто.

На первом этаже жилых помещений не было, там находились вестибюль, столовая, врачебные кабинеты и, конечно, кабинет директора.

— Не бывает, чтобы подобная служебная лестница выросла просто так, на пустом месте!— воскликнет недоверчивый читатель.— Должна же быть какая-нибудь причина!

Попытаюсь объяснить, как возникло, что понятия престижности и этажности совпали в этом заведении. Дом расположен на узком перешейке, в том месте, где река Лиелупе наиболее близко подходит к Рижскому заливу. Так вот, с верхних этажей здания открывается роскошный вид на море и на реку одновременно. Поскольку дом находится среди высоких сосен, то до седьмого этажа окна закрывали верхушки деревьев. И чем ниже, тем пейзаж становился менее привлекательным.

Так что вся субординация возникла из одной-единственной привилегии: кто имеет право, кому положено любоваться привлекательным пейзажем. Но за этим, казалось бы, пустяком вставало нечто очень важное: как тебя ценит общество, какой табели о рангах ты соответствуешь?

Боже, какие душераздирающие сцены, несмотря на их внешнюю респектабельность, разыгрывались каждый день в двух лифтах этого замечательного дома! Какая-нибудь жена значительного писателя, входя в лифт, бросит эдак небрежно:

— Девятый этаж, пожалуйста!

А другая жена, смущаясь и робея, бормочет:

— Мне на четвертый!

И нажимает кнопку лифта с таким видом, будто одета в драную юбку и кофту, заштопанную на локтях. Пропасть между высотницами и трехэтажницами была колоссальна. Трехэтажницы между собой поносили на чем свет стоит спесь и чванливость вышеживущих. А те молча несли свой гордый крест одиночества... И откуда только все это появилось в государстве рабочих и крестьян?

Читатель, небось, уже думает, что все это я расписываю так, потому что меня поселили на втором этаже и я свожу счеты! Терпение!

Итак, я приехал с недельным опозданием, но ни о чем не беспокоился — я ведь предупредил телеграммой. Меня встретила сестра-хозяйка, и, извиняясь, сказала:

— Знаете, сейчас нет свободных комнат. Вам несколько дней, пока что-нибудь не освободится, придется пожить в холле!

— Как в холле? Я же дал телеграмму, я сообщил...

— Да-да. Телеграмму вашу мы получили. Но свободного номера нет. А в холле вам даже очень понравится. Он просторный. Потом там телевизор...

— Но туда же все будут входить и выходить, когда им заблагорассудится...

— Что вы, холл закрывается. Вас никто не будет беспокоить...

Мы с сестрой-хозяйкой поднялись на лифте на шестой этаж. Она распахнула дверь холла, который из-за обилия писателей, желающих попасть в Дом творчества, превратили в жилую комнату. Видно, случилось это недавно, может быть, я был одним из первых «подопытных кроликов». Помещение было странное. Площадь его приближалась к пятидесяти квадратным метрам с гигантским, во всю стену, от пола до потолка, окном. В холле, как водится, стоял рояль, на тумбочке — телевизор. Диван был превращен в койку и застелен.

— А где же тут умывальник и вообще...— ошарашенно спросил я.

— Вот вам ключ.— Сестра-хозяйка вышла в коридор и отперла дверь недалеко от холла.— Это будет ваш персональный туалет. Кроме вас, им никто пользоваться не будет. Здесь есть и умывальник.

Я заглянул в каморку, где действительно все это было. Архитектор, запланировав санузел в коридоре, явно заботился об обслуживающем персонале, так как в каждой жилой комнате были все удобства.

— Да, но я же дал телеграмму,— безнадежным голосом пробубнил я.

— Это всего на несколько дней,— развела руками сестра-хозяйка.

И я покорился. Я здесь был гостем. И, несмотря на то, что у меня была законная путевка, я не стал «качать права». В конце концов поживу несколько дней в холле, в холле я еще никогда не жил. Жаль только, что я не умею играть на рояле.

Да, кстати, моего соавтора, который приехал вовремя, поместили сначала (о ужас!) в комнате второго этажа, но после недельных просьб и жалоб он добился «повышения», его перевели на третий.

На следующее утро после приезда я надел тренировочный костюм, кеды и выскочил на утрамбованный морем песок Рижского залива. В то благословенное время я бегал каждое утро перед завтраком сорок минут, отмахивая около семи километров. Я вернулся после пробежки весь мокрый от пота и, естественно, хотел сунуться в душ. Но ни в холле, ни в «персональном» санузле душа не было. Постучаться в какую-нибудь комнату на этаже к незнакомым людям я постеснялся. Раздевшись в холле до трусов, я выглянул в коридор и, убедившись, что никого нет, юркнул в туалет. Там с грехом пополам над раковиной я произвел частичное, крайне неудобное омовение и, признаюсь, пришел в раздраженное состояние. Почему-то мне все это не понравилось. Опять выглянув и переждав, пока по коридору не пройдут к лифту две женщины, я как метеор вернулся в свое зало. Перед завтраком надо было побриться. Я достал свою электробритву и стал искать глазами штепсель. Его не было ни на одной стене. Как же побриться? Я уставился на телевизор и понял, что он должен быть куда-то включен. Я стал следить, куда ведет шнур, исходящий из телевизора. Он вел под рояль. Я заглянул под инструмент, но там было темно и пыльно. Тогда я опустился на карачки и пополз под рояль. Ощупывая телевизионный провод, я нашел штепсель. Надо было выдернуть вилку телевизора, воткнуть вилку электробритвы и, пятясь, выползти из-под инструмента, после чего можно было приступить к бритью. Вместо того чтобы спокойно проделать все это, я повел себя несколько странно. Несмотря на то, что я был в одиночестве, из моей глотки вырвались ругательства, недостойные деятеля искусств, в особенности советского. Схватив бритву, я, прыгая через две ступеньки, понесся вниз по лестнице. Рывком распахнул дверь приемной директора Дома творчества.

— Директор у себя?— весьма невежливо спросил я у секретарши.

— Да, но у него совеща...

Я не дослушал и без спросу ворвался в кабинет. Там действительно шло какое-то заседание. Присутствовал почти весь персонал — всего человек четырнадцать — шестнадцать. Директор, стоя над столом, что-то произносил. Увидев меня, он остановился на полуслове.

— В чем дело?— обратился он ко мне.

— Где тут у вас штепсель?— полюбопытствовал я.

— Почему вы вошли?

— А, вот он,— обрадовался я.

Не обращая ни на кого внимания, я подошел к розетке, выдернул из нее шнур настольной лампы, всунул вилку электробритвы и начал бриться как ни в чем не бывало. Совещание замолчало. В тишине было хорошо слышно, как громко жужжит моя отечественная электробритва.

— Выйдите немедленно отсюда!— приказал директор.

— Побреюсь и выйду!

— Прекратите хулиганить!— закричал директор.

— Вы попробуйте побриться в холле под роялем.— Тут я увидел на стене зеркало и перестал обращать внимание на окружающих. Мне было не до них. Я был занят делом.

Совещание явно зашло в тупик. Поняв, что я не уйду, пока не побреюсь, все молча ждали. Я же вошел во вкус и не торопился, брился очень внимательно. Потом буднично выдул волосы из бритвы и сказал:

— Иду завтракать. Так вот, чтобы к моему приходу была комната. Или я поселюсь в вашем кабинете.

Директор, видимо, поверил в мою угрозу. После завтрака меня ждала сестра-хозяйка. Почему-то чудом нашлась свободная комната, в которой все было чисто, убрано и вполне уютно. При этом по каким-то неуловимым приметам ощущалось, что несколько дней в ней никто не жил. Комната оказалась на пятом этаже. Это было случайностью: директор, если бы его воля, заточил бы меня в подвал. Но он ограничился тем, что весь оставшийся срок не здоровался со мной, делая вид, что меня не существует...

Лет через пять мы с Брагинским снова приехали в Дубулты работать над пьесой «Аморальная история». Директор был тот же, и я посмеивался: на каком же этаже он поселит меня на сей раз? Так вышло, что к этому времени я был принят в писательские ряды, к тому же награжден и олауреачен. Я явно тянул на шестой этаж. Я понимал, не стоит особенно заноситься, не надо мечтать о седьмом небе. Это в конце концов нескромно! Но уж шестому-то этажу я по их табели о рангах как-никак соответствую! Действительность оказалась непредсказуемой. Злопамятный директор не забыл, как я брился в его кабинете, и поселил меня (страшно подумать!) на третьем этаже. И в то же самое время моему соавтору выделили комнату аж на седьмом! Я мужественно переносил эту опалу. Меня многие жалели, сочувствовали, возмущались несправедливостью, но я делал вид, что мне все равно, что это меня не трогает, что я выше этих предрассудков.

А что мне оставалось делать?..

Слово «милосердие» вызывает раздражение у многих наших читателей. К такому выводу меня вынудили прийти 400 из тысячи писем-откликов на интервью «Время миловать», напечатанное в 33-м номере «Огонька».

Авторы этих писем возмущены позицией доктора юридических наук, профессора Александра Максимовича Яковлева. Удивительным образом мимо их внимания прошли основанные на социологических исследованиях доводы юриста о том, что чрезмерно жестокое наказание и страх перед суровостью кары никак не сдерживают преступников, не уменьшают «количества зла», которое они нам причиняют; что наши слишком длинные сроки лишения свободы, помноженные на «не идеальные» условия исправительно-трудовых колоний, возвращают к нам людей не исправившихся, а озлобленных, опустившихся, разучившихся жить на свободе и потому способных совершить новые преступления; что смертная казнь узаконивает убийство, разрешает убийство нашей совести, делает убийство нормальным делом. И мы, если хотим без страха ходить по улицам, не можем не думать и о таком «воспитательном» эффекте.

Лекарство от криминальных болезней общества искать надо в другом, полагает А. М. Яковлев, например, в справедливом, а не жестоком наказании, в милосердии. Амнистии, гуманизацию уголовных законов, отказ от бесчеловечного обращения с заключенными он считает методом излечения. И приводит аргументы, обосновывает свою позицию. Месть рождает только ответную жестокость, возвращается к нам сторицей. Даже к людям, которые сами отринули принципы справедливости, закон и общество должны быть если не снисходительны, то обязательно справедливы. Только тогда не нарастет снежным комом зло на зло.

Но в тех 400 из 1000 писем, о которых я говорю, доводы юриста не опровергаются — просто игнорируются, не замечаются. Спросить бы авторов: может, не об обществе вы радеете, не о безвинных жертвах (жертв-то при усилении жестокости законов как раз больше стало бы, о том и был подробный разговор!), а лишь об удовлетворении своей жажды мщения? Просто мстительности, направленной не на конкретного злодея, а на подозреваемое всеобщее злодейство.

Да, есть еще просто чувство беззащитности, страх перед преступниками — нормальный, естественный страх, который застит глаза, мешает понять, что гуманизация уголовного кодекса как раз и нужна, чтобы было меньше поводов для страха. Но странная вещь: писем, авторы которых движимы страхом,— единицы, а злобой, мстительностью, жестокостью — сотни. Или это все производные страха?..

Конечно, если захлестывает раздражение, тут не до спора, в котором рождается истина. И все-таки странно: настолько не вникнуть в аргументы противника, совершенно не увидеть его доводов! Может, не захотели увидеть? Читая, не прочли...

В статье черным по белому: не подлежат амнистии лица, совершившие убийство, изнасилование, квартирную кражу и т. п. А в ответ: «Как же можно выпускать по амнистии убийц и насильников?» Не поверите, таких писем 80. Как будто читали с закрытыми глазами.

Так получилось, что два месяца я просматривала всю почту «Огонька» и вот что поняла. «Чтение с закрытыми глазами» — своеобразный феномен нашего переломного времени, некий знак современности. Если истина не по нраву, долой истину! Открываются страшные факты злодеяний сталинского времени, а в ответ, невзирая на факты: «Очернительство! Не было этого!» или «Кое-что, может быть, было, но все равно все не так».

«Покаяние», «Дети Арбата»? «Очернительство!..» Доказательства, свидетельства очевидцев, документы? «Не было этого...» А чтобы, не дай бог, не переубедили, лучше с «Покаяния», с середины фильма, громко топая, уйти. Или так: «Роман Рыбакова не читал, но заявляю...» В общем, ничего не вижу, ничего не слышу, но знаю. И никогда свое мнение не изменю.

Но, дорогие товарищи, открывшаяся сейчас возможность говорить, когда нет искусства слушать, бесплодна! Хороша гласность, когда у оппонента заткнуты уши!

Может, слишком долго и слишком громко у нас говорили такое, во что и вслушиваться не надо было? Во что не надо было вдумываться — только в такт кивать головой и рукоплескать в паузах. Только заучивать, как молитву.

И обжились, обустроились в упрощенном, двухцветном мире, без полутонов и сомнений: этот «свой» — этот «враг», это «наше» — это «чуждое». Врагов и чуждое надо уничтожить. Все просто, все понятно. Как в магазине, где на каждой вещи этикетка и цена.

А раз все заранее понятно, то можно не мучиться сомнениями, не заглядывать в собственную душу, не задавать даже себе неудобных, неуютных вопросов...

Мы слишком долго жили без вопросов.

И вот уже трехмерную (хотя и вполне обыденную) мысль, что этот семнадцатилетний вор-рецидивист и даже этот убийца — чей-то сын или брат и тоже человек, что ему тоже требуются чуткость, человеческое тепло, нормальные условия существования, что мы ответственны за то, перевоспитается он в колонии или нет, совершит новое преступление или нет,— такую мысль некоторые читатели тут же трансформируют в одномерную: «Нечего гуманизм разводить! Преступник — значит, пусть сидит свой срок и жрет, что дают. А человеческое отношение — это к нам, к честным людям».

Как необременительно для души, а?

«И милость к падшим призывал» — как будто мы не учили этого в школе, как будто не в нашей стране это было написано...

Но были и другие письма. Примерно 200 писем от читателей, которые прочли статью с открытыми глазами, и если спорят с чем-то, это именно контраргументы.

И еще 400 писем от заключенных. На карточке учетчица пишет «з/к». На эти письма долгое время не принято было отвечать.

Возможно, теперь придут новые возмущенные отклики: «Письма от «зэков» не в счет! Не им рассуждать о милосердии, не им решать».

Не знаю. По себе знаю только то, что эти письма — пудовая гиря...

Алла АЛОВА

ПО ЗАКОНАМ МИРНОГО ВРЕМЕНИ

Статья у меня вызвала недоумение и возмущение.

Много лет у нас не применяется закон от 1940 года за опоздания, за прогулы и невыработку минимума трудового участия в колхозе. Совершенно не было преследования за проституцию, наркоманию, токсикоманию. К чему все это привело! Да к расхлябанности, к повсеместному пьянству на рабочем месте, прогулам. Ведь это стало настоящим бедствием для всей страны. Появился дефицит на товары повседневного спроса, расцвели спекуляция, взяточничество, появились тунеядцы, проститутки, наркоманы и всевозможные паразиты общества.

Что же касается порядка в стране при сталинизме—это не миф, а действительность, которая отличается от сегодняшней действительности.

А если мы в то время, как вы пишете, «часто искали врагов там, где их не было», кто в этом виноват! Вы и только вы, люди, обладающие юридическими знаниями. Сейчас, когда товарища Сталина не стало, валите все на него... Как будто он сам лично делал аресты, сидел на заседаниях «тройки», писал доносы и т. д.

Я. МЕСЕЧКОВ, инвалид труда.
с. Ермаковское Красноярского края.

Наша гуманность уже и так завела слишком далеко. Сейчас много разговоров об И. В. Сталине. Но по крайней мере при нем был порядок и так не воровали, как сейчас. Не было круговой поруки у начальства от района до республики. Народ жил беднее, но был сплочен, дружен. На работу и с работы шли с песнями. Благодаря Сталину мы выиграли войну, и в этом нас не разубедить.

С. КОРЯКОВ, инженер, 60 лет.
Архангельская область.

Значение беседы «Время миловать» выходит за рамки вопроса об амнистии. Выработался стереотип мышления о наказаниях как универсальном лекарстве от всех болезней. При Сталине сажали — была икра и семга в каждом магазине. Распустили народ — икра с семгой исчезли. Не хватает мяса, уходит оно с черного хода — надо сажать продавцов и директоров магазинов. Мало промтоваров — надо сажать спекулянтов, очереди в поликлиниках, нехватка мест в больнице — сажать главных врачей, реабилитировали необоснованно осужденных — сажать работников суда и прокуратуры... В общем, сажать, сажать, сажать побольше и на длительные сроки.

Статья в этом отношении является отрезвляющей. Правильно ставится вопрос о целесообразности отмены статьи 190 «прим» УК РСФСР, о сокращении максимальных сроков наказаний, о милосердном (не о добреньком!) отношении к заключенным.

Хочу обратить внимание на ту часть проблемы уменьшения преступности, в которой все мы — не юристы — можем оказаться полезны. Я имею в виду, в частности, организацию общественного контроля над местами

заключения. До революции этим занимался тюремный комитет, теперь такой общественной организации нет.

В особенно тяжелом положении находятся заключенные, на которых родные махнули рукой, которые не имеют связи с внешним миром. Я уверен, что в нашем народе найдутся и сердечность, и милосердие, если будет предоставлена возможность их проявить.

В. Н. ОШЕР.
Москва.

Я лично против всяких послаблений преступному миру, а, наоборот, за ужесточение. Нет у нас в нашем обществе никакой социальной почвы для преступности. Если в буржуазном обществе преступник — зачастую вынужденный несправедливым строем, то наш преступник подлинный. Значит, и права на скидку не имеет.

А. И. ДРОНОВ.
Москва.

Меня все более настораживают появляющиеся в последнее время публикации, где ставится вопрос о необходимости большего милосердия и т. п.

Хочу высказаться со всей определенностью: я решительный сторонник жестких мер. Применение смертной казни нужно значительно расширить, а понятие «исключительная» мера ликвидировать, эта мера должна стать обычной.

Проклятым слюнявым либералам следует дать отпор.

Нельзя допустить, чтобы их гнилые идейки возобладали, тогда конец справедливости.

А. В. МУРЗИЧ, юрист.
Рига.

Лишить свободы — это мало, пусть он, гад, сидит там в грязи и ест гнилую картошку, вот тогда он поймет, что попадать второй раз сюда нежелательно. А устрой им нормальный быт, так для них это «курорт» будет, а не место заключения.

Хочу высказать свое мнение о пьяницах и людях без определенного места жительства. К ним и надо применять всю беспощадность законов, причем применять не тогда, когда он уже натворил дел, а когда еще не успел. Попал три раза на 15 суток или заработал две-три 33-х статьи в трудовой книжке — значит, давай в колонию-поселение на пять лет. А что таких жалеть!

В. Г. ЛЯШОВ.
Моск. обл., Удельная.

Мне было семнадцать лет, когда ворота спецучреждения захлопнулись за моей спиной. Прошло два с половиной года, тех самых, что определил суд. Теперь мне девятнадцать, я только-только вышел на свободу и, как говорится, по свежим еще следам хочу поделиться своими наблюдениями.

В трудовой колонии для несовершеннолетних практически все построено на культе силы и унижении достоинства более слабого. Нормальных взаимоотношений нет как среди воспитанников, так и между ними и администрацией. У меня в памяти с первых месяцев заключения (это еще следственный изолятор) стоят страшные сцены расправы и насилия над одним пареньком. Буквально за несколько дней из человека сделали животное, методично убивая в нем собственное достоинство, заставляя делать то, о чем невозможно написать, исходя из элементарной порядочности. А было человеку всего-то четырнадцать лет... Подобное происходило и в соседней камере. И приходилось идти на компромисс со своей совестью, отворачиваться к стене, лежа на нарах, стараться не слушать стоны и слезные мольбы парня, обращенные к мучителям. Иначе подобная участь может постигнуть и тебя. Закончилось все тем, что он несколько раз покушался на самоубийство, а в конце концов совершил побег из-под стражи.

Называются колонии воспитательно-трудовыми. Но на практике первоочередная задача администрации— выполнение производственного плана. Может, дело в том, что в ВТК обычно работают люди, не имеющие специального педагогического образования?

До сих пор администрация назначает на должность бригадира тех, кто пошире в плечах да кулак у кого впечатляющих размеров. Они и бесчинствуют с попустительства некоторых, язык не поворачивается сказать, воспитателей, держа в страхе весь коллектив. Это так называемые «оборзевшие». Как же все просто: сказал им, что необходимо организовать построение, уборку помещений и т. п.,— все будет сделано. И не нужно утруждать себя, искать подход, заниматься педагогикой, ведь есть «надежные помощники». Главное — с виду полный порядок, воспитанники, как шелковые, идет отряд по плацу — любо посмотреть: шаг чеканят, песню поют — аж воздух содрогается... Шло свидание с родственниками. Мать, узнав о том, что у сына пропали рукавицы (морозы в ту зиму стояли лютые, даже в комнате свиданий коченели руки и ноги), сняла свои и упросила дежурного разрешить передать их сыну. Я видел, как у мальчишки в глазах стояли слезы. Но закончилось свидание, ушли родители, к парню подошел один из «сильных мира сего» и, не церемонясь, вырвал варежки из его рук...

Постоянно внушаемое различными методами сознание собственной неполноценности, вытравливание из личности собственного «я», постоянное напоминание о том, что ты преступник и ты недостоин, чтобы к тебе нормально относились,— вот самое первое, с чем мы столкнулись по прибытии в ВТК и будучи еще в карантине. Утром во время завтрака в комнату вошел дежурный помощник и вывел всех в коридор. Он приказал встать лицом к стене, сложив руки над головой. Так он продержал нас в течение получаса, понося различными оскорблениями. У одного ему почему-то не понравились уши, за что их незадачливый хозяин получил несколько ударов и с удивлением узнал, что «такие уши могут быть только у дебила». Довольно?

Вечером того же дня нас повели в баню. Когда мы были уже раздеты, вошла сотрудница колонии — молодая женщина лет двадцати восьми — с какими-то бумагами. Нас построили перед ней, и она принялась заполнять карточки на каждого, задавая вопросы. Видимо, ей и в голову не пришло, что у людей, попавших сюда, может быть чувство стыда, элементарного человеческого достоинства.

Ясно, если постоянно сталкиваешься с подобным, развивается закомплексованность, теряешь веру в себя. Все это опасно: ведь человек, махнувший рукой на себя, на собственную судьбу, становится безразличным и к окружающим, не говоря о том, что до повторного преступления один шаг.

Сергей ЗАЙЦЕВ.
Архангельск.

Печется профессор Яковлев о слишком больших сроках заключения, боясь, что сии «джентльмены» деградируют. Ну и пусть — заслужили!

Давайте (по Яковлеву) оцепим Крым, поставим охрану от посторонних, соберем всех миллионных дел мастеров, поселим в охотничьих домиках года на полтора-два и устроим для них экономический факультатив на тему «На чем ты погорел». Думаете, эти мерзавцы исправятся!

Л. П. СТРИЖНЕВ.
Красноярск.

16 августа я вернулась от сына из зоны, с суточного свидания. Он отбывает наказание по статье 93[1] УК РСФСР за кражу церковного имущества. Сумма похищенного составила 13 тысяч. Сын был осужден на 11 лет. А случилось это так. Встретил человека сорока шести лет, который «вдохновил» его и других молодых ребят на идею «спасения древнерусского искусства». Очень скоро, после первого же «спасения», мой сын и оказался в тюрьме.

Сидит он с октября 1980 года. Тогда ему не было и 20 лет. Последний раз я застала своего 27-летнего сына седым. Но самое страшное, что он **пал духом.**

Все эти годы я, как это ни парадоксально, набиралась у него сил жить и работать. Каждый раз при свидании удивлялась: откуда в этом исхудалом, кожа да кости, родном человечке столько оптимизма? Он никогда не жаловался на питание и другие неудобства, а рассказывал о том, как овладел швейным делом, о том, что он выполняет норму, что получил благодарность, говорил о прочитанном. В первый год он прочел все собрание сочинений Тургенева и т. д.

После последнего свидания я поняла, что теряю сына. Неделю проплакала. Наконец взялась за очередной номер журнала и прочла, нет, «проглотила» статью «Время миловать». И увидела строки, в которых точно описано то, что происходит с сыном. «...если первые пять-шесть, максимум семь лет срока человек еще рвется к другой жизни, еще сохраняет надежду... то после этого рубежа заключенного охватывает безразличие, начинается деградация, как бы мы ни старались». Вот почему мой сын уже **ничего не хочет.**

Амнистии сын не подлежит, как злостный нарушитель режима. Получается это очень просто: нужно только сложить все замечания — и вот их общее число превалирует над поощрениями... Что делать? Как спасти сына?! Ведь именно для таких, оступившихся на первых шагах самостоятельной жизни, тех, кому так безбожно завысили сроки наказания в 80-е годы, и рассчитана эта амнистия.

Кому надо, чтобы он высидел все одиннадцать лет, озлобился и деградировал? Ему ведь давно надо создавать семью и воспитывать своих детей. А вину он осознал и искупает давным-давно.

А. Ю. КОШОВА.
Москва.

Надо реабилитировать многих осужденных во времена Брежнева. Мы ведь знаем, что нередко честных, идейных людей, которые боролись с негативными явлениями, лишали свободы. Надо проверить! Необходимо создать общественную организацию по контролю действий администрации ИТК.

Т. АЛАЕВ,
технолог, 33 года.
п. Алпатово,
Чечено-Ингушская АССР.

Если законодатель не считает возможным ликвидировать статью 70 УК РСФСР, стоило бы ее конкретизировать таким образом, чтобы под нее попадали только деяния, **с точки зрения** законодателя, ведущие к ослаблению существующего государственного строя. Не с точки зрения данного следователя, судьи или ответработника! Тогда и исчезнет у граждан страны представление об этой статье как о запрещающей говорить и писать все, кроме того, что в данный момент приказано очередным вышестоящим лицом.

В. Е. РОНКИН.
Луга, Ленинградской обл.

Я категорически за отмену смертной казни. Не касаясь моральной стороны этой проблемы, хочу заметить: раз пока никто не может гарантировать отсутствие судебных «ошибок» (без кавычек здесь писать невозможно), необходимо немедленно и безоговорочно отменить смертную казнь. Сначала нужно разобраться с самой юстицией, а потом уже распоряжаться человеческими жизнями.

Добавлю, что несколько месяцев назад смертная казнь отменена в ГДР, о чем сообщалось в нашей печати.

А. А. БАРБАШ.
Киев.

Очень признателен вам за беседу с А. М. Яковлевым в № 33, за то, что заговорили наконец о смертной казни — только так и надо ее называть, а не эвфемизмами «высшая», «исключительная». Каждый раз, когда читаю в газете о процессе, окончившемся этой самой «высшей» (сейчас реже, а года три назад едва ли не еженедельно. Хороша «исключительность»!), приходит ощущение кошмара наяву — абсурд, ужас и беспомощность. Яковлев в общем-то сказал то единственное, что следует об этом сказать: не государство дало, не ему и отнимать...

Хочется сказать и о другом, пожалуй, главном. О нравственном состоянии общества, которому не дика вера, что жизнь человеческая стоит ровно столько, сколько за нее дает закон, которому не отвратителен подлый принцип «лес рубят, щепки летят», которое, до сих пор мысля категориями военного коммунизма, живет в наивном и жестоком убеждении, что

лучшее средство для всех социальных проблем — напугать и заставить. Так что не стоит пока проводить референдум о смертной казни: как бы не потребовали ввести ее еще за что-нибудь. Скажем, виновникам катастроф с большим числом жертв. После «Нахимова» я слышал подобные разговоры: «А разве их не к расстрелу!» Вот вам уровень массового правосознания. И это в России, где испокон веков относились к преступнику как к несчастному. Патриархальщина! Нам бы сейчас хоть каплю ее. Отчего в Никарагуа, фактически воюющей стране, **нет** смертной казни, а у нас смертный приговор можно получить много за что.

О статье 190^{1} УК РСФСР. Она не «устарела сейчас», как вы пишете. Она всегда была антидемократической. Это не что иное, как кляп для любого мнения, кроме одного, «единственно верного». Мнение, высказанное вслух, есть такая же потребность (и, следовательно, несомненное право) и для индивидуума, и для общества, как дыхание или движение для тела. А для защиты от клеветы есть в кодексе соответствующая статья. Как частное лицо, так и организации (и государство в целом) могут прибегнуть к ней. Зачем 190^{1}-я!

Не может закон использоваться как дубина для защиты монополии на истину. В стране перестройка, в печати речи, за которые несколько лет назад любой загремел бы по той же 190^{1}-й, а то и по 70-й, а мой друг из провинции, получивший в 1981 году шесть лет за то, что слишком громко и часто возмущался произволом городских руководителей и пустыми полками в магазинах, так и отсидел до конца и вышел лишь в июне этого года. Каково ему было читать все эти речи!

Ю. В. КОЛОМИЕЦ.
Москва.

Они свою частную собственность могут защищать, как хотят. У нас особый вид собственности: общественная социалистическая собственность. У нас есть что защищать, и нам незачем стыдиться своей твердости.

Предложения об отмене смертной казни за хищения в особо крупных размерах и взяточничество на деле являются сопротивлением идущей в нашей стране перестройке. Причем сопротивлением скрытым, замаскированным под перестройку, а потому особенно опасным. Сопутствующие этим предложениям рассуждения о гуманности — лишь прикрытие истинных целей.

Ф. А. ГАЛИЕВ.
Москва.

Я — осужденный Сергеев Андрей Борисович, 1960 года рождения. Сразу оговорюсь, что посылаю письмо «вольным» путем, так как через нашу местную «цензуру» оно не пройдет.

Четырехлетний срок мой уже на исходе, осталось два месяца. 18 июня издан указ об амнистии, и в нем сказано, что не подлежат амнистии лица, злостно нарушавшие режим содержания. Как это понять? Родина, правительство прощают нас за преступление, но не могут простить за нарушение режима содержания, хотя за эти нарушения каждому были наложены взыскания. За эти же нарушения нас не посылают на стройки народного хозяйства, в колонию-поселение, на условно-досрочное освобождение и теперь, наконец, на амнистию.

Я был представлен по указу об амнистии на комиссию для снижения срока на одну треть, но мне отказано, как злостному нарушителю режима. А нарушения у меня были такие: курил в жилом помещении (и был за это лишен на месяц отоваривания в магазине на сумму 8 рублей), кипятил воду самодельным кипятильником (за это мне дали выговор), не посещал вечернюю школу (за что был наказан штрафным изолятором на 10 суток, в результате продлили эту же непосещаемость). А я не посещал школу, так как в это время находился на работе. Вот эти нарушения у меня были за 4 года, и они уже сняты. Зато за хорошую работу при отгрузке стандартных домов в помощь пострадавшим Чернобыля я был поощрен дополнительным свиданием с родителями. Неоднократно поощрялся благодарностями за хорошую работу. Но все это полностью не было взято во внимание той комиссией. В состав амнистирующей комиссии входят начальник колонии, бухгалтер, начальник отряда и спецчасть колонии. Разве эти лица могут быть заинтересованы в нашем скорейшем освобождении, если у начальника колонии прежде всего в голове государственный план! Они ведь нам так и говорят...

Да не о себе я думаю, я думаю о других, которым еще осталось по многу лет...

P. S. Прошу мое письмо никуда не пересылать для «принятия мер». Оно ведь все равно «спустится» сюда и тогда если не со мной, то с моими товарищами разберутся по всем правилам.

А что, разве в других странах, где смертная казнь отменена, преступность меньше? Насколько мне известно из печати и радио, за границей преступность достигает ужасных размеров. Люди чувствуют свою безнаказанность и убивают, убивают.

У меня недавно в троллейбусе вытащили содержимое сумочки, а вы говорите о милосердии к преступнику. Лично мне мое воспитание не позволяет даже руки протянуть бывшему в заключении. Я презираю таких людей. И меня очень взволновало ваше предложение смягчить наказания преступникам.

Л. И. ИЗОТОВА,
воспитатель училища.
Воронеж.

Те тысячи людей, которые ежедневно освобождаются из тюрем по окончании срока тюремного заключения, никого не пугают, а вот те люди, которые освобождаются по амнистии, вселяют многим страх. Очевидно, этим «опасающимся» очень лень пошевелить мозгами и понять, что тот, кто освободился по амнистии, в тысячу раз менее озлоблен, а значит, в тысячу раз менее агрессивен, чем тот, кто полностью отбыл свой срок. Да еще если этот срок, по ощущению отсидевшего, не соответствовал тяжести его преступления.

Мы бьем тревогу о братьях наших меньших. И бьем тревогу вполне разумно и вполне правильно. Но вот о наших же детях, которые находятся в тюрьмах с их страшными условиями для существования, мы не только не бьем никакой тревоги, мы о них даже нигде ни единым словом не вспоминаем, как будто бы их и на свете не существует. Мы их просто вычеркнули из нашей жизни. Какая дикость! Какое обывательское невежество! А ведь все эти дети — наши, наши дети, и мы от них никуда не денемся. Они тоже уже завтрашнее наше будущее. От этих детей тоже будут зависеть многие положения в нашем завтрашнем обществе. Как же все это можно не понимать? Кому же у нас так уж непонятно, что чрезмерная жестокость порождает только жестокость и больше ровным счетом ничего.

А уж слово «милосердие» у нас почти даже не употребляется. Как все это печально.

В. К. УРУСОВ.
Москва.

Владимир КРУПИН

РАССКАЗ

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

Ну, с наступающим,— говорит Коля, поднимая рюмку и наступая мне на ногу.

— Чего-то я не помню, какой завтра праздник,— говорю я.

— Как какой? — радостно объясняет Коля.— Ты приехал, встретились, уже причина. А завтра с утра все равно выпью, а кто выпил с утра — весь день свободен. За свободу! — Выпивает, встряхивается: — Эх, косим, что кошено, носим, что ношено, любим, что брошено, и пьем все, что горит.— Потом находит на столе закуску посущественней и комментирует находку: — Вот позвала хозяйка гостей: «Кушайте, гости, кушайте, вот салатик остренький»,— а один цепляет вилкой кусман сала и говорит: «Сало тоже не тупое». Да! Ну ты молоток! Не зря у меня все приметы были.

— Кошка гостей замывала?

— Какая кошка? А, примета? Ну, в такие я не верю. Я верю в конкретность. Коля, говорят, стопори машину, всякого привезли. Да! Чего-то не завязывается. Давай для завязки.

— Не буду больше,— отвечаю я.

— Но меня не обсуждай.— Он именно так и произносит: не обсуждай.

— Когда я тебя осуждал? Или обсуждал?

— И еще бы! — Он медленно полнит рюмку.— Двадцать капель лечебных, двадцать капель служебных, а в конце последняя капля до-о-олгая. Я тебе про аптекаршу рассказывал, нет? Ну, обожди. Ну! Кто празднику рад, тот до свету пьян.— Выпивает, закусывает, а под закуску рассказывает о некой жене, которая говорила мужу перед приходом гостей: «Давай пей, а то гости придут, а ты трезвый».

Главный Колин тост такой: «За нас с вами и за хрен с ними»,— но для него он пока не созрел. Вот обретет градусы, перестанет закусывать, будет только пить и курить, тогда только это и будет. А вначале он старается разнообразить беседу. Он доволен, что мы, по его выражению, сегодня не скоро обсохнем, то есть затарились изрядно. Он колупает пробку ножом в опасной близости от лица и комментирует:

— Вот сорвется — и по горлу, хорошо будет. У нас так-то один чуть не до смерти, даже бюллетень не оплатили. Он потом жалел, что не до смерти. У него, вишь, жена пила, он сберкнижку на сына завел. Она сына подговорила снять и все с ним пропраздновала. Он с горя полоскать. Ее гонит, а напьется, зовет. Ну, за генеральские погоны!

Это у Коли такая шутка о жизни: жизнь как генеральский погон, ни одного просвета. А у Коли, обычно гордится он, погоны чистые и совесть чистая, не выслуживался.

Но и про наступающий он не забывает и давит мне ногу под столом. Закуривает. Кроме армейских рассказов, которые я не люблю, у Коли есть еще рассказы о его любовных бесчисленных победах. Сейчас они начнутся.

— Я про аптекаршу не буду рассказывать, я уже поссорился. В Киров со мной не езди, за компанию убьют. У меня там на каждой улице было событие. Были в основном одноразки. Я их сам всех бросал. Чтоб кого-то не покорил! Мне надо было от силы день, много два. На аптекаршу неделю извел, так она того стоит: царица фей, о, будь моей! Она меня вначале гнала, отбивалась. А я смеюсь в лицо: «Это ты меня так покоряешь» — и не отступаюсь. Говорит: «Видеть тебя не могу». «А чего,— говорю,— меня видеть, сейчас день, давай ночью на ощупь встречаться». Коля закуривает, смотрит на бутылку: — Эх, я опять, мальчишка, запил, я опять запировал, посреди широкой улицы галоши потерял. Гармошки нет? Ничего! Как еще приедешь — будет. Эх, понеслась, посыпалась погода сыроватая. Девчонка белого лица любила черноватого... А знаешь зачем уничтожила чувства?

— Аптекарша?

— Нет, другая, вдова. Эх, по дорожке столбовой катился яблок садовой, после милочки красивой я связался со вдовой. Жить спокойно не давала, все тащит и тащит на кладбище.

— Зачем?

— На могилу мужа! Понял? Ухаживать за могилой таскала. Я в этой фирме «Земля и люди» заскребся бывать. Ограду заказывал. Тому дай, этому налей, с этим выпей. Машину клянчи. Да еще наконечники на углы дали не те, ездил менять. Чугунные, с графин, потаскай-ко. Ну, я думаю, ты ж кого-нибудь-то все равно хоронил, сам знаешь, как они над нами издеваются, эти фирмачи. Да ладно. Давай за нас с вами и за хрен с ними!.. Ну вот. Наконечники-то ладно, ограду не так вкопал, надо вдоль ряда, я поперек. Бежит начальник кладбища Ахмет: «Переделывай!» Она-то жадна, сунула бы ему десятку: нет, давай,

Коля, упрись рогом! Это ж заново три ямы рыть. Три! — Коля рисует схему ограды.— Я копаю, реву и плачу, пот с меня течет, а она мне: «Тише, я сдаю зачет». Ахмет над душой, а она потом: «Зачем это я стала бы Ахмету деньги давать, когда ты в силе возможности, а я тебе лучше коньяку куплю». За краской погнала, стол, скамейку стал делать. Чтоб ей на скамейку сесть и горе изобразить. Какое горе — с ней же и выпили на этом столике. Эх, у нас было б два разка, да больно лавочка узка. Представь себе: кладбище, темнеет, я ее держу, смотрю на его фотографию, я же и вмазывал, на цемент сажал, смотрю на него снизу и говорю: «Что, брат, не один ты обманут, а уж на меня не сердись, оградой заработал». Она встала, платочком его фотографию обтерла и мне говорит: «Это была последняя встреча».

— Коль, мне надо ужин готовить.

Коля идет за мной на кухню.

— Давай я тебя научу стряпать. Суп умеешь варить? — спрашивает он.— Я научу. Поставь воду, она закипит, а дальше я сам не знаю.

Я чищу картошку, а Коля делает любимое дело — разыгрывает меня. Он выходит потихоньку на крыльцо, потом громко хлопает дверью, заходит:

— За тобой пришли.

Я покупаюсь:

— Кто?

— Два друга в кожаных пальто.

Из разряда таких шуток у него есть еще, например: он сообщает, что меня ищут. Я думаю, кто это мог бы меня искать, кто это меня ищет? Коля отвечает: «Два попа да нищий».

Варится картошка. Коля изучает программу телепередач, ничего достойного внимания не находит, но телевизор на всякий случай включает.

Картошка сварилась. Коля поет:

— Спрячь за решетку бутылку с закуской, выкраду вместе с решеткой. Это, знашь, раньше пели: «Спрячь за высоким забором девчонку, выкраду вместе с забором». Но бутылку лучше: выкрал, выпил, выкинул, а с девчонкой возиться.

— У тебя есть юмор, не связанный с выпивкой?

— Есть. Дура девка, не дала, баба б новая была.

— А такой юмор, чтоб не связанный ни с выпивкой, ни с женским вопросом?

— Есть. Карбюратор засорился, свечи не работают, в клапанах большой зазор, и цилиндры хлопают. Но в этом-то что интересного? Или...— Он думает.— Шоферов дерет резина, трактористов магнето, шнеки, деки комбайнеров, а электриков никто. Но про работу неинтересно. Я работаю, да еще про работу говорить, когда жить? Мы на пилораме часами сидим, и вся баланда про баб и выпивку, ну, может, еще начальство поматерим, да «Из зала суда» почитаем. Везде же так. Ну, с наступающим!

Я отдергиваю ногу, Коля промахивается, но тут же находится:

— Опять от меня сбежала последняя баба по шпалам.

— От тебя?

— Это стихи. А так, чтоб от меня сбежала, ты что!

— Положить тебе картошки?

— Никогда! — восклицает Коля и добавляет: — Не откажусь.

Но не ест. Все курит и курит. Я гоняю его к форточке.

— Жену надо бить,— говорит он,— я у Лескова читал. Один немец на русской женился и не бил. Она думала, что он не любит, если не бьет. Ну, он ударил, потом у нее же в ногах валялся. Прочти для пользы дела. А у меня так: удар глухой по тыкве волосатой — травинка в черепе сквозь дырку прорастет.

— Я не верю, чтоб ты мог кого-то ударить.

— Кабы не доводили. А уж если доведут! — Смотрит в окно.— Вроде дождь должен собраться, хорошо бы, сырое не пилим, день сактируют. А ты чего на пилораму не приходишь? Где карандаш? Бумаги нет? Да я на газете нарисую. Тут школа, шэ буква, сельсовет, дальше направо, а дальше не рисую, там услышишь. А как на территории искать, нарисую. Тут помельче надо, сам рисуй. Рисуй квадрат. Пиши: торцовочник, веди от него линию к лесу, рисуй квадрат, пиши: склад пиломатериалов. Дальше линии не надо, делай прямоугольник, пиши: бревнотаска, тут дай я сам, тут пилорама, тут цех — два, тут пилим брус и лафет.

— Что такое лафет?

— Это только с двух сторон, очень невыгодно. Вчера пять бревен пропустили, на карачках уползли. Меня в магазин гоняли, специально хожу в мазаном, чтоб очередь расступалась.

— Ладно, садись.

— Как это: садись? Ты что, судья? Надо говорить: присядь.

На очереди песня.

— «Как часто балдея средь ясного дня, я брел наугад...», слышь, брел наугад по каким-то протокам. «И родина щедро поила меня»,— тут Коля себя обрывает, с упреком говоря: — Как же «щедро поила», не больно-то!

Мысли Коли скачут. Он будто и сам чувствует, что вот-вот сломается и торопится сказать, спеть побольше.

— Чего-то хотел еще тебе рассказать. Чего-то запел и Тасю вспомнил. А Тасю зачем?! А! Тася беззубая к нам приходила, говорит, в Барановщине глухая Сима картошку копала. Бригадир мимо шел, говорит: «Здравствуй, Сима». Та говорит: «Да вот картошку копаю». «Замуж тебя, Сима, надо». Она отвечает: «Надо, надо, пока не замерзло». Мы до уржачки хохотали. «Я ухожу,— запевает опять Коля,— сказал мальчишка ей сквозь грусть, ты жди меня, я обязательно вернусь. Ушел совсем, не сделав в жизни первый шаг, домой вернулся в цинковом гробу. Рыдает мать, как тень стоит отец, ведь ты же был для них еще юнец, совсем юнец. А сколько их, не сделав в жизни первый шаг, домой пришли в солдатских цинковых гробах». Тут же, без передышки Коля поет: «По тихим степям Забайкалья...»

— Может, тебе постелить?

— Ты что? Мне до сна как до лампочки. Я все могу, могу паять, варить, клепать, вообще могу командовать парадом. У меня мастер был нервомотатель, он провел меня по вредной сетке и гонит алюмишку варить. И все меня допрашивал, а я допросов не терплю. «Пил вчера?» Отвечаю: «И завтра буду». Это один вариант ответа.

А у меня есть второй, на все случаи жизни, сейчас научу, налей.— И поет: «Из полей доносится: «Налей»,— из души уходит прочь тревога». Хватит, на ночь оставь. Ну, за нас с вами и за хрен с ними! У меня мотоцикл был «Урал». И я на нем бывал, и он на мне бывал, а все живу. Он меня от гангрены спас. Строгал на фуговочном, палец отдернуло. Хватились отвезти — бензину нет. Так я же еще свой «Урал» и завел. Приехали в больницу, говорю доктору: «Палец вам на холодец привез». Он заматерился, говорит: «Ты дошутишься». А я говорю: «Я и не стараюсь долго прожить».

— Коль, а что это за ответ на все случаи жизни?

— Какой?

— Ты сказал, что научишь ответу на все случаи жизни.

— Это из трех слов?

— Ну, а ты еще про мастера рассказывал. Как ему отвечал.

— А как еще ему отвечать? — Коля передразнивает мастера.— «Скажи, Николай, как ты мог убить человека?» Отвечаю: «Трезвый бы не убил, а оттого и пью». Вообще надо отвечать: не пью и не тянет. Не пьют многие, а не тянет далеко не каждого. А-а,— радуется Коля,— из трех слов! Например, спроси меня что угодно. Спроси, спроси. Ну, например: «Зачем ты, Коля, ночью по крыше ходишь?» Я не хожу, но спросить-то можно. Спроси!

— Зачем ты, Коля ночью по крыше ходишь?

— Так надо,— отвечает Коля и кричит: — Два слова-то, два! Не три, два! Три, три и дыра будет. Давай, еще спроси. Ты ответ заучил?

— Так надо?

— Да! Давай спрашивай.

— Зачем ты, Коля, пьешь?

— Так надо. Еще! Спроси: зачем ты, например, Коля, на дерево полез или, например, спроси: зачем ты, Коля, на дерево не полез, и какой ответ? Так надо! И все! И все отскакивают. И в душу не лезут. Например, чего я в баню хожу, или, чего не хожу, как будешь отвечать, заучи на практике.

— Так надо,— заучиваю я.

— А теперь, ответь, тебе нужен стакан с двойным дном?

— Зачем? — спрашиваю я.

— Так надо,— говорит Коля и объясняет, что он выиграл.— Тут еще надо хитро спросить. Теперь твоя очередь.

— Ты ведь врешь, что тебя все женщины любят, врешь?

— Кому я нужен? — сердится Коля. Он потерял интерес к игре. Берет со стола и расколупывает яйцо.— Витамин це, яйце, сальце, мясце. Нет, не так: витамин це, чтоб не было морщин на лице. Витамин ю, чтоб не было морщин...— Не дочистив, кладет яйцо обратно.— Я полежу, или это тебе не в кайф?

— Ложись. Я стакан с водой поставлю и таблетку. Ночью проснешься, ее прими и водой запей.

— Вода не утоляет жажды, я, помню, пил ее однажды.— Коля все еще пытается шутить.— Загулял, так не воротишь, горькая рябинушка, больше семя не получишь, тетка Акулинушка.

Я снимаю с него сапоги, он сопротивляется, но я говорю, что так надо, и он засыпает.

Знаю, что впереди у меня невеселая ночь. Но еще совсем не ночь, хотя на улице темно. Осень. По телевизору программа «Время». Первое вставание Коли я выдерживаю, еще не ложась спать. Коля встает, всматривается в экран. Показывают сидячую демонстрацию.

— У нас вчера лежачая была. Народу-то сколь у них, как грязи, а мы обезлюдели. Убей меня!

«Убей меня» на Колином языке означает: «Налей мне, и я усну».

Выпив, он бормочет:

— В нашей Вятской губернии стало больше волоков, сколь наделал непорядков нам товарищ Щелоков. Все — спать! Лошадь в овсе не пасется, орел мух не ловит!

Он ложится и тяжело дышит. Ресницы иногда поднимаются, видна мутная полоска глаза.

Второе его пробуждение мучительно для меня, так как я уже заснул. Но Коле страшно одному, без света. Он будит меня, ему показалось (покарзилось), что с ним рядом была чертиха.

— Чертиха! Не спи!

— Как ты понял, что чертиха?

— Иди, говорит, ко мне. Ты добрый, ты хороший, тебя никто не ценит. Тебя, говорит, только я пожалею. Рядом легла! Волосы у нее огромные, много волос на подушке, мне в рот лезут, я весь исплевался. А лицо, лицо! Смотрит! Лежит на подушке в портрете волос, зовет! Я к ней ложусь, она — раз ко мне спиной и хвостом меня по морде! Хвост у нее! Хвост! Потоньше коровьего.

Коля вытирает пот со лба, садится и плачет. Так, плача, и закуривает. Слезы текут на стол, в них и тушит Коля сигарету, вновь прося убить его.

— Меня одна из тещ, я же за ней горшки выносил, найди еще такого зятя, лежит и лает, и лает, и лает. Выносил, выносил, говорю: «Теща, тебе ведь скоро на том свете отчет держать». Она говорит: «Ничего, мне есть что про тебя рассказать». Я говорю: «При чем тут я, за меня с других спросят».

— Прими таблетку.

— Да, приму, приму. Я их горстями пью, ты не волнуйся, приму. Я спать пока боюсь, пусть она подальше улетит. Ну, хвостище! У меня еще другое было — так же вот сижу, передо мной, как сейчас, стакан. А по краю он бегает и на меня остреньким пальцем показывает и кричит: «Пьяница, пьяница!» Я стакан к себе поднимаю, он бульк в него, там буль-буль — и в стакане пусто. Меня же ругает, сам пьет.— Коля поднимает глаза к потолку.— А с потолка песни поют. Тут два этажа?

— Один.

— Ну, да, это ж ты приехал, мы же у тебя встретились. Я про себя никому не рассказываю, но кому ни скажу, все сразу: это человек. У меня мастер был, сейчас не помню, как звали, но тогда знал точно — Павел Елизарыч, ох, от него я наслушался всякой сулемы. Говорит, что погода стала дырявая от горячих тел в облаках, облака к ним липнут. Но бабка моя точнее говорит: «Что от погоды, говорит, ждать, когда все небо самолетами перемесили».

— Спи.

— Сплю,— послушно отвечает Коля.— Сейчас еще стакан бутермаги барабну.

Но уже не может пить, клонит голову в тарелки, чуть дремлет, и только я хочу перетаскивать его на диван, как он вскакивает и кричит:

— Овчарка с автобус!

Веду Колю на кухню, кланю его голову над ведром и лью на затылок и волосы холодную воду. Даю полотенце. Он утирается и совершенно осмысленно говорит:

— Пить я больше не буду. И курить не буду. Я ж понимаю, я в массах с пеленок. У тебя какое служебное положение? А умственное?

Покорно принимает снотворное. Больше двух таблеток и боюсь дать. Коля лежит и тихонько поет:

— «Восемь лет, они прошли в тумане, с той поры как начал я страдать. Многим я писал, но только маме, только маме не успел я написать».— Задремывает.

Я оставляю включенной настольную лампу и крадусь мимо Коли к кровати. Голова тяжелая, уже далеко за полночь. И опять только задремываю, как Коля кричит:

— Ты еще увидишь горящие танки! — И падает с дивана на пол.

И опять он закуривает, долго, не ощущая пламени, держит над спичкой ладонь. Опять я тащу его на диван, отнимаю горящую сигарету.

И еще он многократно встает, бродит, рассказывает разные случаи. У меня уже нет сил их запомнить. Только один запоминаю, про цветной телевизор. Как жена просила цветной телевизор. Пристала к мужу, а где тому взять, хоть воруй. Он схватил банку с краской, размахнулся и выплеснул на черно-белый экран: «На тебе цветной». А сам загужевал с Колей. У него был только боярышник, настойка, из аптеки. Но для зажигания хватило и его. Потом нашли чего посадистее. Тут я переспрашиваю:

— Какое? — Мне послышалось — игристое.

— Садистее. На спирту. Три дня керосинили. И Коля вновь поет:

— «Качается вагон, кончается перрон, и первая бутылка открывается...», потом спрашивает, правда ли в Японии милиция дышит сквозь маску, как же она тогда преступников ловит и так далее. Называет меня дядей.— Дядя, не спи, меня утащат. А я, дядя, люблю культуру. Дядя, поговори со мной!

Утро. Коля спит на полу в кухне. Вся упаковка снотворного опустошена. В полную мощь вдруг начинаются позывные радио. Коля вскакивает, объясняет, что это он ночью включил, чтоб не проспать на работу. Он идет умываться, я начинаю кипятить чай. Коля даже не присаживается. Он стоя пьет сэкономленное.

— С наступающим! — говорит он, наступая мне на ногу и мне веля наступить ему на ногу, чтоб не поссориться.

И отправляется на работу.

Я выключаю радио и падаю.

До армии Коля не пил. Служил за границей.

«И НИКАКИХ

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО?

НА СТАТЬЮ АНАТОЛИЯ РУБИНОВА «И НИКАКИХ ПРОБЛЕМ» ПРИШЛО МНОЖЕСТВО ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ОТКЛИКОВ И ДВА ВПОЛНЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОТВЕТА.

...Кто бы мог подумать, что эта статья, немножко похожая на фельетон, даст раскритикованным повод... похвастаться! В статье «И никаких проблем» («Огонек», № 36) Анатолий Рубинов рассказал о том, как просто и ловко Министерство бытового обслуживания населения РСФСР решило все бытовые проблемы — нет, не республиканские, а свои собственные, проблемы сотрудников. Высмотрев лучшую в стране фабрику химической чистки одежды и стирки белья, министерство устроило на ее базе свой комплексный приемный пункт (КПП). Дело не в организации КПП — они имеются во множестве на предприятиях, в организациях, и это хорошо. Дело в другом: под разговоры о самоокупаемости и самофинансировании два раза в неделю фабрика снаряжает специальный автомобиль, который едет через весь город; фабрика снимает с поста приемщицу, вешает объявление о том, что прием сорочек в стирку окончен, поскольку «квота» выбрана, а между тем прием продолжается—походной спецприемщицей, которая на спецмашине объезжает, собирая грязное белье, министерство, Моссовет, Госплан...

Первый заместитель министра бытового обслуживания населения В. М. Замула ничего особого в таком спецобслуживании не видит. В письме в редакцию он проявил прекрасные знания арифметики и вместе с тем обнаружил изъяны в элементарной географии. Тов. Замула пишет, что

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ

— Подвиньтесь немного, дайте взглянуть!

— Слона ведут, слона!

— А вон Никулин!..

Около забора, которым огорожено строительство нового цирка на Цветном бульваре, собралась толпа. Цирк есть цирк: все события его жизни интересны. И даже официальная церемония закладки первого камня, не теряя своей торжественности, здесь становится зрелищем.

Фактически стройка началась давно, в огромный котлован уже уложены бетонные блоки. Но для истории строительство цирка началось 19 октября 1987 года. С этого дня здание будет расти вверх.

Заместитель министра культуры СССР П. И. Шабанов, поздравив советских и финских строителей, выразил надежду, что через девятнадцать месяцев строительство будет закончено и к семидесятилетию советского цирка на Цветном бульваре мы уви-

ПРОБЛЕМ»

«министерство не может согласиться с автором статьи в вопросе «особенности» (кавычки поставлены тов. Замулой.— **Ред.**) функционирующего» КПП».

Далее идет пространное вдохновенное перечисление успехов отрасли, выраженных с помощью арифметики. Все они вызывают полное доверие, но до тех пор, пока не встречаются с географией: «Обслуживание КПП министерства фабрикой химчистки № 25, одной из ближайших...». Прервем цитату, чтобы внести существенное уточнение. Ближайший приемный пункт, берущийся стирать сорочки, расположен в 100 метрах от министерства и находится на улице Станиславского, в доме № 2, а в доме № 7 на той же улице расположено министерство. Фабрика № 25 расположена в десяти километрах — в сто раз дальше! Корреспондент «Огонька» проехал со «спецмашиной» от министерского «спецКПП» до фабрики и подтверждает: спидометр подтвердил эту разницу. Вдобавок из упоминаемых тов. Замулой 800 приемных пунктов прачечных по меньшей мере 300 находятся ближе, чем фабрика № 25. Дело, конечно, в другом. В ближайшем к министерству, на улице Станиславского, 2, милая приемщица откровенно сказала:

— Не сдавайте у нас. Очень плохо стирают. Да и бабочек (для поддержания формы воротничка) у нас нет.

Низкое качество спутали с географией? Впрочем, можно немного усомниться и в совершенстве проявленных арифметических знаний. Первый заместитель министра считает, что поездка спецшофера на спецмашине со спецприемщицей и стоянка в полтора часа не стоит ни копейки, поскольку «расходы... учтены в прейскурантной цене (так пишет автор ответа.— **Ред.**) услуги». Кто же платит за все это? Или все делается на общественных началах из почтения к министерству?

В официальном ответе есть неувязка и с историей. Тов. Замула объясняет привязанность к лучшей в стране фабрике исторически: спецобслуживание началось «более десяти лет тому назад, когда мощности фабрики по обработке мужских сорочек были недозагружены». Это могут опровергнуть и сами работники фабрики, которая всегда мучилась с очередями, но главное — клиенты. И десять, и двадцать лет назад они стояли в очередях и не всегда попадали в «квоту».

Что касается Моссовета, о котором тоже шла речь в статье «И никаких проблем», то два автора официального ответа ни словом не обмолвились о переодетом в белое милиционере, который не пускает избирателей в столовую, ничего не сказали о деньгах, которые платит государство за эту «работу». Один из авторов ответа, в котором обойдены все вопросы,— заведующий общим отделом исполкома Моссовета В. Н. Шапошников, как раз тот, кто не пустил к себе корреспондента. Теперь, уже письменно, он снова ничего не объяснил. Официальный ответ позволяет понять разве только то, что постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению общественного питания» тов. Шапошников и второй автор ответа, председатель профкома В. В. Максименко, трактуют как документ, который касается улучшения питания исключительно сотрудников аппарата Моссовета с помощью отгоняющих пришлую публику милиционеров.

Выводы из статьи «И никаких проблем» сделали только в Госпланах СССР и РСФСР. Здесь отказались от спецуслуг далекой прачечной, которая в убыток себе каждую неделю привозила дефицитную услугу им под дверь.

дим премьеру. Генеральный директор фирмы «Полар Ракеннусосакеюхтиэ» Харри Хинтикка сказал, что для финских строителей очень важно сохранить дух старого цирка, который так любили зрители.

Кульминационный момент церемонии — закладка капсулы, в которую вложена грамота с датой начала строительства. Юрий Никулин берет в руки мастерок. Потом мастерок переходит из рук в руки и наконец попадает к слонихе Даше...

— Мама, а зачем ты кидаешь туда монетки? — громко спросил маленький мальчик.

— Чтобы мы с тобой снова ходили в этот цирк, когда его построят.

— Тогда дай мне тоже монетку!

Овена РУМЯНЦЕВА,
фото Дмитрия ДЕБАБОВА

НЕ РАДИ КУЛАЧНОГО БОЯ...

Олег ТУРКОВ

С переменным успехом мы вдруг увлекаемся каратэ, дзюдо. При этом почему-то забываем о том, что на Руси издавна были свои школы борьбы, которые ничуть не хуже импортных «систем».

Народная память бережно хранит имена знаменитых отечественных богатырей — таких, как Иван Поддубный, Николай Вахтуров, Иван Заикин. Как эти люди тренировались, что и кого почитали, становясь сильнейшими в мире,— этими вопросами вот уже на протяжении нескольких лет занимается мастер спорта СССР Валерий Бутов.

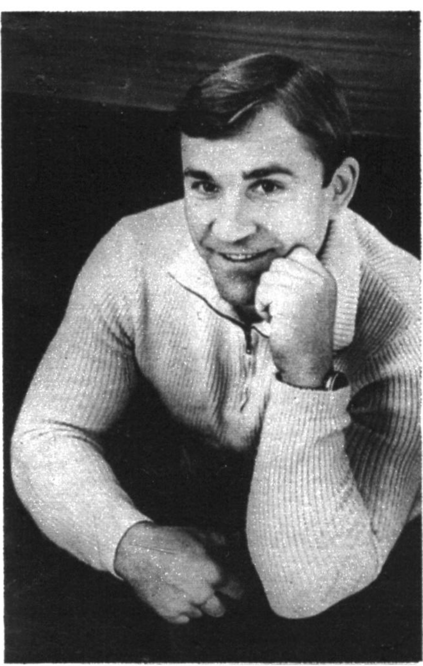
289 лет назад на Британских островах произошел курьезный случай. Главными действующими лицами в нем оказались шотландский боксер и русский гренадер.

«Петр I,— рассказывает историк М. Н. Лукашев,— при всей его склонности к полезным иноземным новшествам никогда не упускал случая с гордостью показать, на что способны его соотечественники. Строить корабли... как англичане, русские еще не научились, но вот соперничать в кулачном бою они могли с кем угодно. В этом царь не сомневался...

Петровский солдат был и высок, и широкоплеч, но все-таки внешне сильно уступал шотландскому гиганту. «Англичанин богатырским своим видом» уверял уже почти каждого зрителя, что сие есть для него малая жертва. Сама «жертва», однако, не проявляла никаких признаков беспокойства...»

Одна немаловажная деталь: дрался противник петровского солдата не с помощью кулаков, а... лбом.

С первых же секунд схватки англичанин всячески старался вызвать

Мастер спорта СССР В. Бутов.

гвардейца на атаку. Однако «гренадер, поджав руки, стоял прямо, не спуская с ратоборца глаз, и ожидал его к себе». В конце концов, уверенный в своем превосходстве, английский атлет не выдержал и ринулся в атаку сам, целясь поразить противника головой в солнечное сплетение. Это был тот самый знаменитый прием, который столько раз приносил силачу чистую победу. Зрители, которым казалось, что удар уже дошел до цели, увидели вдруг, что в последний миг гренадер, только этого и ждавший, успел обрушить свой увесистый кулак на нагнутую шею атакующего... Автор далее пишет, что противник «рухнул на землю, как подстреленный... Петр повернулся к свите и, уже не скрывая насмешки над столь малопочтенным употреблением головы, сказал:

— Русский кулак стоит английского лба!»

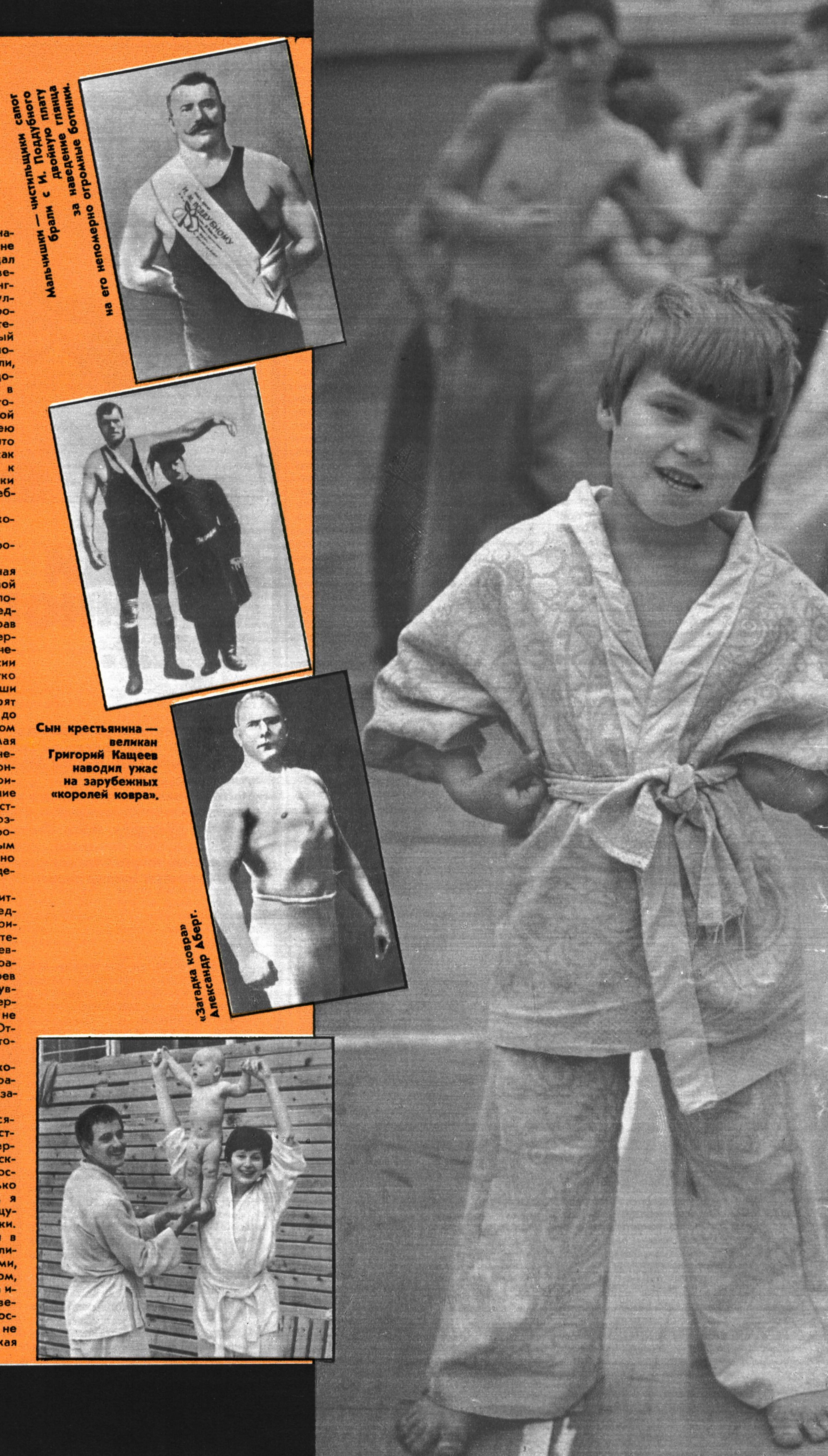
Я попросил Валерия Бутова прокомментировать этот случай.

— Думаю, что и рост, и огромная сила англичанина не имели в данной схватке решающего значения, а, пожалуй, наоборот, помешали последнему. Практически гренадер, выбрав правильную тактику, сломал соперника, используя его же силу. Почему-то принято считать, что в России не было бойцовских школ с четко выраженными программами. Наши исследования в этой области говорят об обратном. До сих пор остается до конца невыясненным, каким образом многочисленная орда хана Мамая была побеждена относительно небольшими дружинами Дмитрия Донского. По мнению историка В. Прищепенко, «воспитание и обучение русских дружинников, «мужей честных», начиналось с трехлетнего возраста. Из ребятишек растили профессиональных военных, которым предстояло нести ту же нелегкую, но почетную службу, что их отцам и дедам».

А другой наш исследователь, Дмитрий Зенин, считает, что «наши предки создали в высшей степени оригинальную и действенную систему всенародной подготовки и соревновательного отбора бойцов... Выразилась она в форме кулачных боев «стенка на стенку», где каждый чувствовал локоть товарища и придерживался строгих правил (лежачего не бить, кулак не утяжелять и т. п.)... Отсюда удивительная стойкость, которой отличались русские воины».

— Валерий, недавно вы были командированы в Чернобыль для работы на АЭС. Пригодилась ли закалка, пройденная по системе?

— Да, я действительно три месяца работал на ликвидации последствий аварии вблизи четвертого энергоблока. И по возвращении в Москву у меня возникла проблема с восстановлением здоровья. Несколько изменилась общая картина крови, я резко набрал в весе, впервые ощутил, что у меня есть печень, почки. Ребята помогли мне вернуться в нормальное состояние без услуг клиники, мы обменивались массажами, регулярно посещали баню с паром, чаями. Но самое главное — это д в и ж е н и е. Сейчас могу сказать с уверенностью, что испытание на выносливость мне помогла выдержать не в последнюю очередь и русская закалка.

Мальчишки — чистильщики сапог брали с И. Поддубного плату за наведение глянца на его непомерно огромные ботинки.

Сын крестьянина — великан Григорий Кащеев наводил ужас на зарубежных «королей ковра».

«Загадка ковра» Александр Аберг.

«Король гирь» — под таким именем выступал борец и атлет Петр Крылов.

Этот цирковой номер — повторение фронтового эпизода русского борца Александра Засса, известного в России и за рубежом под псевдонимом Железный Самсон.

Обладая удивительной силой, Вахтуров был по характеру скромным и добродушным человеком.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Достоинство, степень пригодности работы, изделия. 8. Командир подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». 9. Автоматическое устройство, используемое в системах управления, контроля, сигнализации. 10. Специалист, изучающий растения. 12. Приток Оби. 13. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре. 14. Подземная горная выработка для добычи угля. 16. Кровельный и гидроизоляционный материал. 18. Кормовое бобовое растение. 19. Народный художник СССР, автор картины «Ленин в 1917 году». 22. Колесо ременной или канатной передачи. 25. Озеро в Архангельской области. 27. Собрание, совещание ученых, представителей организаций, государств. 28. Насыщенный соляной раствор для лечебных целей. 29. Рассказ А. П. Чехова. 30. Птица с веерообразным хохолком. 31. Город в Красноярском крае. 32. Лошадь, отличающаяся особым способом бега.

По вертикали: 1. Актриса Московского театра имени Ленинского комсомола, народная артистка СССР. 2. Клавишный инструмент, используемый в симфоническом оркестре. 3. Договор, соглашение. 4. Тяжелоатлет. 5. Управление факультета. 6. Естественное химическое вещество в составе земной коры. 10. Член экипажа самолета. 11. Согласование, приведение в соответствие. 15. Город в Харьковской области. 17. Героиня стихотворения Н. А. Некрасова. 20. Советский поэт, автор стихотворения «Магнитка». 21. Русский астроном, академик. 23. Лиственное дерево, разновидность вяза. 24. Сменная деталь подшипника. 25. Русский композитор, пианист, дирижер. 26. Сборник произведений Э. Межелайтиса, удостоенный Ленинской премии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

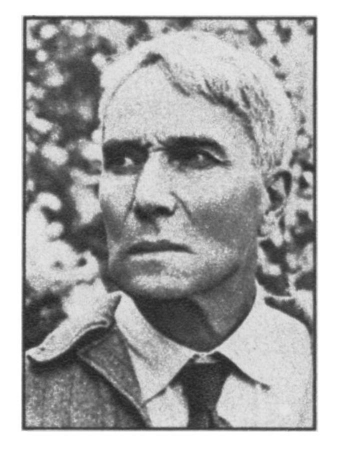
По горизонтали: 5. «Товарищ!». 7. Хоружая. 8. Диалектика. 9. Лётка. 11. Ткань. 13. Творог. 15. Ведро. 16. Крепс. 17. Силос. 19. Гнейс. 21. Декарт. 23. Венгр. 25. Пафос. 26. Планетарий. 27. Вольера. 28. «Арсенал».

По вертикали: 1. Жонглер. 2. Арника. 3. Брикет. 4. Маслина. 6. Щелково. 7. «Хуторок». 10. Крекинг. 12. Копейка. 13. Триод. 14. Грант. 18. Селенга. 19. Гранада. 20. «Перекоп». 22. Комитас. 24. Ролкер. 25. Прииск.

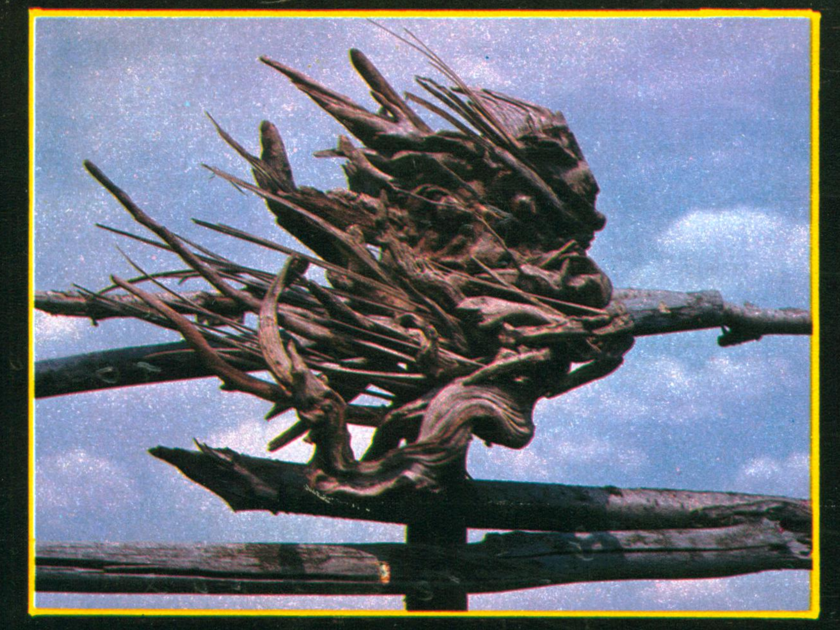
СКОРО В • ОГОНЬКЕ •

«Третий день стояла мерзкая погода. Это была вторая осень войны. Вслед за успехами первого года начались неудачи. Восьмая армия Брусилова, сосредоточенная в Карпатах, готова была спуститься с перевалов и вторгнуться в Венгрию, но вместо этого отходила, оттягиваемая назад общим отступлением. Мы очищали Галицию, занятую в первые месяцы военных действий.

Доктор Живаго, которого звали прежде Юрою, а теперь один за другим звали все чаще по имени-отчеству, стоял в коридоре акушерского корпуса гинекологической клиники, против двери палаты, в которую поместили только что привезенную им жену Антонину Александровну».

В № 50 читайте отрывок из романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

Эти «чудища» — творения природы и Касьяна Голейзовского. Он был человеком трудной судьбы, богато и разносторонне одаренным; привнес в классический балет свежую новаторскую струю, воспитав многих замечательных артистов балета.

Надо обладать незаурядной фантазией и художественным видением, чтобы в самых обыкновенных лесных корнях разглядеть эти выразительные, пластичные образы, как будто вставшие со страниц славянских сказок и легенд.

Кого они напоминают!..

Он увидел, отобрал, поработал топориком, наложил кое-где пластилиновые аппликации, и — перед нами узнаваемый характер, неповторимый в своей индивидуальности «портрет».

Валентин МАТВЕЕВ
Фото автора

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663